Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования
«ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Исторический факультет
Кафедра истории дореволюционной России

На правах рукописи

Фокин Александр Александрович

ОБРАЗЫ КОММУНИСТИЧЕСКОГО БУДУЩЕГО У ВЛАСТИ И НАСЕЛЕНИЯ СССР НА РУБЕЖЕ 50-60-Х ГГ. XX ВЕКА

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук
профессор И.В. Нарский

Челябинск — 2007

Содержание

Введение.....3

Глава 1. Коммунизм как образ будущего в официальном советском дискурсе на рубеже 50-60-х гг.....24
§ 1. История создания III Программы КПСС.....24
§ 2. Задача создания материально-технической базы коммунизма в III Программе КПСС.....43
§ 3. Общественные отношения и человек коммунистического будущего в III Программе КПСС.....64

Глава 2. Медиаторы коммунистических представлений в советском обществе.....87
§ 1. Официальная пропаганда коммунистической перспективы III Программы КПСС.....87
§ 2. Художественный текст как окно в «светлое будущее».....114

Глава 3. Коммунистические ожидания населения СССР на рубеже 50-60-х гг. 140
§ 1. Коммунизм и массы: основные моменты взаимоотношения ..140
§ 2. Варианты рецепции идеи коммунизма советским населением 155
§ 3. «Скептический» дискурс населения о коммунизме.....188

Заключение 201

Список источников и литературы.....208

Введение

Коммунизм, в советское время воспринимавшийся как конечная цель развития истории, после крушения Советского Союза стал рассматриваться в лучшем случае как миф, а в худшем — как один из самых значительных обманов в современной истории. Оценка коммунизма в обществе и науке связана с отношением к советскому государству. Если в период руководства страной коммунистической партии коммунизм, естественно, имел положительную оценку, то в постсоветский период отрицание прежнего опыта и коммунистической идеологии принципиально изменило и отношение к коммунизму. Современная наука предлагает новые методологические подходы, позволяющие абстрагироваться от этих противоположных точек зрения, и вновь обращается к исследованию одного из основных понятий марксизма-ленинизма – коммунизму, без которого изучение истории советского периода представляется проблематичным.

Наиболее отчетливо коммунистические перспективы в советской истории оформились на рубеже 50-60-х гг. XX в. В первую очередь, это было связано с принятием XXII съездом КПСС Программы партии, которая провозгласила начало эпохи «развернутого строительства коммунизма»: суть программы заключалась в построении в СССР коммунистического общества в течение 20 лет. Такая задача требовала от партийных органов, во-первых, определить понятие «коммунизм» в целом; во-вторых, конкретизировать отдельные его элементы, в-третьих, мобилизовать для воплощение коммунизма в жизнь. Партийная инициатива вызвала реакцию со стороны населения, которое также начало более четко оформлять и выражать свое представление о коммунизме.

«Развернутое строительство коммунизма» можно рассматривать как «сверхзадачу», выполнение которой определяло дальнейшее развитие страны. В это связи изучение опыта реализации этого мегапроекта представляется поучительным для создателей других, в том числе современных крупномасштабных национальных и государственных проектов Строительство «светлого будущего» на рубеже 50-60-х гг. демонстрирует, что даже самая

позитивная идея, подкрепленная системой пропаганды и в той или иной степени поддержанная населением, в итоге может окажется неосуществимой.

Историография указанного периода на сегодняшний момент не самая представительная. Основное внимание исследователей обращено на сталинский период, который характеризуется большим количеством опубликованных источников и работ исследовательского характера. Наметившийся в последнее время интерес к послесталинскому периоду истории СССР, на фоне определенного перенасыщения работами, касающимися 30-50-х гг., позволяет предположить, что исследования хрущевского периода в ближайшие годы окажутся в разряде актуальных. Это потребует, помимо прочего, анализа III Программы КПСС как одного из важнейших документов той эпохи и идеи коммунизма как стержневой основы

Многие исследования находятся в русле традиционных сюжетов экономической или политической истории. Невнимание к истории КПСС в последние 15 лет также неблагоприятно сказывается на изученности III Программы КПСС и исследованности официальной коммунистической позиции советского руководства. Еще менее исследованными оказываются «народные» представления о коммунизме. В связи с этим дальнейший историографический обзор выстроен по проблемному принципу.

Коммунизм как исследовательская проблема возникла в отечественной историографии недавно. В советский период 60-80-х гг. эпоха «развернутого строительства коммунизма» рассматривалась как актуальный этап развития страны в соответствии с представлениями марксистско-ленинской философии, что нашло свое отражение в стандартизированных исследованиях и учебных пособиях в рамках истории КПСС. Смена исследовательской парадигмы привела к изучению коммунизма как одного из утопических проектов[1]. В работах такой направленности делались попытки проанализировать коммунизм и выявить механизмы функционирования образа коммунизма в связи с

[1] См.: Ласки М. Утопия и революция // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. М., 1991.; Чаликов В. Предисловие // Утопия и утопическое мышление. М., 1991.; Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990.; Егоров Б.Ф. Российские утопии: Исторический путеводитель. СПБ., 2007.

утопическими произведениями, что накладывает определенный отпечаток на характер исследований. В центре внимания исследователей оказалась теоретическая модель коммунизма, выработанная в рамках марксистско-ленинской философии и зафиксированная в трудах классиков. При этом предполагалось, что такой «теоретический» коммунизм существовал на всем протяжении советской истории и не менялся со временем. Авторы, таким образом, не учитывали возможность изменения наполнения теоретических конструктов в зависимости от конкретного исторического контекста.

Наиболее изученными является политические аспекты создания III Программы КПСС. Обращая свое внимание на строительство коммунизма, исследователи останавливались, в первую очередь, на формальном документе — III Программе КПСС, поскольку строительство коммунизма воспринималось ими как партийно-государственный проект, который необходимо изучать в русле традиционной политической истории, то есть на основе официальных документов. Обозначенная методологическая позиция авторов влияла не только на подбор источников, но и на их анализ Они акцентировали свое внимание на истории создания Программы, работе программной группы и Н.С. Хрущева над текстом.[2]. Рассматривались причины создания новой Программы партии, основные задачи, обозначенные в ее тексте, однако подобные исследования носили формальный характер и в очередной раз подтверждали ошибочность политики партийного руководства.

Помимо работ, которые специально были посвящены изучению III Программы КПСС, ее освещали и в работах, так или иначе связанных с исследованием экономических проблем Советского Союза 50-60-х гг., поскольку Программа партии является одним из фундаментальных документов эпохи[3]. Стоит отметить, что интерес к сталинскому периоду советской истории

[2] См.: Н.С. Хрущев о проекте третьей Программы КПСС // Вопросы истории КПСС. 1989 № 8.; Барсуков Н. Коммунистические иллюзии Хрущева // Диалог. 1991. №. 5.

[3] См.: Опенкин Л.А. Были ли повороты в развитии советского общества в 50-е-60-е гг.? // Вопросы истории КПСС. 1988. № 8.; Шмелев Н., Попов В. На переломе: экономическая перестройка в СССР. М., 1989.; Ханин Г.И. Анализ тенденций экономического развития СССР (1928-1985) // Экономическая социология и перестройка. М, 1989.; Лейбович О.Л. Реформы и модернизация в 1953-1964 гг. Пермь, 1993.; Всемирная история экономической мысли. М., 1997. Т. 6. кн. 1.; Кудров В.М. Советская экономика в ретроспективе: опыт

опосредованно повлиял и на изучение хрущевского десятилетия. Поскольку XX съезд КПСС, на котором произошло развенчание «культа личности» И.В. Сталина, притягивал внимание исследователей, это, привело к понижению интереса к иным проблемам 50-60-х гг. Работы, которые уделяют внимание коммунистическому строительству, обращаются только к отдельным аспектам Программы партии, касающимся экономических задач советского государства, в них только постулируется тот факт, что в 1961 г. произошло провозглашение намерения КПСС построить в течение 20 лет коммунизм. В лучшем случае анализируются экономические предпосылки создания Программы партии и причины ее невыполнения. Таким образом, анализ охватывает преимущественно коммунистическую перспективу «сверху», без глубокого исследования скрытых факторов, которые обеспечивали формирование и функционирование образа коммунизма.

Коммунистическая тематика рассматривается и в работах, посвященных предыдущим периодам советской истории, поскольку и в послереволюционный период, и в сталинские времена «светлое будущее» постоянно «приближалось»[4]. Большее внимание исследователей к 20-50-м гг. по сравнению с 60-ми гг., естественно, отразилось и на степени разработанности проблемы. Работы Шт. Плаггенборга, Д. Хмельницкого, Ш. Фицпатрик, М. Чегодаевой демонстрируют продуктивный подход к вычленению представлений о будущем как из официального, так и из народного дискурсов. К тому же, в отличие от отечественной историографии, которая делает акцент на политических и экономических проблемах, зарубежные исследователи

переосмысления. М., 1997.; Дроздов В.В. Экономические реформы в СССР (1953-1985). Взгляды зарубежных исследователей. М., 1998.; Пихоя Р.Г. Советский Союз история власти. 1954-1991. М., 1998.; Пыжиков А.В. Оттепель: идеологические новации и проекты (1953—1964). М., 1998.; Зубкова Е.Ю. Общество и реформы. 1945-1964. М., 1999.; Трофимов А.В. Советское общество 1953-1964 годов в отечественной историографии: политика и экономика. Дисс. … докт. ист. наук. Екатеринбург, 1999.; Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001.; Ханин Г.И. Десятилетие триумфа советской экономики // Свободная мысль–XXI 2002, №. 5; Летенко А.В. Российские хозяйственные реформы. История и уроки. М., 2004.; Амосов А.И. Социально-экономичесая эволюция России. М., 2004.; Шестаков В.А. Политика Н.С. Хрущева в аграрной сфере: приемственность и новации // Отечественная история. 2006. №. 6.

[4] См.: Плаггенборг Шт. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией эпохой сталинизма. С-Пб., 2000.; Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город. М., 2001.; Чегодаева М.А. Социалистический реализм – мифы и реальность. М., 2003.; Хмельницкий Д. Зодчий Сталин. М., 2007.

обращают внимание на повседневные практики, на те ориентиры, которыми руководствовались в обыденной жизни советские люди. Анализу, в первую очередь, подвергается культура и составляющие ее элементы, начиная от переделки человека до изменения имен. Коммунизм рассматривается не только как утопия, но и как смыслообразующая основа эпохи. Помимо методологического аспекта, эти работы позволяют установить преемственность между зарождением марксистской идеи коммунизма и созданием III Программы партии.

Необходимо отметить, что попытка исследовать задачи строительства коммунизма в III Программе КПСС была предпринята в 2002 г. Т.Ю. Луциной[5]. Несмотря на то, что проблемно и хронологически диссертация Т.Ю. Луциной совпадает с данной работой, несколько существенных наблюдений позволяет сделать заключение, что в исследовании Т.Ю. Луциной не ставилась задача анализа представлений о коммунизме как власти, так и общества. В этой диссертации основной упор был сделан на двух моментах. Во-первых, коммунистическое строительство воспринимается исследователем как миф, понимается как обман и манипуляция. Во-вторых, коммунизм в работе Т.Ю. Луциной, в основном, рассматривается только в рамках разработки Программы партии, а значительная часть диссертации посвящена анализу взаимоотношений исторической науки и власти. Автор пытается продемонстрировать роль академической исторической науки, с упором на местный удмуртский материал, в оформлении «коммунистического мифа». Автор обозначает основные задачи Программы партии, не пытаясь определить комплекс идей, лежащих в их основе. Коммунистическая перспектива выступает в ее исследовании фоном, на котором показана ситуация в исторической науке. Также в диссертации Т.Ю. Луциной полностью отсутствует обращение к сознанию и представлениям населения СССР. Несмотря на ряд, весьма интересных выводов, в целом, можно сказать, что

[5] См.: Луцина Т.Ю. Миф «развернутого строительства коммунизма» в советском обществе в середине 50-х — начале 60-х годов. Дисс. … канд. ист. наук. Ижевск, 2002.

Т.Ю. Луциной не удалось систематически проработать проблематику коммунистических перспектив на рубеже 50-60-х гг. Таким образом, данная диссертация и работа Т.Ю. Луциной, на первый взгляд имеющие значительное формальное сходство, содержательно существенно различаются.

Традиция исторической науки связывает периоды советской истории с людьми, которые находились во главе государства; события, происходившие в то или иное время, тоже неразрывно связываются с личностью руководителя. Так, и идея «развернутого строительства коммунизма» интерпретируется как авантюрная инициатива Н.С. Хрущева. Поэтому анализ «коммунистического строительства» можно обнаружить в исследованиях, касающихся личности Н.С. Хрущева[6]. Недостатки анализа коммунистических перспектив в этих работах обусловлены точкой зрения авторов, которые коммунизм и его строительство выводят из особенностей личности партийного лидера.

Личностный взгляд на восприятие коммунизма нашел свое отражение и в разнообразных работах, проведенных с большой временной дистанцией, очевидцев принятия новой Программы партии [7]. Помимо присутствия личных впечатлений – пусть деформированных последующим опытом, эти сочинения одновременно интересны тем, что в них III Программа КПСС и предполагаемое «светлое будущее» раскрываются через отдельные эпизоды или бытовые ситуации, которые исчезают из поля зрения «официальной» истории. Эти работы выступают в двух ипостасях: во-первых, они являются источниками; во-вторых, содержат элементы исследования описываемого периода. И зачастую анализ события современником, который находился за кулисами и создания Программы партии, и обыденной советской жизни, более информативен, чем «научные» исследования.

Изучение механизмов трансляции коммунистических идей официального дискурса можно обнаружить в работах, посвященных истории отечественных

[6] См.: Медведев Р.А. Н.С. Хрущев: политическая биография. М., 1990.; Н.С. Хрущев (1894-1971): Материалы научной конференции посвященной 100-летию со дня рождения Н.С. Хрущева. 18 апреля 1994 года. М., 1994.; Гриневский О. Тысяча и один день Никиты Сергеевича. М, 1998.; Поползунов Ю.А. Н.С. Хрущев как политический лидер. Дисс. … канд. полит. наук. М., 2003.

[7] См.: Носов Е. Кострома не Айова // Никита Сергеевич Хрущев: Материалы к биографии. М., 1989.; Бурлацкий Ф. Глоток свободы. М., 1997. кн. 1.; Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М., 1998.

СМИ рубежа 50-60-х гг., в период пропагандирования Программы партии[8]. К сожалению, авторы уделяют мало внимания данному периоду, ограничиваясь сообщением о том, что СМИ активно участвовали в работе по распространению коммунистических идей, и перечнем печатных, телевизионных и радио материалов, созданных в 60-е гг. и касающихся коммунизма.

Среди работ, рассматривающих механизмы трансляции официального дискурса о коммунизме, следует выделить диссертацию В.Л. Дрындина[9]. В данном исследовании заявлены довольно узкие территориальные рамки, что не снижает значимости работы, раскрывающей механизмы функционирования партийной и государственной машины «агитации и пропаганды» в обозначенный период. Материал Южного Урала в работе рассматривается не изолированно, а в контексте решений и постановлений центральных органов. Южный Урал является своеобразным срезом, на примере которого демонстрируются общесоюзные тенденции, связанные с воплощением в жизнь идей партийных и государственных органов. В.Л. Дрындин показывает, с какими трудностями сталкивались агитаторы на местах, как была организована их работа, демонстрирует плюсы и минусы работы по пропагандированию государственной идеологии. В связи с тем что автор ставил своей задачей охватить все хрущевское десятилетие, сюжеты, связанные с III Программой КПСС, недостаточно обширны. К тому же В.Л. Дрындин рассматривает только «стандартные» механизмы пропаганды: СМИ, лекции, разнообразные занятия и т.д., не останавливаясь на иных видах трансляции официальных представлений и не затрагивая вопрос о взаимовлиянии представлений населения и средств пропаганды.

Художественные тексты[10] как медиаторы коммунистических образов на рубеже 50-60-х гг. в историографии практически не рассматриваются.

[8] См.: Гуревич П., Ружников В. Советское радиовещание. М., 1976.; Кузнецов И.В. История отечественной журналистики. М., 2002.; История мировой журналистики. Под ред. Беспаловой А.Г Москва – Ростов-на-Дону, 2003.

[9] См.: Дрындин В.Л. История пропагандированния постулатов государственной идеологии в условиях начала демократизации Советского общества (на материале Южного Урала середина 50-х – середина 60-х гг.) Дисс. … канд. исторических наук. Оренбург, 1997.

[10] Тексты в данном случае понимаются в широком значении, а не только как письменные, подробнее см. далее.

Существует литература, посвященная тем или иным текстам, в которых раскрывается общий фон эпохи, но увязки с коммунизмом в этом случае крайне поверхностны. К тому же по сравнению с традиционными формами «агитации и пропаганды», на которые исследователи в первую очередь обращают внимание, художественные тексты в принципе изучены очень слабо.

Необходимо особо выделить исследования, посвященные фантастической литературе, поскольку именно фантастика ориентировалась на описание будущего и пыталась дать прогноз дальнейшего развития человечества[11]. К сожалению, до сих пор жанр фантастической литературы воспринимается как один из жанров «низкой литературы», который не достоин серьезного внимания со стороны литературоведов. Только в последнее время наметились некие подвижки в этой области, и фантастика постепенно занимает полагающееся ей место в ряду исследовательских проблем[12]. Работы, посвященные фантастической литературе, тяготеют к обобщениям и стремлению дать широкую панораму развития фантастики. При таком подходе в рамки данного исследования попадают и И. Ефремов, и А. и Б. Стругацкие, ключевые фигуры в советской фантастике не только 50-60-х гг., но и всей ее истории. Эти авторы интересны тем, что создали полномасштабные «коммунистические утопии». Исследователи, обращавшиеся к творчеству данных писателей, пытались выяснить, чем обусловлено появление их произведений, объяснить популярность и выявить скрытые идеи, лежащие за видимым слоем текста. Однако результаты уже произведенных исследований сами по себе не представляют интереса для данной работы, их необходимо переосмыслять и связывать с другой информацией, для того чтобы показать роль фантастической литературы как медиатора образов коммунизма.

Понятие художественного текста, помимо литературы, включает многие творения человечества. В первую очередь, это относится к произведениям искусства, но, кроме того, в качестве медиаторов могут выступать

[11] В данной работе не рассматривается жанр классической утопии, поскольку представляется, что в данный период функции утопии, как отображения идеального общества, перенимает на себя фантастика.
[12] См.: Энциклопедия фантастики / Под ред. Вл. Гакова. Минск, 1995.; Фишман Л.Г.Фантастика и гражданское общество. Екатеринбург, 2002.; Фрумкин К.Г. Философия и психология фантастики. М., 2004.

разнообразные явления, начиная от языка и заканчивая кулинарией. Следовательно, исследования, в которых освещается проблема взаимодействия между неким явлением и сознанием советского человека, могут быть включены в данный обзор историографии[13]. Однако в данных работах также не ставится цель отметить связь исследуемого предмета с задачей строительства коммунизма. Зачастую остается только поместить их выводы в контекст коммунистических идей рубежа 50-60-х гг., дабы они приобрели дополнительный смысл и продемонстрировали неявные механизмы, благодаря которым осуществлялась работа коммунистических идей.

Наиболее интересной и наименее изученной проблемой в рамках данной диссертации является исследование образа коммунизма в сознании обычных советских граждан. Отметим, что существует работа, цель которой — изучение коммунистических перспектив в представлениях части населения Советской России[14]. Однако это исследование ограничено как территориально — рамками Европейской части России, так и по групповому принципу, поскольку описываются только представления крестьян, причем хронологические рамки исследования составляет период 1921-1927 гг. Здесь на основании изучения крестьянских писем «во власть» выявляется несколько основных вариантов интерпретации крестьянами марксистско-ленинского коммунизма; дается описание того, как складываются эти варианты, насколько велика частотность проявления того или иного варианта в письмах, а также с чем это было связано. Н.Е. Шаповалова, помимо исследования заявленной проблематики, проводит краткое сопоставление и с последующими периодами, в том числе и с рубежом 50-60-х гг. Работа Н.Е. Шаповаловой позволяет выявить сходство и различие в представлениях о коммунизме на протяжении почти 40 лет.

---

[13] См.: Серио П. Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинализации // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 1999.; Гюнтер Х. Архетипы советской культуры // Соцреалистический канон. С-Пб. 2000.; Гюнтер Х. Соцреализм и утопическое мышление // Соцреалистический канон. СПб., 2000.; Паперный В. Соцреализм в советской архитектуре // Соцреалистический канон. СПб, 2000.; Похлебкин В.В. Кухня века. М., 2000.; Арутюнов С.А. Основные пищевые модели и их локальные варианты у народов России // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М., 2001.; Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб., 2003.

[14] См.: Шаповалова Н.Е. Коммунистическая перспектива в представлениях крестьян Европейской части России (1921-1927 гг.). Дисс. … канд. ист. наук. Армавир, 2001.

Отношение к коммунизму и его восприятие можно обнаружить не только в письменных источниках, но и в фольклоре, в первую очередь, в политических анекдотах. Поэтому в историографическом обзоре оцениваются и работы, посвященные анекдотам. Подобно фантастической литературе, анекдот стал объектом исследования относительно недавно. В значительной степени это было обусловлено тем, что в период существования СССР заниматься изучением политических анекдотов, которые в большинстве своем имели антисоветский характер, было затруднительно. Вследствие этого количество исследований на данную тему невелико[15]. Они, в первую очередь, интересны методологией работы с анекдотом как источником. Специалисты разных областей, с разных точек зрения подходят к феномену бытования анекдота в русской культуре, частью которой является и советская культура. Привлечение подобных исследований позволяет выявить отношение населения к коммунизму, выраженное в анекдотах.

Большинство вышеперечисленных исследований касаются коммунистических представлений советских людей на рубеже 50-60-х гг. весьма опосредованно. Наиболее полно данная проблематика была раскрыта в работах Б.А. Грушина и Ю.В. Аксютина[16]. Оба исследования пытаются воссоздать те умонастроения, которые бытовали в хрущевский период в сознании советского человека. Данную задачу оба автора решают с помощью социологических методик. В одном случае основным источником явилась авторская коллекция анкет, полученная в ходе нескольких социологических опросов, в которых современники того периода излагают собственное мнение об актуальных вопросах. Ю.В. Аксютин обработал анкеты, сгруппировал и представил некий срез общественного мнения. В основе исследования

[15] См.: Каган М.С.Анекдот как феномен культуры. Вступительный доклад // Анекдот как феномен культуры. Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. СПб., 2002.; Мошкин В., Руденко Д. Детский политический анекдот // Социологические исследования, М., 1996; Соколов Е.Г. (Русская) культура как феноменально-феноменологический анекдот // Анекдот как феномен культуры. Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. СПб., 2002.; Чередниченко Т.В. Наш миф // Arbor Mundi. Мировое дерево. Международный журнал по теории и истории мировой культуры. № 1. М.: РГГУ, 1992.

[16] См.: Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественная настроения в СССР в 1953-1964 гг. М., 2004.; Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов: Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. Кн. 1. Эпоха Хрущева. М., 2001.

Б.А. Грушина лежат данные масштабного социологического опроса, проведенного «Комсомольской правдой» в августе-ноябре 1961 г. Таким образом, материал собирался параллельно со «всенародным обсуждением» Программы партии. Естественно, что и у того, и у другого подхода есть свои плюсы и минусы, и это приводит к выводу о необходимости обобщения результатов обоих исследований. Работа Ю.В. Аксютина и Б.А. Грушина с такими базами данных в рамках социологии понятна и оправданна. В результате своих исследований они получили богатый фактический материал, качественно и профессионально его обобщили и представили обоснованные итоги. Однако выводы, полученные с помощью социологических методов, в рамках исторического исследования могут использоваться только в сопоставлении с комплексом других источников в общеисторическом контексте. Определенная формальность социологического исследования, заключающая респондента в некие условные границы, не позволяет человеку полностью выразить свое мнение и, кроме того, значительно сужает тематические рамки, игнорируя некоторые важные моменты, связанные с представлениями населения о коммунизме.

В англоязычных исследованиях внимание к сталинскому периоду также привело к тому, что период рубежа 50-60-х гг. оказался слабо изученным. Современных исследований по советской идеологии этой поры не так уж и много. Основные исследования, проводившиеся в 60-е гг. под влиянием новой Программы партии, являются скорее политологическими, чем историческими. После этого появляются отдельные статьи по идеологии, и пассажи в общих работах по марксистской идеологии[17].

[17] Shapiro L. (ed.). The USSR and the Future: an Analysis of the New Program of the CPSU. NY, London, 1963.; Low A.D. Soviet Nationality Policy and the New Program of the Communist Party of the Soviet Union // Russian Review. 1963 № 22/1.; Breslauer G. Khrushchev and Brezhnev as Leaders: Building Authority in Soviet Politics London, 1982.; Brown A. Political Power and the Soviet State: Western and Soviet Perspectives // Neil Harding (ed.) The State in Socialist Society. London, 1984.; Hill R.J., The All-People's State and Developed Socialism // Neil Harding (ed.) The State in Socialist Society. London, 1984.; Gellner E. State and Society in Soviet Thought Oxford, New York, 1988.; Shlapentokh V. Public and private life of the Soviet people : changing values in post-Stalin Russia. New York, Oxford, 1989.; Nahaylo B., Swoboda V. Soviet Disunion : a history of the nationalities problem in the USSR. London, 1990.; Simon G. Nationalism and policy toward the nationalities in the Soviet Union: from totalitarian dictatorship to post-Stalinist society. Oxford, 1991.; Rigby T.H. The Government in the Soviet Political System // Eugene Huskey (ed.) Executive Power and Soviet Politics: The Rise and Decline of the Soviet State. Armonk, N. Y., 1992.; Fitzpatrick S.

Интерес вызывают работы таких молодых историков, как Юлиана Фюрст и Бриан Ла Пьер которые указывают на то, что инициированную Хрущевым либерализацию социокультурной жизни и попытки реанимировать общественную активность необходимо интерпретировать лишь как сопутствующий эффект стремления нового партийного руководства к дифференциации социальной системы. Политическая прерогатива состояла в том, чтобы направлять и контролировать общественные изменения. Эти новые критические исследования направлены против характеристики «оттепели» как периода «свободы»[18].

Объектом диссертационного исследования является представления о коммунизме в СССР 50-60-х гг. XX в. Эти представления получили отражение в корпусе текстов, порожденных трансляцией и восприятием коммунизма как теоретического конструкта марксистской философии властью и населением на рубеже 50-60-х гг. Задача строительства коммунизма оказывала в обозначенных хронологических рамках значительное влияние на принятие решений и поведение, как властных структур, так и населения, что, в свою очередь, обуславливало развитие страны и ход исторического процесса.

Предметом исследования выступают зафиксированные в текстах о коммунизме идеи, формирующие представление о коммунистических перспективах.

Цель исследования заключается в том, чтобы выявить и проанализировать образы коммунизма, функционировавшие во власти и населении на рубеже 50-60-х гг.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи:**

Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia // Journal of Modern History. 1993. № 65.; Walicki A. Marxism and the Leap to the Kingdom of Freedom. Stanford, 1995.; Brudny Y. Reinventing Russia. Russian Nationalism and the Soviet State, 1953-1991. Cambridge, MA, 1998).; Taubman W. Khrushchev. The Man. His Era London, 2005.; Renkama J. Ideology and challenges of political liberalisation in the USSR, 1957-1961: Otto Kuusinen's «Reform Platform», the State Concept, and the Path to the 3rd CPSU Programme. Helsinki, 2006.

[18] Комментарии К. Гествы на текст Л. Коноваловой Городские детские "пространства"в Челябинске в период «оттепели», 1953-1964. // http://isem.susu.ac.ru/curr/kinderwelte_rus/comments/

1) проследить изменение представлений о коммунизме от работ К. Маркса и Ф. Энгельса до конца 50-х гг. с тем, чтобы обозначить контекст понимания коммунизма в III Программе КПСС;

2) проанализировать основные идеи и причины создания III Программы КПСС, тем самым, обозначив официальный образ коммунизма;

3) описать механизмы взаимодействия между официальным коммунистическими перспективами и населением;

4) характеризовать систему пропаганды основных положений Программы партии и коммунистических перспектив;

5) выявить циркулировавший среди населения комплекс идей, связанных с коммунизмом, и изучить положительное и скептическое отношение советских граждан к предлагаемому властью «светлому будущему».

Хронологические рамки определяются рубежом 50-60-х гг. XX в. Формальными границами могут служить 1956 г., когда на XX съезде КПСС было принято решение о создании новой Программы КПСС, и 1964 г., когда должна была вступить в силу новая Конституция СССР, призванная подтвердить и дополнить положения Программы партии, но этого не произошло в связи с отставкой Н.С. Хрущева. В брежневский период произошел отказ от идеи развернутого строительства коммунизма.

Источниковую базу исследования составили архивные и опубликованные документы, а также целый комплекс разнообразных текстов, созданных в изучаемый период. История создания III Программы КПСС нашла свое отражение в собраниях Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ). В этих архивах находятся фонды ЦК КПСС по проведению XXII съезда КПСС[19] и коллекция документов по разработке III Программы КПСС[20]. Помимо официальных документов фонды РГАСПИ содержат богатый материал о «всенародном обсуждении» Программы партии.

[19] РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4.
[20] РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1.

Письма населения хранятся не только в фонде III Программы КПСС, но и в коллекции документов редакции журнала «Коммунист»[21].

Спецификой источниковой базы данной диссертации является тот факт, что основная масса источников опубликована, а доля архивного материала на этом фоне невелика. Это связано с тем, что вместе с официальным пониманием коммунизма рассматривается и трансляция этого понимания, восприятие коммунизма населением, что заставляет обращаться к публикациям рубежа 50-60 гг.

Среди опубликованных источников следует выделить стенограммы XVIII, XX, XXI и XXII съездов КПСС[22] и материалы XIX и XXII съезда КПСС[23]. Данные источники позволяют очертить тот комплекс идей и представлений, которые лежали в основе официального дискурса о коммунизме. Стенографические отчеты содержат речи партийных руководителей, в которых они выступали как трансляторы коммунистических идей, раскрывая и обосновывая основные положения официальной трактовки коммунизма. Сопоставление отчетов съездов делает возможным проследить развитие и оформление официальной доктрины коммунизма до того момента, как был провозглашен курс на «развернутое строительство коммунизма».

Помимо этого, данные документы служат источником сведений о том, как власть транслировала свои идеи, ведь выступление с трибуны съезда было обращено не только к зрительному залу, но и ко всему советскому народу. Методы взаимодействия власти и населения частично зафиксированы в стенограммах выступлений.

Отдельно следует отметить, что именно стенографический отчет может выступать как источник текста III Программы КПСС, которая на страницах стенографического отчета XXII съезда КПСС предстает сначала как проект, а потом как официально принятый документ. Значение Программы партии как

[21] Там же. Ф. 599. Оп. 1.
[22] XVIII съезд ВКП (б). 10—21 марта 1939 года. Стенографический отчет. Л. 1939.; XX съезд КПСС. 14-25 февраля 1956 года. Стенографический отчет. М., 1956.; Внеочередной XXI съезд КПСС. 27 января — 5 февраля 1959 года. Стенографический отчет. М., 1959.; XXII съезд КПСС. 17-31 октября 1961 года. Стенографический отчет. В. 3-х т. М., 1962.
[23] Резолюции XIX съезда КПСС. 5-14 октября 1952 г. М., 1953.; Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961.

источника для изучения официальных и народных представлений о коммунизме, трудно переоценить. Этот документ можно назвать главным документом рубежа 50-60-х гг. в СССР. Партийная программа определяла не только партийные и государственные планы на ближайшие 20 лет, но и предлагала перспективу «идеального» общества. В Программе партии ставились задачи, решение которых должно было привести тогдашнее поколение советских людей к коммунизму. Проанализировав эти задачи, исследователь получает возможность увидеть, что, по мнению властей того периода, необходимо было сделать, дабы наступил коммунизм и — самое главное — что он собой представлял.

Для корректного изучения III Программы КПСС в качестве источников следует привлечь предыдущие партийные программы[24]. Сравнение трех программ позволяет проследить, как менялись партийные установки на различных этапах истории, какие задачи ставились в первой и второй Программах и почему именно третья решилась дать конкретные сроки завершения строительства коммунизма.

Немаловажные данные содержатся в двух публикациях архивных материалов: А.А. Барсукова и А.А. Данилова. А.А. Барсуков опубликовал материалы по подготовке проекта III Программы КПСС, куда вошли замечания Н.С. Хрущева к предложенному тексту проекта Программы партии[25]. Данная публикация вызывает особый интерес, поскольку благодаря представленным материалам можно сделать заключение, во-первых, об официальном коммунистическом дискурсе, во-вторых, о восприятии коммунизма Н.С. Хрущевым. А.А. Данилов собрал данные о работе конституционной комиссии, подготовившей текст новой конституции СССР, которая должна была закрепить положения Программы партии, но осталась нереализованной[26].

[24] Программа Российской коммунистической партии (большевиков) // Хрестоматия по истории КПСС. М., 1989. Т. 1.; Программа Российской Социал-демократической рабочей партии принятая на II съезде партии // Хрестоматия по истории КПСС. М., 1989. Т. 1.
[25] Н.С. Хрущев о проекте третьей Программы КПСС // Вопросы истории КПСС. 1989 № 8.
[26] «Утаенная Конституция» Никиты Хрущева // Исторический архив. 1997. №. 1.

Важным источником для изучения и понимания коммунистических представлений на рубеже 50-60-х гг. служат труды классиков марксизма-ленинизма и руководителей страны[27]. Сочинения К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина демонстрируют те идеи, которые лежали в основе представлений о «светлом будущем» официального советского дискурса. Труды И.В. Сталина призваны показать эволюцию представлений о коммунизме от классиков к исследуемой эпохе, а также тот факт, что, несмотря на XX съезд КПСС и критику «культа личности», практика коммунистического строительства хрущевского периода имеет много общего со сталинской эпохой. Различные выступления Н.С. Хрущева позволяют расширить представления о коммунизме, особенно в тех вопросах, которые касаются частных моментов и методов трансляции этих представлений.

Наибольшую информацию о трансляции коммунистических перспектив властью можно обнаружить в источниках, представляющих собой материалы СМИ[28]. Среди них необходимо выделить статьи в газетах и журналах, которые были призваны «переводить» и доводить до населения положения Программы партии[29], и источники, в которых коммунистические идеи транслировались не напрямую, а опосредованно, через критику негативных явлений советской реальности и подчеркивание положительных.

Близки материалам газет и журналов и научно-популярные издания, которые также позволяют говорить о взаимодействии официального дискурса о коммунизме с населением[30]. Подобная литература, находясь в промежуточном

[27] Ленин В.И Собр. соч. Т. 25, 35.; Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 1, 2, 3.; Сталин И.В. Соч. Т. 10.; Хрущев Н.С. За новые победы мирового коммунистического движения // Коммунист. 1961. № 1.

[28] Правда. 1960-1964 гг.; Известия 1960-1964 гг.; Труд. 1960-1964 гг.

[29] Гак Г. Коммунизм и личная собственность // Коммунист. 1961. № 1.; Козлов Г. О закономерностях развития производительных сил коммунистической формации // Коммунист. 1961. № 3.; Логинов А. Читая книгу о коммунизме… // Коммунист 1960 № 12.; Панферов Ф. Что такое коммунизм // Октябрь 1960 № 1.; Подгорный Н. На путях к победе коммунистического труда // Коммунист. 1960. №. 6.; Дмитриевский В., Брандис Е. Современность и научная фантастика // Коммунист 1960. № 1.; Юдин П. Закономерный характер перехода от социализма к коммунизму // Коммунист. 1961. № 12.

[30] Глезерман Г.Е. Будущее которое начинается сегодня М., 1960.; Он же. Коммунизм и труд М. 1961.; Журавков М. О коммунистическом воспитании трудящихся М., 1959.; Епищев П.И., Глазов Л.М. О возрастающей роли КПСС в строительстве коммунизма Л., 1959.; Ефимов В.Т. Коммунизм и мораль Киев, 1961.; Маслов Н.Н. Самое важное для победы коммунизма Л., 1959.; Рожин В.П. Развитие XXII съездом марксистско-ленинской теории Л., 1963; Он же. Что значит трудиться по-коммунистически Л., 1961.; Он же. Что такое коммунизм? Л., 1959.; Струков Э.В. Человек коммунистического общества М., 1961.; Струмилин С.Г. Рабочий день и

положении между властью и населением, позволяет изучать и официальные коммунистические представления, и трансляцию идей власти, одновременно являясь одним из источников формирования коммунистического образа у жителей Советского Союза.

Особый источник для данного исследования — это художественная литература и, в первую очередь, фантастика[31]. Влияние художественного текста на сознание население весьма велико, поскольку художественное оформление идеи оказывает большее влияние на рядового человека, чем статья в газете, пусть и в центральной. Представляется, что использование фантастики как источника по изучению коммунистических представлений позволит более корректно проследить взаимодействие официального образа коммунизма с представлениями населения.

Не менее интересным, но почти не изученным источником является «Книга о вкусной и здоровой пище»[32]. Являясь концентрированным выражением представления о том, как должно было быть организовано питание в СССР, она демонстрировала и продуктовое изобилие, которое для большинства населения отождествлялось с коммунизмом, а следовательно, «Книга о вкусной и здоровой пище» служила для советского человека своеобразным кулинарным путеводителем по «светлому будущему».

Методология работы базируется на использовании подходов, которые родились в рамках нескольких отраслей гуманитарного знания. Наиболее продуктивными представляется культурная история и история идей[33]. В рамках этих парадигм могут быть применены наработки многих дисциплин: культурологии, социальной антропологии, фольклористики, лингвистики, литературоведения. Таким образом, реализуется принцип мультидисциплинарности, который позволяет изучить представление о

коммунизм М., 1959.; Чесноков Д.И. От государства диктатуры пролетариата к общенародному государству М., 1962.

[31] Богданов А. Красная звезда. М., 1990; Ефремов И. Туманность Андромеды. М., 2004.; Стругацкие А. и Б. Полдень 22 в. СПб, 2006.

[32] Книга о вкусной и здоровой пище М., 1951.; Книга о вкусной и здоровой пище М., 1961.; Книга о вкусной и здоровой пище М., 1964 г.

[33] Историография по данному вопросу обширна, поэтому отошлем к следующей обзорной работе: Ровный Б.И. Введение в культурную историю. Учебное пособие. Челябинск, 2005.

коммунизме в разных аспектах**,** и дать более полную картину, по сравнению с результатами чисто исторических методов**.**

Для понимания советского дискурса представляется особо важным, что происходило совмещение трех времен в едином социальном конструкте. Такая позиция основывается на расширенной трактовке идеи М.А. Барга, который в своей работе писал: «Общественный индивид в состоянии жить, смотря вперед, только в том случае, если его мысль оглядывается назад»[34]. М.А. Барг, в первую очередь, рассматривал проблему исторического сознания в историографии, но представляется, что его идеи могут иметь более широкое применение.

Будущее конструируется из элементов личного или социально усвоенного опыта. Человек как элемент социума одновременно является субъектом и объектом формирования социальной памяти, которая является хранителем социального прошлого. Сконструированное на основании прошлого представление о будущем является для настоящего эталоном, определяющим модусы поведения человека. Движение в будущее рассматривается как развитие положительных черт современности, приводящих к построению идеальной системы. Социальная память, как и природная, обладает способностью избирательно забывать некоторые факты прошлого. Потребности настоящего влияют на выбор элементов пережитого опыта, определяя образ социального прошлого. Все три времени оказываются взаимосвязаны.

Советский человек, во власти и за ее пределами, находился в рамках мифологической системы, которая делила время на три части: светлое будущее всего человечества – коммунизм; настоящее, которое призвано воплотить коммунизм в действительность и прошлое, логика развития которого предполагала возможность перехода из настоящего к ожидаемому будущему – коммунизму. Для обеспечения нужной логики развития прошлого в советской действительности имелась особая концепция отбора и интерпретации фактов, которая выдавала необходимый образ прошлого. В «Восемнадцатом Брюмере

[34] Барг М.А.Историческое сознание как проблема историографии // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. М. 2005. С. 13.

Луи Бонапарта» К. Маркс писал: «Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого»[35]. Коммунизм К. Маркса, и в значительной степени, III Программы КПСС представлял собой одновременно и отречение от всей прошлой истории, и ее итог, поскольку он был подготовлен всем предшествующим развитием общества[36].

Также в данной работе нашли свое отражение идеи французских постструктуралистов, и в первую очередь Р. Барта[37], в частности, методики анализа визуальных и текстовых документов для поиска в них неявных смыслов, а также концепция интерпретации мифологии Р. Барта. В названии нашей работы термин «миф» не нашел свое отражение, поскольку данное понятие отличается многозначностью и негативными коннотациями. Однако комплекс представлений о коммунизме сближается с теорией мифа, поэтому использование методов Р. Барта представляется продуктивным для данного исследования. Особенный интерес вызывает концепция «похищения языка», демонстрирующая, как значение слова может трансформироваться и приобретать новый смысл, тем самым, создавая новую семиотическую систему.

Исследуемая проблема обусловила применение методов общего характера (логический, метод классификации) и специально-исторических: исторической реконструкции и сравнительно-исторического анализа.

Обозначим и основные понятия используемые в данной работе. В диссертации под дискурсом будет подразумеваться некий набор текстов, в которых фиксируются идей, в свою очередь, определяющие поведение, как отдельного человека, так и больших групп[38].

В рамках этого понимания следует обозначить соотнесение идеи и дискурса. Что касается коммунистического дискурса, то, конечно, идея

[35] Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 8. С. 119.
[36] Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990. С. 249.
[37] Барт Р. Мифологии. М., 2000.
[38] Постмодернизм Энциклопедия. Минск, 2001. С. 232.

коммунизма появилась раньше дискурса. Надо отметить, что она возникла на основе уже существовавших дискурсов.

Необходимо дать пояснение термина «медиатор», используемого в данной работе. В рамках гуманитарной парадигмы представление о медиаторе еще не сформировалось, в связи с чем отсутствует четкое и однозначное определение данного понятия. В обыденном словоупотреблении слово «медиатор» трактуется либо как биологически активное вещество, участвующее в передаче нервного импульса в органы, либо как синоним плектра, приспособления для игры на струнных инструментах. Эти значения не могут быть использованы в данном исследовании. Обычно, когда возникает необходимость охарактеризовать функцию передачи информации, используется термин «транслятор». В зависимости от контекста в понятие «медиатор» включаются и посредники, которые, пожалуй, по смыслу наиболее близки медиатору в нашем понимании, но посредник предполагает одушевленность, в отличие от нейтрального медиатора. Медиатор — это и трансляторы, независимо от того, в какую сторону они направлены, и ретрансляторы, выполняющие функцию передачи информации не напрямую, а опосредованно. Синонимически понятию «медиатор» близок и оракул, проводник непререкаемой и абсолютной истины, который обеспечивает вербализацию «истинного» знания, указывая остальным «верный» путь, а также «медиум», в чью компетенцию входит не просто передача информации, полученной «сверху», а обеспечение возможности диалога обычных людей и «иной» реальности.

Научная новизна работы состоит в том, что в исследовании впервые предпринята попытка изучения актуальных ожиданий не только политической элиты, но и рядовых граждан СССР на рубеже 50-60-х гг. В работе производится проверка гипотезы о прагматичности III Программы КПСС в противовес сложившейся в постсоветской историографии традиции воспринимать данный документ как очередную утопию. Работа абстрагируется

от полярных оценок Программы партии, свойственных как советской, так и постсоветской историографии.

В ходе проверки гипотезы уточняется официальное понимание коммунизма на рубеже 50-60-х гг. XX века. В отличие от предыдущих. исследований в диссертации впервые анализируются не только механизмы, но и результаты трансляции и восприятия представлений и образов коммунизма, которые предлагались советским руководством и по-своему — и по-разному — истолковывались населением.

Обозначенные выше задачи определяют **структуру** работы. Основная часть состоит из трех глав, которые, в свою очередь, разделены на параграфы. Также имеются обязательные элементы: введение, заключение, список использованных источников и литературы.

Первая глава посвящена исследованию истории создания III Программы КПСС, отражающей официальный дискурс о коммунизме и основные элементы, которые должны были, по мнению властей, сформировать «светлое будущее».

Во второй главе анализируются действия разнообразных медиаторов, которые оказывали влияние на формирование коммунистических представлений у населения и корректировали в ходе передачи информации официальный дискурс.

В третьей главе выявляются и описываются образы коммунизма, бытовавшие среди населения Советского Союза на рубеже 50-60-х гг. На страницах данной работы нашли свое отражение не только позитивное отношение и вера в наступление «светлого будущего», но и скептические мнения и способы их выражения.

Глава 1. Коммунизм как образ будущего в официальном советском дискурсе на рубеже 50-60-х гг.

§ 1. История создания III Программы КПСС

Коммунизм, в марксистской идеологии, изначально предполагался конечной точкой в развитии мирового общества. Это, в свою очередь, не означало, что с переходом в коммунизм настанет конец истории, — наоборот, только тогда и начнется подлинная история человечества, освобожденного от всех оков и вступившего в эпоху подлинной свободы и равенства. Хотя классики не рассматривали задачу построения коммунизма как самоцель, для них он являлся моментом человеческого освобождения и возрождения. Коммунизм, в представлении К. Маркса, являлся не желаемым проектом, неким идеалом, с которым необходимо соизмеряться и к которому необходимо стремиться, а итогом революционного движения и развития тенденций, заложенных в обществе, исходя из объективных социальных законов. В творчестве К. Маркса можно обнаружить лишь смутные указания на конкретное виденье им будущего общества, поскольку для него существовало громадное различие «между спекулятивными фантазиями и законами, управляющими социальными процессами, или, как предпочитали формулировать Маркс и Энгельс, между “утопией” и “наукой”»[1]. Этот момент является немаловажным, поскольку в дальнейшем сторонники марксизма, создавая программы построения коммунистического общества, будут разграничивать свои «научно обоснованные» предположения и утопические фантазии прошлого и настоящего, а их противники и критики будут указывать на утопический характер представлений о «светлом будущем».

Октябрьская революция 1917 года по-новому заставила взглянуть на задачу построения нового общества. Во-первых, это был шаг, который, согласно внутренней логике марксистской философии, ознаменовал изменение экономической формации, а значит, приближал человечество к коммунизму. С

[1] Ласки М. Утопия и революция // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. М., 1991. С. 182.

другой стороны, сама русская революция вступала в противоречие с логикой марксизма. «Фактически Ленин переворачивает теорию революции классиков марксизма. Если те говорили о социалистической революции в *будущем* после достижения достаточно высокого уровня развития капитализма, причем в *центре* капиталистического мира, то Ленин переносит ее в *настоящее* и на *периферию*, в наиболее слабое звено капиталистической системы»[2]. Сначала советские идеологи, а затем и историки прикладывали массу усилий, дабы доказать закономерный, а не случайный, характер событий, произошедших в октябре 1917 года.

Во-вторых, с приходом большевиков к власти построение коммунизма перешло из задач теоретического плана в практическую плоскость. Молодое советское правительство должно было выполнять свои идеологические установки и строить первое в мире социалистическое государство, являющееся плацдармом для грядущей мировой революции, которая своим огнем «очистит» землю для торжества коммунизма. Революционный порыв оборачивался своеобразной эсхатологией, представлялось, что из искры, зажженной в Советской России, возгорится пламя во всем мире. Возможно, именно в революционные годы коммунистические ожидания были наиболее сильны, и в сознании определенной части населения построение сначала социализма, а затем и коммунизма было делом ближайших лет. Как пишет Ф. Панферов: «Когда-то, лет сорок тому назад, мы, тогда еще совсем юные “общественные деятели”, на грядущий коммунизм смотрели романтически просто. Рассуждали так: — Не сегодня, так в ближайшее завтра будем жить в коммунистическом обществе. Главное пока – бей буржуев и долой из обихода мещанскую рутину: официальный брак, свадьбы, крестины, занавески, особенно тюлевые, ковры, утюги и прочее. Ломай мещанский быт!»[3].

Творческое наследие В.И. Ленина в вопросе о коммунизме следует принципам Маркса и Энгельса, разграничивая «утопические» фантазии и

[2] Абрамян Л. Ленин как трикстер // Современная российская мифология. М., 2005. С. 71.
[3] Панферов Ф. Что такое коммунизм // Октябрь 1960 № 1 С. 103.

исторические закономерности. Такой подход исключает сколько-нибудь конкретные описания черт предполагаемого общества, все сводится к набору «ритуальных» фраз. Показательной в этом плане является работа «Государство и революция», где вопросу будущего устройства общества отводится значительное место. Оговоримся, что работа была создана до Октябрьской революции, а именно в августе-сентябре 1917 г., но это не отнимает у нее статуса основного теоретического материала по вопросам коммунизма в творчестве В.И. Ленина, на основании которой в последующей советской традиции толкования текстов будут выстраиваться обоснования верности представлений об обществе будущего. В целом, ее можно охарактеризовать как комментарии к некоторым положениям К. Маркса. В основе понимания коммунизма для В.И. Ленина, как и для К. Маркса, лежат экономические отношения. Коммунизм, в первую очередь, рассматривался как экономическая формация, в которой, исходя из развития производительных сил, складываются особые производственные отношения, которые и определяют устройство общества на данной стадии развития. В результате получается описание бесклассового государства В.И. Лениным, которое Шт. Плаггенборг характеризует как расплывчатое[4].

В дальнейшем пришлось идти на компромисс между идеологией и практикой. В.И. Ленин, как и все советское руководство, был вынужден принимать решения, которые были призваны удержать власть, но при этом шли вразрез с положениями революционной марксистской философии. Неотложные задачи государственного строительства заставляли отодвинуть сроки перехода в «светлое будущее» на неопределенное время, хотя в целом отказа от этой задачи не произошло.

В 30-40-х годах XX в. произошло теоретическое переосмысление некоторых идеологических моментов, связанных с построением коммунизма. Это, в первую очередь, было связано с внешнеполитической ситуацией и

[4] Плаггенборг Шт. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. С-Пб., 2000. С. 72.

внутренней политикой. В этот период сформировалась доктрина о возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране[5]. Поскольку ожидаемая мировая революция не наступила, советское государство перешло на положение осажденной крепости в кольце враждебного капиталистического окружения. В то время виделось, что по мере построения социализма будут обостряться классовые противоречия. Страна прикладывала колоссальные усилия в модернизационном рывке в индустриальное общество. Естественно, в подобной ситуации необходим был комплекс мобилизующих механизмов, одним из которых и являлась задача создания фундамента коммунизма. Последний в этот период обретал свое оформление в виде планов о нарастании производства продуктов тяжелой индустрии при достижении определенного уровня, который зачастую совпадал с задачей превышения аналогичных показателей развитых капиталистических стран. Происходил переход количества в качество, и общество должно было вступить в новый этап своего развития. Мечта о будущем, по утверждению Ш. Фицпатрик, «не только была составляющей сталинизма, причем очень важной составляющей, но и частью повседневного опыта каждого человека в 30-е гг. Советский гражданин мог верить или не верить в светлое будущее, но не мог не знать, что такое ему обещано»[6].

У И.В. Сталина уже можно обнаружить краткую характеристику коммунистического общества. В нем не будет частной собственности, а будет собственность коллективная; государственная власть переродится в свободную ассоциацию трудящихся; народное хозяйство будет базироваться на высшей технике; не будет противоположности между городом и деревней; продукты будут распределяться по принципу «от каждого по способностям, каждому по потребностям»; наука и искусство достигнут полного расцвета; личность, свободная от забот о куске хлеба, станет действительно свободной[7].

---

[5] См.: Сталин И.В. Об основах ленинизма // Соч. М.,1953. Т. 6. С. 106-107.
[6] Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город. М., 2001. С. 84.
[7] См.: Сталин И.В. Беседа с первой американской рабочей делегацией 9 сентября 1937 г. // Соч. Т. 10. С. 134.

Еще в 1939 году на XVIII съезде ВКП (б) руководство страны решило, что можно говорить о постепенном завершении построения социализма, что, в свою очередь, означало вступление в стадию постепенного перехода к коммунизму[8]. Дальнейшему развитию этого положения помешала Великая Отечественная война.

В послевоенный период складывалась двойственная ситуация. С одной стороны, разрушения, вызванные войной, подорвали экономику страны, и это отбрасывало «материально-техническую базу построения коммунизма» назад. С другой стороны, победа в войне и распространение идей социализма на страны Восточной Европы поднимали авторитет СССР, а следовательно, его идеологии и системы общества как за рубежом, так и внутри страны. Поэтому впервые в проекте новой Программы комиссия во главе с А.А. Ждановым решила дать точные сроки построения коммунизма. В окончательном проекте Программы ВКП (б), подготовленной в начале 1948 г., декларировалось, что ВКП (б) в ближайшие 20-30 лет ставит своей задачей построение в СССР коммунистического общества[9]. Согласно этому положению, тезис о построении социализма в одной стране собирались заменить аналогичным с той разницей, что вместо социализма будет коммунизм. Предполагалось, что вслед за СССР коммунизм построят страны соцлагеря, а затем и капиталистические страны.

XIX съезд КПСС пришел к выводу, что с момента принятия II Программы партии произошли коренные переменны. Исходя из этого, съезд постановил считать необходимым произвести переработку Программы партии, руководствуясь основными положениями работы И.В. Сталина «Экономические положения социализма в СССР», и представить проект переработанной Программы партии на рассмотрение следующего съезда[10]. Упомянутая статья И.В. Сталина появилась в канун XIX съезда КПСС и была призвана сыграть роль идеологической основы послевоенного развития странны. Статья представляет собой ответ И.В. Сталина на «письма

[8] См.: XVIII съезд ВКП (б). 10—21 марта 1939 года. Стенографический отчет. Л. 1939. С. 211.
[9] СМ.: Барсуков Н. Коммунистические иллюзии Хрущева // Диалог. 1991. №. 5. С. 76.
[10] См.: Резолюции XIX съезда КПСС. 5-14 октября 1952 г. М., 1953. С. 112-113.

товарищей» и снабжена подзаголовком «Замечания по экономическим вопросам, связанным с ноябрьской дискуссией 1951 года». В ней И.В. Сталин указывает три необходимые предварительные условия для реального, а не декларативного, перехода от социализма к коммунизму: 1) Прочно обеспечить не мифическую “рациональную организацию” производительных сил, а непрерывный рост всего общественного производства с преимущественным ростом производства средств производства. 2) Путем постепенных переходов, осуществляемых с выгодой для колхозов и, следовательно, для всего общества, поднять колхозную собственность до уровня общенародной собственности, а товарное обращение постепенно заменить системой продуктообмена. 3) Добиться такого культурного роста общества, который бы обеспечил всем членам общества всестороннее развитие их физических и умственных способностей, чтобы члены общества имели возможность получить образование, достаточное для того, чтобы стать активными деятелями общественного развития[11].

Для этого, по мнению И.В. Сталина, нужно было «сократить рабочий день по крайней мере до 6, а потом и до 5 часов. Это необходимо для того, чтобы члены общества получили достаточно свободного времени, необходимого для получения всестороннего образования. Для этого нужно, далее, ввести общеобязательное политехническое обучение, необходимое для того, чтобы члены общества имели возможность свободно выбирать профессию и не быть линкованными на всю жизнь к одной какой-либо профессии. Для этого нужно, дальше, коренным образом улучшить жилищные условия и поднять реальную зарплату рабочих и служащих минимум вдвое, если не больше, как путем прямого повышения денежной зарплаты, так и, особенно, путем дальнейшего систематического снижения цен на предметы массового потребления»[12].

[11] См.: Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР // Сталин И.В. Соч. Т. 16. М., 1997. С. 202-203.
[12] Там же. С. 203.

Следующим этапом в развитии идей коммунистического строительства стал XX съезд КПСС. Оставив практически без изменений сталинский «марксизм-ленинизм», сталинскую доктрину социализма, авторитарную партийно-государственную систему, Н.С. Хрущев сохранил также и тезис о начавшемся постепенном переходе от социализма к коммунизму, выдвинутый еще на XVIII съезде ВКП (б)[13]. По словам Н.С. Хрущева, «советская страна находится сейчас на крутом подъеме. Если образно говорить, мы поднялись на такую гору, на такую высоту, откуда уже зримо видны широкие горизонты на пути к конечной цели – коммунистическому обществу»[14]. Помимо знаменитого доклада Н. С. Хрущева о культе личности, именно на съезде ЦК было поручено «подготовить проект Программы КПСС, исходя из основных положений марксистско-ленинской теории, творчески развивающейся на основе исторического опыта нашей партии, опыта братских партий социалистических стран, опыта и достижений всего международного коммунистического и рабочего движения, а также с учетом подготовляемого перспективного плана коммунистического строительства, развития экономики и культуры Советского Союза»[15]. Также съезд поручил опубликовать проект Программы до XXI съезда КПСС с тем, чтобы провести развернутое его обсуждение[16].

Это постановление не было выполнено, поскольку XXI съезд КПСС оказался внеочередным и к его открытию документ не был готов. Это не помешало провозгласить, что Советский Союз вступает в совершенно новый период своего развития, в период «развернутого коммунистического строительства»[17]. В первую очередь, это было связано с выводом об окончательной и полной победе социализма в СССР, поскольку предполагалось, что, несмотря на отличие между социализмом и коммунизмом, разделяющей их стены не существует. На основе тезисов К. Маркса, дополненных и развитых В.И. Лениным, социализм и коммунизм

[13] См.: Н.С. Хрущев о проекте третьей Программы КПСС // Вопросы истории КПСС. 1989 № 8. С. 3.
[14] XX съезд КПСС. 14-25 февраля 1956 года. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1956. С. 118.
[15] РГАНИ. Ф. 1 Оп. 4. Д. 10. Л. 10.
[16] Там же.
[17] Внеочередной XXI съезд КПСС. 27 января — 5 февраля 1959 года. Стенографический отчет. М., 1959. Т. 2. С. 443.

рассматривались как две фазы одной экономической формации[18], которая тоже носила название «коммунизм». Это порождало некоторую путаницу в понимании коммунизма как высшей фазы коммунизма и коммунизма – формации.

Коммунизм, как предполагалось, естественно вырастает из социализма, развивая его положительные и отбрасывая отрицательные черты. Виделось, что уже в современном советском обществе есть много черт коммунизма, которые будут развиваться и совершенствоваться[19].

Основной задачей перехода к коммунизму выдвигалось построение материально-технической базы, которая понималась в прежнем, сталинском духе. Необходимо было увеличить производство с помощью совершенствования техники и строительства новых производств. На съезде было заявлено, что социализм в СССР вступает в новый этап экономического соревнования с капитализмом и задача состоит в том, чтобы добиться перевеса социалистической системы над капиталистической в мировом производстве, превзойти наиболее развитые капиталистические страны по производительности общественного труда, производству продукции на душу населения и обеспечить самый высокий в мире жизненный уровень[20]. Все это планировалось осуществить через 12 лет.

С одной стороны, в стране проводилась политика десталинизации, с другой — в области идеологии активно использовались теоретические положения, созданные в сталинский период. Творческое наследие сталинизма нашло свое отражение и в создаваемом проекте Программы партии, которую теперь должны были принять уже на следующем съезде. Новая Программа КПСС должна была заменить устаревшую, закрепить основные решения прошедших съездов и наметить основные задачи на будущее, конкретное выполнение которых должно было отразиться в «генеральной перспективе развития народного хозяйства Советского Союза на 1959-1975 годы, исходя из

[18] См.: Луцина Т.Ю. Миф «развернутого строительства коммунизма» в советском обществе в середине 50-х — начале 60-х годов. Дисс. канд. ист. наук. Ижевск, 2002. С. 45.
[19] См.: Всемирная история экономической мысли. М., 1997. Т. 6. кн. 1. С. 463-464.
[20] Там же С. 464.

решений XXI съезда КПСС и материалов юбилейной сессии Верховного Совета СССР 6 ноября 1957 г.»[21].

Прежде чем приступить к освещению истории создании III Программы КПСС, обратимся к первым двум Программам, для того чтобы можно было увидеть, что нового, по сравнению с предшествующими программами, она в себе несла. I Программа была принята на II съезде РСДРП в 1903 г. Основное содержание Программы сводится к обоснованию законного места российских социал-демократов в мировом социалистическом движении. В Программе ставятся ближайшие задачи социального, экономического и политического характера, самой главной из которой являлось свержение царского самодержавия и установление демократической республики посредствам созыва учредительного собрания, свободно избранного всем народом[22]. Собственно, это была Программа партии, которая не выделяла себя из общего политического поля, а боролась за осуществление насущного на тот момент комплекса идей. Основываясь на идеологическом базисе и окружающей действительности, социал-демократы пытались повлиять на будущее через изменение настоящего. Таким образом, задача свержения самодержавия по своему характеру может быть сопоставлена с задачей коммунистического строительства[23].

Программа Российской коммунистической партии (большевиков) была принята через 16 лет, в 1919 г., на VIII съезде РКП (б). На тот момент большевики уже находились у власти, что отразилось на содержании II Программы партии. В первой части обосновывается осуществление Октябрьской революции 1917 г. в России как результат закономерного исторического развития. Апелляция к ее неизбежности и предопределенности призвана была закрепить за ней статус революции, а не переворота. Необходимость удержания власти вылилась в критику «буржуазной

[21] РГАНИ. Ф. 1 Оп. 4. Д. 10 Л. 79.
[22] См.: Программа Российской Социал-демократической рабочей партии принятая на II съезде партии // Хрестоматия по истории КПСС. М., 1989. Т. 1. С. 85-90.
[23] См.: Розенталь И. Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП) // Политические партии России конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 517.

демократии» и противопоставление ей более прогрессивной диктатуры пролетариата во главе с ВКП (б). Задачи государственного управления требовали пересмотра политики осуществления самых радикальных революционных идей. Сочетание социалистических идей и прагматических принципов управления привело к закреплению в Программе положений, призванных упорядочить судебную, военную, экономическую сферы, что часто означало возврат к дореволюционным практикам. Заботу о населении призван был показать комплекс задач, касающийся социальной сферы: жилья, образования, здоровья и распределения[24]. II Программа партии была уже документом партии, стоящей у власти, чьей первоочередной задачей являлось удержание власти в своих руках и налаживание работы государственного аппарата[25].

III Программа партии логически была призвана завершить тенденцию, намеченную первыми двумя, решив главную задачу марксизма – построение коммунистического общества.

Для разработки проекта Программы была создана рабочая группа в санатории Управления делами ЦК КПСС «Сосны», находящемся в ближайшем Подмосковье, во главе с секретарем ЦК КПСС Б.Н. Пономаревым. Первоначальные работы над созданием проекта новой Программы начались в середине 1958 года, в итоге в течение трех лет над ней трудились около 100 крупнейших ученых и специалистов[26]. В основную группу входили академики Е.М. Жуков, М.Б. Митин, П.Н. Федосеев, директор Института мировой экономики и международных отношений АН СССР А.А. Арзуманян, также к работе привлекались известные обществоведы, ученые Б.Г. Гафуров, В.П. Елютин, С.В. Кафтанов, М.П. Ким, Ф.В. Константинов, К.В. Островитянов, Ю.П. Францев, Д.И. Чесноков[27], председатель Государственного научно-экономического совета Совмина СССР А.Ф. Засядько, консультанты Е.И.

[24] См.: Программа Российской коммунистической партии (большевиков) // Хрестоматия по истории КПСС. М., 1989. Т. 1. С. 316-337.
[25] См.: История политических партии России. Под ред. Зевелева А.И. Зевелева М., 1994. С. 409-413.
[26] См.: Н.С. Хрущев о проекте третьей Программы КПСС. С. 3.
[27] См.: Барсуков Н. Указ. соч. С. 76.

Кусков, А.С. Беляков, журналисты А.И. Соболев, В.В. Красильщиков[28]. Участники рабочей группы были освобождены от своей непосредственной работы и практически все время, за исключением выходных, проводили в «Соснах»[29].

Интерес вызывает подбор литературы, который был запрошен группой в «Соснах» для своей работы, и, по всей видимости, ставший немаловажным источником при создании Программы партии. Управление делами ЦК КПСС выслало в «Сосны» следующее: 1) Большая Советская Энциклопедия с 1 по 51 т.; 2) Ежегодник БСЭ за 1957-1960 гг.; 3) Сочинения И.В. Сталина с 1 по 13 т.; 4) Сен-Симон Избранное 1-2 т.; 5) Изложение учений Сен-Симона; 6) Фурье Ш. Избранные сочинения 1-3 т.; 7) Сборник РСФСР; 8) Атлас мира; 9) Зарубежные страны; 10) Ленин В.И. О программе партии; 11) Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам 1-4 т.; 12) Справочник секретаря партийной организации; 13) Справочник партийного работника; 14) Программные документы коммунистических и рабочих партий; 15) Документы Совещаний представителей коммунистических и рабочих партий (ноябрь 1957 г.); 16) Краткий справочник о семилетнем плане СССР; 17) КПСС в резолюциях и решениях 1-4 т.; 18) Достижения советской власти за 40 лет; 19) Народное хозяйство СССР за 40 лет; 20) Международный политико-экономический ежегодник 1960 г.; 21) Хрущев Н.С. Мир без оружия, 1-2 т.; 22) Хрущев Н.С. В победе в мирном соревновании с капитализмом; 23) Хрущев Н.С. За мир, за разоружение; 24) Правда; 25) Известия; 26) Вопросы экономики; 27) Коммунист[30]. Интерес вызывает наличие сочинений утопистов и И.В. Сталина и почти полное отсутствие трудов классиков марксизма-ленинизма. Вероятно, собрания сочинений В.И. Ленина, К. Маркса и Ф. Энгельса были в распоряжении рабочей группы. В этом случае странным выглядит необходимость в отдельном экземпляре работы В.И. Ленина «О программе партии».

[28] См.: Луцина Т.Ю. Указ. соч. С. 46.
[29] См.: Бурлацкий Ф. Глоток свободы. М., 1997. кн. 1. С. 95.
[30] См.: РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 5. Л. 14.

В июне 1958 г. от имени О.В. Куусинена, одного из секретарей ЦК и члена Президиума ЦК КПСС, были разосланы тематические задания научным институтам, государственным ведомствам и общественным организациям. Особые задания получили академики Е.С. Варга и С.Г. Струмилин, подготовившие записку «На путях построения коммунизма», где приводились перспективы развития на 10-15 лет[31].

Работа осуществлялась под пристальным контролем верхушки партии и лично Н.С. Хрущева, который зачастую вносил поправки, по мнению разработчиков, совершенно излишние. Так, по воспоминаниям одного из участников группы в «Соснах» Ф. Бурлацкого, самые большие споры вызвало включение в Программу материалов об экономическом развитии страны, с которыми выступил «крупный хозяйственник» А.Ф. Засядько. Доклад А.Ф. Засядько показался легкомысленным, а темпы развития СССР и США взятыми с потолка, что вызвало решительный протест членов рабочей группы. В итоге дискуссии А.Ф. Засядько продемонстрировал папку, где представленные им материалы были одобрены Н.С. Хрущевым, что автоматически включало их материал в проект Программы[32].

ЦК ставил рабочей группе задачу при разработке проекта Программы партии исходить из того, что Программа должна охватывать период в 15-20 лет, в течение которых будут решены задачи построения основ коммунистического общества в СССР: электрификация, слияние государственной и колхозно-кооперативной собственности, преодоление границ между городом и деревней и т.д. Предполагалось предусмотреть при разработке проекта Программы определенные этапы перехода к коммунизму с тем, чтобы для каждого этапа были намечены основные, конкретные задачи в развитии производительных сил и производственных отношений, решение которых даст возможность последовательно осуществлять поступательное движение общества по пути к коммунизму. Программа партии должна была ясно показать всем коммунистам

[31] См.: Барсуков Н. Указ. соч. С. 76.
[32] Там же. С. 98.

и всему советскому народу как общие задачи построения коммунистического общества, так и роль и место каждого труженика советского общества в борьбе за их выполнение[33]. По выражению Н.С. Хрущева, «программа должна быть ясным, четким, вдохновляющим документом – поэмой, но в тоже время – реальна, жизненна, с широкой перспективой»[34].

По завершении работы над текстом проекта Программы, по предложению Н.С. Хрущева, предполагалось в мае 1961 г. обсудить проект на заседании Президиума совместно с членами Программной комиссии, в июне обсудить проект на Пленуме ЦК и после доработки опубликовать примерно 25-30 июля в печати[35].

К весне 1961 года работа над проектом завершилась, и его текст был предоставлен Н.С. Хрущеву. 20, 21, 22 и 25 апреля он формулирует свои замечания. После соответствующей доработки проект Программы был рассмотрен 24 мая на Президиуме ЦК КПСС и 19 июня на Пленуме ЦК[36]. 26 июля 1961 г. на заседании Президиума ЦК КПСС текст проекта Программы, предоставленный Программной комиссией, был одобрен[37]. На следующем заседании Президиума ЦК КПСС, 27 июля 1961 г., было принято решение опубликовать проект Программы КПСС в газетах «Правда» и «Известия» за 30 июля 1961 г., а затем в других газетах и журналах с тем, чтобы основная масса населения Советского Союза могла с ним ознакомиться и высказать свои замечания и предложения[38]. Тем самым демонстрировался партийный демократизм, который должен был противостоять «культу личности». В значительной степени эта мера носила популистский характер, создавая аллюзию на лозунг первых лет советской власти об управлении кухаркой государством. Помимо этого, всенародное обсуждение помогало выявить запросы и ожидание населения, а эффект сопричастности играл мобилизующую роль.

---

[33] РГАНИ. Ф. 1 Оп. 4. Д. 10 Л.93-94, 97.
[34] РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 66. Л. 12.
[35] См.: РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 15. Л. 1.
[36] См.: Н.С. Хрущев о проекте третьей Программы КПСС. С. 3.
[37] См.: РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 17. Л. 1.
[38] Там же. Л. 127.

Партийные ячейки посылали в центр отчеты об обсуждении проекта Программы партии. Газеты и журналы должны были собирать письма населения, поступающие в редакцию и касающиеся проекта Программы, и направлять их для обработки и анализа в специально созданные рабочие группы. Частично присланные письма публиковались в получивших их изданиях. К 15 сентября 1961 г. в 6 журналов и 20 газет поступило в общей сложности 29070 корреспонденций, из которых 5039 было опубликовано[39]. В общей сложности на партийных конференциях, собраниях трудящихся, посвященных обсуждению этого документа, присутствовало почти 44 млн. человек, а с учетом писем в местные газеты, партийные органы, радио и телевидение, по приводимым А.В. Пыжиковым данным, количество корреспонденции составляет 17080[40].

Завершающий этап работы над Программой партии пришелся на время работы XXII съезда КПСС[41]. После внесения небольших поправок, XXII съезд КПСС, проходивший 17-30 октября 1961 г., должен был одобрить проект Программы партии. Оценки XXII съезда исследователями неоднозначны. Многие исследователи называют его пиком карьеры Н.С. Хрущева как политического лидера, после которого он стал более нетерпим к другим точкам зрения, расходившимся с его собственным мнением, постоянно генерировал идеи, которые были недостаточно продуманы. Существует и другая оценка итогов съезда. Н. Верт полагает, что он завершился полупровалом Н.С. Хрущева, которому не удалось, несмотря на обновление ЦК, добиться упрочения своего положения и поддержки большинства в Президиуме[42]. Наиболее распространенное мнение характеризует XXII съезд как утопический, имея в виду как раз III Программу партии и конкретный 20-летний срок построения коммунизма, закрепленный в тексте проекта Программы КПСС, создавая вкупе с кукурузой, «кузькиной матерью» и ботинком Н.С. Хрущева

[39] См.: РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 309. Л. 39.
[40] См.: Пыжиков А.В. Оттепель: идеологические новации и проекты (1953—1964). М., 1998. С. 135.
[41] См.: Бурлацкий Ф. Указ. соч. С. 101.
[42] См.: Трофимов А.В. Советское общество 1953-1964 годов в отечественной историографии: политика и экономика. Дисс. … доктора ист. наук. Екатеринбург, 1999. С. 250.

курьезный облик той эпохи. Популярные пренебрежительные оценки партийных форумов (прежде всего «утопического» XXII съезда), как отмечает А.В. Трофимов, заслуживают пересмотров и коррекции[43].

Если отбросить значение съезда как арены внутрипартийной борьбы и внешнеполитического мероприятия, то именно Программа и основные положения, представленные в ней, безоговорочно становятся главным содержанием партийного мероприятия. С принятием Программы съезд стал этапным не только для Советского Союза, но и для всего мира.

За принятием III Программы партии последовала идея создания новой конституции СССР, призванной венчать героические усилия советского государства по построению коммунизма. Проект Конституции СССР призван был создать онтологические и правовые принципы идеологии развернутого строительства коммунизма, воплощая нормы функционирования советской системы в новый период[44].

Само начало работы по разработке конституции Советского Союза может показаться противоречащим ранее принятым решениям. Несмотря на дискуссии в научных и партийных кругах и нечеткости позиции о развитии государства в период развернутого строительства коммунизма, отказываться от тезиса об отмирании при коммунизме государства и перекладывании некоторых его функций на общественные организации никто не собирался. Правда, стоит оговориться, что, прислушавшись к соображениям О.В. Куусинена, при подготовке окончательного текста Программы авторы убрали формулу об «отмирании государства»[45]. Исходя из марксистского понимания, любое государство, даже социалистическое, где наличествует диктатура пролетариата, является злом и подлежит уничтожению. В оборот вводится мысль о выполнении диктатурой пролетариата своей функции и переходе к общенародному государству, которое призвано заботиться и выражать интересы всего населения. Советское государство в этом свете

[43] Там же. С. 115.
[44] См.: Луцина Т.Ю. Указ. соч. С. 51-52.
[45] См.: Барсуков Н. Указ. соч. С. 80.

воспринималось как неизбежное зло на данном историческом этапе, которое изживет себя в будущем. Получалось, что очередная конституция создавалась на период построения коммунизма, после чего она станет ненужной.

Единственное, как виделось в тот период, что могло продлить жизнь государственным образованиям, это необходимость защиты от враждебного окружения капиталистических стран. Указывалось, что только с построением развитого коммунистического общества и упрочением социализма на международной арене необходимость в государстве отпадет[46]. В этом случае советское государство выступало как необходимый инструмент, своеобразный «щит», защиты мира и достижения социалистической системы. Подтверждение этой мысли можно обнаружить в замечаниях Н.С. Хрущева о Советской Армии: «С точки зрения внутренних условий Советский Союз не нуждается в армии. Но поскольку остается военная опасность, исходящая от империалистического лагеря, не достигнуто полное и всеобщее разоружение, КПСС считает необходимым поддерживать оборонную мощь Советского государства»[47]. Как только опасность исчезнет, «щит» за ненадобностью можно будет отбросить.

Постановлением Верховного Совета СССР от 25 апреля 1962 г. был утвержден состав Конституционной комиссии в составе 94 человек во главе с Н.С. Хрущевым. В нее вошли все члены советского политического руководства, а также ряд министров, общественных деятелей, представителей творческой интеллигенции[48]. Работа Конституционной комиссии началась 15 июня 1962 г. В ее составе было создано 9 подкомиссий: по общеполитическим и теоретическим вопросам Конституции; по вопросам общественного и государственного устройства; по вопросам государственного управления, деятельности Советов и общественных организаций; по экономическим вопросам и управлению народным хозяйством; по вопросам национальной политики и национально-государственного строительства; по вопросам науки и

[46] См.: XXII съезд КПСС. Т. 3. С. 310.
[47] Н.С. Хрущев О проекте третьей Программы КПСС. С. 5.
[48] См.: «Утаенная Конституция» Никиты Хрущева // Исторический архив. 1997. №. 1. С. 40.

культуры, народного образования и здравоохранения; по вопросам внешней политики и международных отношений; по вопросам народного контроля и социалистического правопорядка; редакционная подкомиссия[49].

Целью и задачами, ставившимися перед конституцией, документ схож с принятой накануне Программой партии. Конституция не только должна была зафиксировать положение дел, сложившееся на момент ее создания, но и быть актуальной на всем протяжении переходного этапа на пути в «светлое будущее».

В отличие от Конституции 1936 г., в предложениях, поданных подкомиссией по вопросам общественного и государственного устройства, предлагалось объединить прежде разделенные понятия государственного и общественного устройства в едином разделе; намечалось дать основные черты победившего в СССР социалистического строя и периода развернутого строительства коммунизма, показать преимущества нового общественного строя[50]. В этом виделся принцип, который отличался от заложенного в предшествующей Конституции принципа фиксации только того, что завоевано. Отражение наиболее прогрессивных черт советского общества являлось непременным условием, а, исходя из ленинских идей, необходимо было также выразить в ней программные положения, чтобы новая конституция активно помогала достижению целей коммунистического строительства[51].

Вслед за Программой партии проект конституции предполагал активизацию общественных органов, в первую очередь это касалось Советов. Посредством их намечалось включить население в управление страной, в принятие важных общественных и политических решений, что было апробировано на проекте III Программы КПСС. Это представлялось необходимым условием для подготовки советских людей к переходу на самоуправление в условиях коммунизма[52]. Новая Конституция должна была

[49] Там же. С. 47.
[50] Там же. С. 41.
[51] Там же. С. 49.
[52] См.: XXII съезд КПСС. Т. 1. С. 167.

подготовить условия к переходу, гарантируя соблюдение социалистической законности.

В специальном разделе, посвященном новым общественно-политическим институтам, соответствующим этапу развития общенародного социалистического государства, говорилось о всенародном обсуждении важнейших законопроектов; отчетности избранных руководителей органов государственного управления непосредственно перед населением; всесоюзных, республиканских и местных отраслевых совещаниях трудящихся, вырабатывающих рекомендации для органов государства; органах народного контроля. Предусматривалось проведение референдумов, возможность которых была закреплена еще в Конституции 1936 г., но ни разу не реализовывалась. Первый референдум должен был принять новую конституцию СССР[53].

Определенную готовность к этому демонстрировал тот факт, что в адрес Конституционной комиссии, как и в случае с Программой партии, поступало много писем трудящихся, в которых высказывались соображения о характере и содержании будущего основного Закона, некоторые авторы присылали полные тексты Конституции[54].

По мнению инициаторов, Конституция стала бы завершающим шагом в утверждении идеологии развернутого строительства коммунизма, фиксирующим основные итоги реформаторских преобразований Н.С. Хрущева и открывающим перспективы дальнейшей модернизации[55].

Летом 1964 г. был подготовлен сводный вариант проекта Конституции, состоящий из 8 разделов и 32 глав. Однако в связи со снятием Н.С. Хрущева с поста руководителя страны работы над Конституцией свернули. В январе 1965 г. все разосланные на места проекты документа были возвращены без комментариев и предложений[56].

Предполагаемая Конституция 1964 г., пожалуй, была последним документом, который старался воплотить коммунистическое общество в

[53] См.: «Утаенная Конституция» Никиты Хрущева. С. 42.
[54] Там же
[55] См.: Луцина Т.Ю. Указ. соч. С. 52.
[56] См.: «Утаенная Конституция» Никиты Хрущева. С. 44-45.

непосредственном будущем. Пришедшее на смену политическое руководство страны скорректировало курс на строительство коммунизма: не отказываясь от идеи построения коммунизма, оно подвергло ревизии конкретные сроки. Если раньше предполагалось, что развитие социализма завершилось и наступает перерождение социализма в коммунизм, то в конце 60-х годов концепция «развернутого строительства коммунизма» была заменена концепцией «развитого социализма», причем развитой социализм выносился на первый план, а построение коммунизма вновь переводилось в плоскость задач будущего[57]. Так как, необходимо было закрепить, расширить и улучшить основные достижения Советского Союза. Л.И. Брежнев избрал курс на сохранение уже «достигнутых высот», что в сочетании с другими тенденциями в экономике, политике и обществе и сформировало так называемый «застой».

[57] См.: Всемирная история экономической мысли. С. 468.

§ 2. Задача создания материально-технической базы коммунизма в III Программе КПСС

Из всех официальных документов, созданных советской властью, III Программа партии наиболее четко и конкретно говорит о коммунистическом будущем. Н.С. Хрущев говорил: «Общие принципы коммунизма были сформулированы классиками марксизма-ленинизма, и они нашли отражение в проекте Программы. Но проект Программы не ограничивается воспроизведением этих принципов, он раскрывает реальную картину коммунистического общества, наполняет общие принципы конкретным содержанием»[58]. Следовательно, анализ текста Программы позволит понять, что в официальном дискурсе вкладывалось в понятие коммунизма. III Программа КПСС отражала представления советских людей начала 60-х годов о мире, собственной стране, тенденциях «общественного прогресса»[59]. По мнению А.В. Трофимова, этот документ в отечественной историографии не имел объективной характеристики и оценки как исторический источник, хотя без его анализа невозможно сформировать адекватное историческим реалиям представление о послесталинском десятилетии[60].

Первоначально построение коммунистического общества закреплялось в партийном документе, и только затем предполагалось создать подходящий основной закон страны, что было связано с растущей ролью КПСС. Это нашло свое отражение в 43 статье проекта Конституции, где закреплялось положение о руководящей и направляющей роли коммунистической партии и возрастании ее роли по мере строительства коммунизма, и вообще подчеркивался приоритет Программы КПСС над Конституцией[61]. Член партии выступал как главный строитель коммунизма, носитель всех «прогрессивных» черт, демонстрируя положительный пример, на который необходимо было равняться всем остальным.

---

[58] РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 210. Л. 15.
[59] См.: Пыжиков А.В. Указ. соч. С. 136.
[60] См.: Трофимов А.В. Указ. соч. С. 118.
[61] См.: «Утаенная Конституция» Никиты Хрущева. С. 44.

Для лучшего понимания материала и ориентации в нем необходимо охарактеризовать структуру этого документа. Программа партии состоит из введения и двух частей. Введение освещает вопросы преемственности между III Программой КПСС и двумя предыдущими программами, а также наследием классиков марксизма-ленинизма. Первая часть называется «Переход от капитализма к коммунизму – путь развития человечества». Содержание части демонстрирует и ее название, и название параграфов в ней: историческая неизбежность перехода от капитализма к социализму; всемирно-историческое значение Октябрьской революции и победы социализма в СССР; мировая система социализма; кризис мирового капитализма; международное революционное движение рабочего класса; национально-освободительное движение; борьба против буржуазной и реформистской идеологии; мирное сосуществование и борьба за всеобщий мир. Как видним, основной задачей этой части является описание ситуации к моменту принятия Программы партии и обоснование, зрелости всех условий для перехода к строительству коммунизма, которому и посвящена вторая часть программы — «Задачи Коммунистической партии Советского Союза по строительству коммунистического общества».

В этой главе определялись задачи партии в области «экономического строительства, создания и развития материально-технической базы коммунизма», улучшения материального благосостояния граждан, воспитания и образования, дальнейшего развития советского государства и партии в период «развернутого строительства коммунизма», национальных отношений и сотрудничества с социалистическими странами. Таким образом вторая глава III Программы КПСС является наиболее четко выраженным документом, в котором обозначаются официальные коммунистические перспективы.

История работы над текстом проекта Программы была освещена выше, поэтому остановимся на ее содержании. Необходимо оговориться, что вся Программа не будет подвергнута разбору, это не входит в задачи данной

работы. Интерес вызывают положения, которые проливают свет на представление о «светлом будущем» и механизмы его достижения.

В Программе было зафиксировано определение коммунизма, призванное раскрыть его сущность, и определены меры по достижению новой стадии в развитии. Поскольку данное определение является концентрированным выражением всего второго раздела Программы КПСС, следует процитировать его полностью: «Коммунизм – это бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества, где вместе с всесторонним развитием людей вырастут и производительные силы на основе постоянно развивающейся науки и техники, все источники общественного богатства польются полным потоком и осуществиться великий принцип “от каждого по способностям, каждому по потребностям”. Коммунизм — это высокоорганизованное общество свободных и сознательных тружеников, в котором утвердится общественное самоуправление, труд на благо общества станет для всех первой жизненной потребностью, осознанной необходимостью, способности каждого будут применяться с наибольшей пользой для народа»[62].

Предполагалось, что есть три группы задач, которые необходимо решить на пути к коммунизму: создание материально-технической базы коммунизма; развитие коммунистических общественных отношений; воспитание нового человека. Более развернуто эти идеи озвучил Н.С. Хрущев, выступая на XXII съезде КПСС. Построение коммунизма означает следующее:

«- в области экономической будет создана материально-техническая база коммунизма. Советский Союз превысит экономический уровень наиболее развитых капиталистических стран и займет первое место в мире по производству продукции на душу населения, будет обеспечен самый высокий жизненный уровень народа и будут созданы условия для достижения изобилия материальных и культурных благ;

[62] XXII съезд КПСС. Т. 3. С. 274.

- в области социальных отношений будет происходить ликвидация существующих еще остатков различий между классами, слияние их в бесклассовое общество тружеников коммунизма, в основном будут ликвидированы существующие различия между городом и деревней, а затем между физическим и умственным трудом, возрастет экономическая и идейная общность наций, разовьются черты человека коммунистического общества, гармонично сочетающего в себе высокую идейность, широкую образованность, моральную чистоту и физическое совершенство;

- в области политической это означает, что все граждане будут принимать участие в управлении общественными делами, в результате широчайшего развития социалистической демократии общество подготовится к полному осуществлению принципов коммунистического самоуправления»[63].

Главной экономической задачей партии и советского народа на ближайшее время являлось создание материально-технической базы коммунизма[64]. Н.С. Хрущев в своих замечаниях к тексту проекта Программы партии писал, что «сфера, где создаются ценности для удовлетворения человеческих потребностей, — это главная сфера и от нее зависит успешное продвижение и создание условий к коммунизму, к коммунистическому распределению благ»[65]. Несмотря на декларирование примата экономической задачи, Программа в значительной степени была направлена на мобилизацию населения. В мобилизации субъективного фактора виделся успеха построения нового общества, поэтому именно туда были направлены основные усилия[66]. Действительно, материально-техническую базу должен был создавать советский человек, а значит, именно он был главным читателем Программы и именно для него она и создавалась.

Построение материально-технической базы коммунизма в СССР должно было пройти два основных этапа. Предполагалось, что на первом этапе строительство материально-технической базы позволит догнать и перегнать

[63] Там же. Т. 1. С. 167.
[64] См.: XXII съезд КПСС. Т. 3. С. 276.
[65] РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1.Д. 201. Л. 34.
[66] См.: Пыжиков А.В. Указ. соч. С. 115.

главные капиталистические страны по уровню производительности общественного труда и производства, материальных благ на душу населения. На этапе непосредственного вступления в высшую фазу коммунизма подъем производительных сил и производительности труда позволит завершить преодоление основных социальных различий между членами общества, превращение основной массы работников материального производства в работников инженерно-технического типа и достичь уровня производства, достаточного для обеспечения всех членов общества потребительскими благами, в изобилии распределяемыми по потребностям[67].

Показательно, что, несмотря на возражение рабочей группы, идея соревнования с США оставалась в тексте Программы. Демонстрация преимущества социализма над капиталистической экономикой диктовалась внутренней логикой. Социализм должен был быть эффективнее, поскольку он «прогрессивный» строй, а капитализм «реакционный». Также необходимо было учитывать международный аспект, где демонстрация преимуществ системы СССР могла повлиять на «страны третьего мира» и увеличить престиж Советского Союза на мировой арене. Победа СССР над США в экономическом соревновании, по высказыванию Н.С. Хрущева, ознаменует победу всей социалистической системы над капиталистической и окажет еще более мощное революционизирующее воздействие на рабочее движение всего мира. Тогда даже самые сомневающиеся поймут, что только социализм дает все необходимое для счастливой жизни человека, и они сделают свой выбор в пользу социализма[68].

Определенную роль в демонстративном соревновании мог сыграть визит Н.С. Хрущева в США, где он мог своими глазами взглянуть на «загнивающий Запад». Несмотря на всю идеологическую критику западного образа жизни, очевидных преимуществ в его уровне не заметить было нельзя. Недаром одним из самых популярных призывов того времени был «Держись, корова из штата

[67] См.: РГАСПИ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 216. Л. 1-3.
[68] См.: Хрущев Н.С. За новые победы мирового коммунистического движения // Коммунист. 1961. № 1. С. 12.

Айова!», поскольку, как отмечали современники, все хотели перегнать Америку по мясу, молоку и прогрессу на душу населения[69]. Можно предположить, что коммунизм представлялся как американский уровень благосостояния в сочетании с советской политической системой. Один из замыслов Программы состоял в нахождении путей достижения нового индустриального уровня, «позволяющего догнать индустриально развитые страны, коренным образом улучшить сельское хозяйство, обеспечить население продуктами питания и высококачественными товарами в изобилии, создать уровень жизни, достойный советского народа»[70]. Командная экономика СССР носила подражательный характер. Она преимущественно копировала и научно-технические нововведения, и структурные изменения передовых капиталистических стран. Отсутствовал (во всяком случае, в гражданской экономике) механизм новаторских изменений. Академику А. Милейковскому еще в 1970-е годы приписывали высказывание о том, что, когда социализм победит во всем мире, надо будет оставить хотя бы одну капиталистическую страну для того, чтобы было у кого перенимать современную технику и уровни цен для установления их в торговле между социалистическими странами[71].

В основе создания материально-технической базы коммунизма видели требование преимущественного развития тяжелой индустрии как станового хребта экономического производства страны, превращения промышленности СССР в технически самую развитую и мощную индустрию мира[72]. В очередной раз идеи, заложенные в Программе, уходят своими корнями в теоретическое наследие предшествующих эпох. Ничего принципиально нового по сравнению со сталинской модернизационной гонкой предложено не было. Поэтому нет ничего удивительного, что Н.С. Хрущев в своей речи проводил аналогии между созданием материально-технической базы коммунизма и индустриализацией[73]. Единственно, в связи с развитием научно-технических достижений в

[69] См.: Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М., 1998. С. 12.
[70] Бурлацкий Ф. Указ. соч. С. 99.
[71] См.: Ханин Г.И. Десятилетие триумфа советской экономики // Свободная мысль–XXI 2002, №. 5. С. 88.
[72] См.: РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 162. Л. 3.
[73] См.: Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. С. 142.

Программу были включены веяния нового. На страницах Программы была обозначена необходимость полностью электризовать страну[74], что представлялось как продолжение знаменитого плана В.И. Ленина. Лозунг «Коммунизм – это Советская власть, плюс электрификация» вновь вводился в оборот. Помимо чисто материальных задач это был еще один шаг к возвращению к ленинскому наследию.

Но основе электрификации предполагалась «модернизация техники и организации производства, внедрение в народное хозяйство комплексной механизации производственных процессов; все более полная их автоматизация; широкое применение химии; развитие новых, экономически эффективных отраслей производства, новых видов энергии и материалов; рациональное использование природных, материальных и трудовых ресурсов; органическое соединение науки с производством»[75].

Некоторые исследователи видят в этом дежурные, большей частью ритуальные заверения. Рабочая комиссия не откликнулась на предложения указать основные научные проблемы и закрепить их в тексте, ссылаясь на нецелесообразность такого шага. В 60-е годы понимание важности новых научных отраслей не превратилось в практику[76]. Самым серьезным недостатком изложенной в Программе экономической концепции стало непонимание важности структурной перестройки экономики с опорой на высокотехнологические, наукоемкие отрасли. Многие уже тогда понимали, что выполнение заявленных в Программе экономических задач путем простого наращивания количественных показателей – больше газа, нефти, стали, угля и т.д. невозможно. Такой ход событий не обуславливал никакого качественного скачка, обрекая страну на прогрессирующее отставание[77].

Еще одной чертой в образе строящегося коммунизма, без сомнения, является индустриальный характер будущего общества. Заводы и фабрики должны были стать той почвой, на которой вырастут плоды всеобщего

[74] См.: XXII съезд КПСС. Т. 3. С. 279.
[75] Всемирная история экономической мысли. С. 466.
[76] См.: Пыжиков А.В. Указ. соч. С. 140-141.
[77] См.: Бурлацкий Ф. Указ. соч. С. 100.

благосостояния. Первоначально следовало создать необходимое количество средств производства и обеспечить новые промышленные мощности достаточным количеством ресурсов. Отсюда вытекает мысль о необходимости простого количественного роста показателей. Предполагалось, что при определенном уровне развития тяжелой и добывающей промышленности легкая промышленность и сфера обслуживания смогут достигнуть нужных показателей. Главными показателями служили количество выплавленной стали, необходимой для дальнейшего производственного цикла, и выработанной электроэнергии, которая должна была удовлетворять растущие потребности народного хозяйства. За 20 лет черная металлургия должна была достичь уровня, позволяющего выплавлять примерно 200 миллионов тонн стали в год. Годовое производство электроэнергии должно было быть доведено к концу первого десятилетия до 900-1000 миллиардов, а к концу второго десятилетия до 3000 миллиардов киловатт-часов[78]. Такие цифры требовали увеличения мощности электростанций в 10 раз, а для металлургической отрасли необходимо было повысить добычу угля и руды. Для этого строились грандиозные гидроэлектростанции, такие как Братская ГЭС, в дальнейшем ставку делали на АЭС[79], и разрабатывались железорудные бассейны, в частности, Курская магнитная аномалия. Приступили к развитию промышленности восточнее Урала[80], в первую очередь, это касалось природных богатств Сибири, в будущем ставшей основным поставщиком нефти и газа, что обеспечило, в свою очередь, поступление валютных средств в страну.

Предприятия коммунистической эпохи, созданные с учетом научных достижений и оснащенные по последнему слову техники, должны были стать «дворцами производства». Вместо «адских условий» металлургических заводов рабочий будущего должен будет находиться в условиях, облегчающих его труд. Вся опасная, вредная и тяжелая работа должна была быть автоматизирована.

[78] См.: РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 162. С. 5.
[79] См.: XXII съезд КПСС. Т. 3. С. 279.
[80] Там же. С.282.

Вот как описывается в одном научно-популярном издании предприятие коммунистического будущего: «Со временем местные живописцы украсят помещения и территории завода своими произведениями искусства. Каждое предприятие будет окружено плодовыми, декоративными и цветочными насаждениями. На стенах рабочих цехов возникнут скульптурные портреты местных новаторов производства и высокочтимых людей страны. Над автоматическими линиями станков, повышая трудовой тонус операторов и наладчиков, на смену солнцу придут лампы дневного света. Приглушенные ритмы труда оживятся ритмами музыкального сопровождения. Чистый кондиционированный воздух, обогащенный озоном, как после грозы в бору, даже в горячих цехах, умерит адский печной жар, рассеет чад и угар и свежей прохладой напоит каждую грудь неиссякаемым притоком энергии»[81].

Н.С. Хрущев отмечал, что если западные политические лидеры в планах по развитию промышленности в Советском Союзе не сомневаются, то касательно аграрного сектора экономики за рубежом не понимают, как можно его выправить[82]. Н.С. Хрущев, рассуждая о перераспределении части капиталовложений в пользу сельского хозяйства и легкой промышленности, говорил в одном из своих выступлений: «Нельзя строить коммунизм только предлагая машины, черные и цветные металлы. Надо, чтобы люди могли хорошо покушать, одеться, иметь жилье и другие материальные и культурные условия»[83]. Создание наряду с могучей промышленностью процветающего, всестороннее развитого и высокопродуктивного сельского хозяйства, согласно Программе партии, составляло обязательное условие построения коммунизма[84]. При сохранении ведущей роли тяжелой промышленности быстрый рост сельского хозяйства являлся важнейшей предпосылкой создания коммунистического изобилия продуктов[85].

---

[81] Струмилин С.Г. Рабочий день и коммунизм. М., 1959. С. 34-35.
[82] См.: Материалы XXII съезда КПСС. С. 65.
[83] Хрущев Н.С. За новые победы мирового коммунистического движения. С. 11.
[84] См.: XXII съезд КПСС. Т. 3. С. 284.
[85] См.: Козлов Г. О закономерностях развития производительных сил коммунистической формации // Коммунист. 1961. № 3. С. 35.

Одним из основных столпов будущего здания коммунизма было утверждение о распределение благ по потребностям. Создание такого изобилия, которое удовлетворит все запросы населения, было необходимостью. Оговаривалось, что человек «коммунистического завтра» будет иметь реальные запросы и потребности. Строительство коммунизма должно было сопровождаться ростом коллективизма и преодолением индивидуализма и эгоизма. Научный коммунизм был враждебен расточительной роскоши и прихотям эксплуататорских классов[86]. В этом вопросе обычно шла ссылка на В.И. Ленина, писавшего, что коммунизм «предполагает и не теперешнюю производительность труда и не теперешнего обывателя, способного “зря” — вроде как бурсаки у Помяловского – портить склады общественного богатства и требовать невозможного»[87]. Советский человек должен быть обеспечен вкусной и качественной пищей, но без излишков.

Крупномасштабное развитие промышленности в сжатые сроки требовало притока рабочих рук, изъять которые можно было только из аграрного сектора. Коммунистическое общество должно было быть урбанизированным. Все это ставило непростую задачу — увеличить производство сельскохозяйственной продукции одновременно с сокращением сельского населения. В очередной раз всплывал образ США, где небольшой процент фермерских хозяйств обеспечивал нужды страны и еще экспортировал свою продукцию за рубеж. Выход был найден в традиционном для 60-х гг. духе: в первую очередь, как уже указывалось, за счет внедрения последних достижений науки и техники — электрификации, автоматизации и широкомасштабного применения химии.

Вторым элементом решения аграрных задач было укрупнение сельскохозяйственного производства. Считается, что Н.С. Хрущев был сторонником форсированной «доинструлизации» страны с превращением колхозов в фабрики по производству зерна[88]. Начиналось это с создания колхозов-миллионеров, в чьи задачи входило простым приростом голов скота и

[86] См.: Гак Г. Коммунизм и личная собственность // Коммунист. 1961. № 1. С. 70, 72.
[87] Ленин В.И Государство и революция: Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // ПСС. Т. 33. С. 96.
[88] См.: Поползунов Ю.А. Н.С. Хрущев как политический лидер. Дисс. … канд. полит. наук. М., 2003. С. 110.

гектаров земли конкурировать с высокоэффективным аграрным сектором капиталистических стран, с той самой «коровой из штата Айова». Одновременно колхозы, как профсоюзы для рабочих, должны были служить школами коммунизма для крестьянства. В гонке за количеством необходимы были новые площади, что, в свою очередь, привело к компании по освоению целинных и залежных земель. «Подсмотренное» во время того же визита Н.С. Хрущева в США использование кукурузы фермерами приводит к созданию культа «кукурузы – царицы полей»[89], превратившейся в памяти современников, вместе с полетом Ю.А. Гагарина в космос, в символ того времени.

Следующим шагом по укрупнению явилось создание агрогородов, где сельское хозяйство переводилось в промышленные масштабы. Промышленный способ производства должен был перевести колхозников в разряд сельскохозяйственных рабочих[90], «колхозы и совхозы по своим производственным отношениям, по характеру труда, по уровню благосостояния и культуры работников все больше будут становиться предприятиями коммунистического типа»[91]. Декларация стирания разницы меду городом и деревней была одной из самых распространенных идеологем в политической риторике III Программы КПСС, концентрируясь в разделе о новых общественных отношениях[92]. Уже не крестьяне, а рабочие должны утром ехать на работу кто к комбайну, кто к доильному аппарату. После завершения трудового дня рабочие должны были возвращаться в свои благоустроенные жилища.

Одним из прообразов агрогорода, рассчитанного на три тысячи жителей, должен был стать совхоз «Заря коммунизма» в Московской области. Вот как описывался облик будущего поселения: «Усадьбы совхозов уже в недалеком будущем станут застраиваться многоквартирными четырех- и пятиэтажными домами с центральным отоплением, канализацией, водопроводом, ванными

[89] Носов Е. Кострома не Айова // Никита Сергеевич Хрущев: Материалы к биографии. М., 1989. С. 101.
[90] См.: Н.С. Хрущев (1894-1971): Материалы научной конференции посвященной 100-летию со дня рождения Н.С. Хрущева. 18 апреля 1994 года. М., 1994. С. 46.
[91] Н.С. Хрущев О проекте третьей Программы КПСС. С. 6.
[92] См.: XXII съезд КПСС. Т. 3. С. 291.

комнатами. В благоустроенных жилых зонах разместятся типовые здания школ, клубов, детских садов и яслей, столовых и магазинов, кинотеатров и других культурных учреждений, будут применяться совершенные средства передвижения»[93]. Колхозы-миллионеры приобретали вместе с прибылью в миллионы рублей аналогичные долги[94]. Агрогорода возводили в добровольно-принудительном порядке, зачастую население насильственно сгонялось из сел и деревень. В сочетании с другими экспериментами в сельском хозяйстве это привело к ситуации, когда рядовой советский человек мог увидеть продуктовое изобилие разве что в киноленте «Кубанские казаки» и в книге «О вкусной и здоровой пище».

В целом, можно сказать, что при Н.С. Хрущеве изменялось отношение к колхозникам и аграрному сектору в лучшую сторону. В сельском хозяйстве внедрялся принцип материальной заинтересованности и элементы экономической целесообразности, в частности, стали задумываться о себестоимости продукции, на место абсолютных показателей приходили данные об урожайности с гектара или надоя с головы скота, и именно в данный период в сельское хозяйство стали вкладывать инвестиции[95]. Отход от жесткой директивной практики управления сельским хозяйством, нацеленной исключительно на выжимание необходимых ресурсов, может быть объяснен не только идеологическими установками эпохи строительства коммунизма. Главная цель, которую преследовал Н.С. Хрущев, — любыми доступными в рамках существующей системы путями повысить эффективность экономики[96].

В данной работе неоднократно указывалось, что экономика являлась базисом как для всей марксистско-ленинской теории, так и для советского государства. Соединяя насущные потребности жизни общества и государства с идеологическими установками, руководство партии и правительство не могли преодолеть экономического детерминизма. Несмотря на утверждение примата общественных и человеческих интересов, период до 80-х гг. виделся эпохой

[93]Лифанов М. О быте при коммунизме // За коммунистический быт. Л., 1963. С. 52.
[94] См.: Носов Е. Указ. соч. С. 103.
[95] См.: Н.С. Хрущев (1894-1971): Материалы научной конференции. С. 9-10.
[96] См.: Трофимов А.В. Указ. соч. С. 249.

создания материально-технической базы коммунизма. За 20 лет параллельно с созданием экономической базы должны были прорасти ростки коммунизма в человеке и общественных отношениях, а полностью расцвести они могли только на основе базы, созданной в период развернутого строительства коммунизма. В своем выступлении на XXII съезде Н.С. Хрущев, апеллируя к словам В.И. Ленина («мы ценим коммунизм только тогда, когда он обоснован экономически»), заявил, что Программа партии дает такое обоснование[97]. Более четкую картину будущего, которая отражалась в официальном дискурсе в 60-х гг., необходимо искать не столько в идеологии, сколько в конкретных экономических показателях, планировавшихся на ближайшие 20 лет.

Определившись с тем, что коммунистические представления могут ярче всего отражаться в запланированных показателях, поскольку экономическое планирование требует четких и конкретных цифр с расчетами и обоснованием, необходимо оговориться, что ниже не планируется исследование истории экономики СССР. Плановые показатели выступают как один из сегментов сложного кода официального советского дискурса, который требует дешифровки. Интерес представляют не сами показатели, а те ментальные образы будущего, которые за ними скрываются. Распространенная позиция, предлагающая интерпретировать Программу партии как документ, изначально не предполагавший исполнения поставленных в нем задач, представляется некорректной. Уверенность в победе коммунизма, как было отмечено выше, служила одним из китов советской мифологической системы, то есть элемент реального планирования будущего должен был присутствовать.

Срок в 20 лет, необходимый для построения коммунизма «в основном», согласно Н.С. Хрущеву, был обозначен в соответствии со строгими научными расчетами[98]. Можно утверждать, что и истоки образа будущего лежат в экономических данных, только не предполагаемого будущего, а прошлого. Постановка конкретных сроков построения основ коммунизма не может быть

[97] См.: Материалы XXII съезда КПСС. С. 140.
[98] Там же.

объяснена только желанием политической верхушки мобилизовать население. III Программа была основана на реальном положении дел в стране и мире и не являлась, таким образом, продуктом политической фантазии или новым витком утопизма, основанным на том, что руководству виделось. Скорее, следует согласиться с мыслью Н. Барсукова о том, что в основу «коммунистических иллюзий» Н.С. Хрущева легло пролонгирование достигнутых к концу 50-х гг. темпов роста производства на 10 и 20 лет вперед[99]. Представляется, что советское общество в целом и официальный дискурс, в частности, функционировали в системе взаимосвязи времен.

Экономические успехи 1950-х гг. были настолько впечатляющими, что не только у советских, но и у множества западных специалистов и политических деятелей сложилось впечатление, что в будущем СССР неизбежно опередит экономику США[100]. В 1951-1960 гг. СССР удерживал ежегодные темпы развития промышленности в 11,8%. При их сохранении это давало рост промышленности за 20 лет в 6 раз. Сельское хозяйство несколько отставало: в период 1954-1960 гг. оно давало ежегодный прирост в 6,2%. Тем не менее, за 20 лет производство сельскохозяйственной продукции должно было бы увеличиться в 3,5 раза[101]. Такие темпы обеспечивали бы выполнение намеченных Программой экономических задач. Еще выигрышней это смотрелось на общемировом фоне, где соревнование систем в условиях «холодной войны» зачастую происходило именно в экономике. Рост ВВП в СССР в целом за весь период 1950-х годов составил 224% и многократно превосходил рост в таких странах, как США (133%) и Великобритания (127%), значительно опережал экономический рост во Франции (158%), был выше, чем в ФРГ (217%), и лишь незначительно уступал экономическому росту в Японии (253%). При этом число занятых в производстве людей увеличилось незначительно, а прирост ВВП обеспечивался ростом производительности

[99] См.: Барсуков Н. Указ. соч. С. 82.
[100] См.: Ханин Г.И. Указ. соч. С. 78.
[101] См.: Барсуков Н. Указ. соч. С. 82.

труда[102]. В совокупности с другими обнадеживающими показателями трудно было не воспринять это как сигнал, возвещавший о скором приходе «светлого будущего». Командно-административная система с плановой экономикой демонстрировала устойчивость в экстремальных ситуациях и высокий мобилизационный потенциал, что выступало гарантией движения по намеченному курсу. Несмотря на отказ от практики использования принудительного труда в массовых масштабах, экономический рост, как показано выше, продолжался, только не экстенсивным, а интенсивным методом.

Президиум ЦК в 1958 г. в связи с разработкой Программы, которая в соответствии с решением XX съезда должна была быть подготовлена с учетом перспективного плана коммунистического строительства, постановил обязать Госплан СССР разработать, с привлечением Госпланов союзных республик, АН СССР и союзных республик, научно-исследовательских и прочих институтов, проект генеральной перспективы развития народного хозяйства Советского Союза на 1959-1975 годы[103]. Несмотря на то, что в разработке проекта Программы принимали участие крупнейшие отечественные специалисты, основывавшие свои выводы на реальных цифрах, В.О. Куусинен говорил о недостаточно обоснованных предсказаниях, которые носили несколько агитационный характер, без учета многочисленных экономических факторов, оказывающих влияние на осуществление плана в указанные сроки[104]. Эта «необоснованность» выступала стимулом к мобилизации населения. «Съезд призовет партию, народ, а народ – горы свернет,» — говорилось на XXII съезде КПСС[105]. Если бы коммунизм строился сам собой, планомерным наращиванием производства, и его просто надо было немного подождать, то необходимость в заострении внимания населения на «развернутом строительстве коммунизма» отпадала бы.

[102] См.: Ханин Г.И. Указ. соч. С. 73-75.
[103] См.: РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 10. Л. 79.
[104] Там же. Д. 13. Л. 10.
[105] См.: Материалы XXII съезда КПСС. С. 154.

П. Серио отмечал, что в советском политическом дискурсе отсутствует «вставленный контекст в номинализации», что приводит к равнозначности трактовки и восприятия, в первую очередь, разнообразных заголовков. В качестве примера П. Серио приводит заголовок «Рост материального уровня жизни» с двумя дешифровками: 1) как (поднимать) материальный уровень жизни народа? 2) материальный уровень жизни растет / должен расти / будет расти[106]. В Программе большинство заголовков не имеют «вставленного контекста в номинализации». Такой заголовок одновременно ставит проблему и говорит о ее решении как неком неизбежном событии. Н.С. Хрущев в заключительном слове на XXII съезде КПСС призывал всех тружеников к выполнению и перевыполнению производственных планов[107]. Так, Советский Союз должен был показать ускорение в погоне за завышенными показателями, которое выведет его на рубежи коммунизма.

Приведем две таблицы, показывающие планируемое развитие в промышленности (таб. 1) и сельском хозяйстве (таб. 2).

Таблица 1. Показатели планируемого роста промышленности[108]

	1960 г. к 1950 г.	1970 г. к 1960 г	1980 г. к 1960 г.
Продукция промышленности	3,0	2,6	6,2-6,4
Продукция промышленности на душу населения	2,5	2,3	4,8-4,9
Производство труда в промышленности			
годовая	2,04	2,0	4,0-,4,2
часовая	2,4	2,6	6,7-7,0

(Промышленности группы «А» вырастет за 20 лет в 6,8-7 раз, а группы «Б» в 5,0-5,2)

Таблица 2. Показатели планируемого роста сельского хозяйства[109]

	1960 г. к 1950 г.	1970 г. к 1960 г	1980 г. к 1960 г.

[106] См.: Серио П. Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинализации // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 1999. С. 352-353.
[107] См.: Материалы XXII съезда КПСС. С. 233.
[108] РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 16. Л. 162.
[109] Там же. Л. 168.

Продукция сельского хозяйства	1,6	2,5	3,3-3,5
Продукция сельского хозяйства на душу населения	1,35	2,2	2,5-2,7
Производство труда сельского хозяйства			
годовая	1,7	2,8	5,4-5,7
часовая	1,8	3,7	8,5-9,0

Сравнение таблиц показывает, что развитие промышленности и сельского хозяйства должно было идти разными темпами, по разным схемам. Планируемые показатели роста произведенной продукции в 1980 г. в промышленности выше аналогичного сельскохозяйственного показателя почти вдвое, тогда как рост производительности труда существенно ниже. В сельское хозяйство необходимо вкладывать больше труда, но результат будет менее эффективным. Повышение производительности труда служило важным звеном в цепи мер по созданию материально-технической базы коммунизма. Отмечалось, что в производстве планировалось сменить экстенсивный путь развития на интенсивный. На это накладывалось намерение сократить рабочий день и увеличить отпуска, а также перераспределить естественный прирост численности работников в непроизводственную сферу[110].

Как уже отмечалось, главный рост должен был осуществляться в промышленности группы «А». В развитии тяжелой промышленности исходили из ленинского принципа о том, что средства производства изготовляются не ради самих средств производства, а лишь ради того, что все больше и больше средств производства требуется в отраслях промышленности, изготовляющих предметы потребления[111]. Исходя из этого, промышленность группы «А» в дальнейшем позволила бы осуществить преобразования и в группе «Б», и в аграрном секторе, что привело бы к постройке подлинного коммунизма.

[110] См.: Материалы XXII съезда КПСС. С. 150.
[111] Там же. С. 143.

Командная экономика огромное значение придавала планированию, и это не случайно. Следует согласиться с Г.И. Ханиным, который, сравнивая СССР с гигантскими корпорациями, говорит, что советская экономика умело использовала присущие любой крупной корпорации сильные стороны: возможность планировать и осуществлять долгосрочные планы, использовать колоссальные финансовые ресурсы для развития приоритетных направлений, осуществлять крупные капиталовложения в короткие сроки, тратить большие средства на научно-исследовательские работы и т. д.[112]

III Программа партии и основывалась на этих сильных сторонах, а значит, помимо общих данных роста производства, необходимо было просчитать как можно больше показателей. Г.И. Ханин указывает, что с 1953 г. шел процесс постепенного сокращения числа показателей народного хозяйства, что привело к ослаблению контроля, а это, в свою очередь, чрезвычайно пагубно отразилось на всей системе[113]. Генеральная линия колебалась между двумя тенденциями. С одной стороны, необходимо было повышать качество продукции и снижать издержки в использовании материальных, финансовых и трудовых ресурсов для повышения эффективности советской экономики, что требовало постоянного мониторинга. С другой, идея внедрения материальной заинтересованности и расширения самостоятельности и инициативности предприятий должна была стимулировать, в первую очередь, руководителей среднего звена в повышении производительности и создании определенных резервов для возможности корректировки планов, поскольку нельзя планировать «килограмм в килограмм»[114]. Г.И. Ханин в подтверждение своих мыслей приводит слова американского экономиста М. Олсона: «Как только коммунистическая власть начала рассредоточиваться, коммунизм был обречен на крушение»[115]. Отметим, что коммунизм, даже окончательный, не противоречил плановой экономике. В будущем не должно было быть управления людьми, но останется управление производством, люди будут

[112] См.: Ханин Г.И. Указ. соч. С. 78.
[113] Там же. С. 82.
[114] Материалы XXII съезда КПСС. С. 54.
[115] Цит. по. Ханин Г.И. Указ. соч. С. 84.

сознательно выполнять поставленные планы без угрозы каких-либо последствий в случае его невыполнения. Командная система превратится в советующую.

Несмотря на снижение количества плановых показателей, развитие народного хозяйства до 80-х гг. требовало контрольных цифр, которые должны были отразить необходимое количество производства продукции для удовлетворения основных потребностей, что было необходимо для построения коммунизма «в основном». Разграничение промышленности и сельского хозяйства в хрущевский период прослеживается и в планировании. Промышленные цифры, в основном, касались государства, а сельскохозяйственные, в первую очередь, затрагивали население. Для удобства представим данные в следующей таблице.

Таблица 3. Планируемые показатели производства продукции[116]

	1960 г.	1970 г.	1980 г.
Сталь (млн. тонн)	65	145	250
Электроэнергия (млрд. кВтч)	292,3	900-1000	2700-3000
Нефть (млн. тонн)	148	390	690-710
Газ (млрд. $м^3$)	47	310-325	680-720
Цемент (млн. тонн)	45,5	122	233-235
Уголь (млн. тонн)	513	686-700	1180-1200
Синтетические смолы и пластические массы (тыс. тонн)	332	5300	19000-21000
Искусственные и синтетические волокна (тыс. тонн)	211	1350	3100-3300
Ткани всех видов (млрд. $м^2$)	6,6	13,6	20-22
Обувь кожаная (млн. пар)	419	825	900-1000
Сахарная свекла, фабричная (млн. тонн)	57,7	86	98-108
Сахар (млн. тонн)	5,3	11,5	13-15
Шерсть (тыс. тонн)	357	800	1045-1155
Хлопок-сырец (млн. тонн)	4,3	8	10-11
Картофель (млн. тонн)	84,4	140	156

[116] Материалы XXII съезда КПСС. С. 144-145, 153.; РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 16. Л. 166, 170.

Овощи и бахчевые (млн. тонн)	19,2	47	55
Фрукты, ягоды и виноград (млн. тонн)	4,9	28	51
Зерновые культуры (млн. тонн)	134,4	230	290-310
Мясо (млн. тонн)	8,7	25	30,4-32
Молоко (млн. тонн)	61,5	135	170-180
Масло животное (тыс. тонн)	737	1450	2000-2200
Яйца — млрд. шт.	26,4	68,5	110-116
На душу/килограмм			
Зерновых культур	627	933	1040-1110
Мяса	41	100	109-115
Молока	287	548	611-648
Масла животного	3,4	5,9	7,2-7,9
Яиц (шт.)	124	278	396-417

В целом, таблица 3 представляет собой развернутый вариант таблиц 1 и 2, а значит, не противоречит сделанным на их основе выводам. Заложенная в этих плановых показателях динамика указывает на то, что коммунизм, несмотря на признание трудностей сельского хозяйства, в сельском хозяйстве был ближе, чем в промышленности. В среднем производство промышленных товаров для достижения коммунистического изобилия должно было возрасти за 20 лет в 4-6 раз, а по некотором показателям, таким как электроэнергия и искусственные волокна, в 10-15 раз. Необычайно высокий рост обусловлен взаимосвязью с другими отраслями народного хозяйства. Искусственные материалы имели особое значение в увеличении производства товаров широкого потребления[117], а без широкомасштабного внедрения удобрений не мыслилось изменение аграрного сектора. Синтетические волокна и пластичные массы вообще должны были показать небывалый рост в 57-63 раза, что было жизненно необходимо при обеспечении потребностей в материалах, экономически более выгодных по сравнению с продукцией добывающих отраслей народного хозяйства.

[117] См.: Материалы XXII съезда КПСС. С. 149.

В то же время в сельском хозяйстве требовался прирост всего в 3-3,5 раза. Такое положение вещей можно было бы попытаться объяснить отзвуком замятинских идей о том, что люди в будущем будут питаться пищей из нефтепродуктов. В этой связи интересно, что сахар, по архивным материалам, отнесен в группу промышленных товаров. Однако человека коммунистического общества не собирались кормить впроголодь, а, наоборот, планировали обеспечить вкусным и качественным питанием. Необходимо было учитывать, что за 20 лет возрастет не только производство продукции, но и население Советского Союза.

Планировать рост народонаселения гораздо труднее, чем экономические показатели, но без этого невозможно было добиться обещанного Программой изобилия и высокого уровня жизни. Напрямую о числе жителей СССР через 20 лет в тексте Программы не говорится, но если сопоставить абсолютный рост продукции в сельском хозяйстве и рост на душу населения, то можно убедиться, что они не совпадают. Конечно, товары, в которых в 50-60-х гг. испытывался особый дефицит, должны были производиться в необходимом количестве, чтобы удовлетворить основные потребности граждан. Несмотря на это, между абсолютным ростом в 3 раза и на душу населения примерно в 2 раза имеется разрыв. Согласно выступлению Н.С. Хрущева, за 20 лет рост численности рабочих составит примерно 40%[118]. Можно сделать предположение, что общее число жителей увеличится еще больше. Если на момент XXII съезда население СССР составляло почти 220 миллионов человек[119], то через 20 лет цифра должна была приблизиться к 300 миллионам.

[118] Там же. С. 150.
[119] Там же. С. 40.

§ 3. Общественные отношения и человек коммунистического будущего в III Программе КПСС

Создание материально-технической базы коммунизма, являясь важнейшей задачей в осуществлении перехода в «светлое будущее», служило всего лишь средством изменения общественных отношений. Высказывалось предположение, что рост производительных сил, создание материально-технической базы коммунизма, согласно естественноисторическим законам, будет сопровождаться и изменением всех социальных отношений[120]. В качестве основных элементов общественных отношений, которые необходимо было создать, назывались исчезновение частной собственности, слияние государственной и кооперативно-колхозной в единую коммунистическую собственность; постепенная замена товарно-денежных отношений распределением товаров, с полным переходом к распределению по потребностям; ликвидация существующих остатков различий между классами, слияние их в бесклассовое общество тружеников коммунизма; исчезновение существующих различий между городом и деревней, а затем — между физическим и умственным трудом; возрастание экономической и идейной общности наций[121].

От истоков марксизма и до 60-х годов частная собственность воспринималась как своеобразное «грехопадение» человеческого рода, из которого и проистекает большинство бед. Коммунистическое общество мыслилось как абсолютно свободное от частной собственности и товарно-денежных отношений. При этом коммунизм не отрицал личной собственности на предметы потребления, а должен был порождать многообразные общественные формы удовлетворения потребностей, поскольку определенные потребности могут быть удовлетворены не иначе, как посредством личного присвоения[122]. Изобилие продукции народного хозяйства должно было удовлетворить потребности населения в полной мере и сделать ненужными

[120] См.: Юдин П. Закономерный характер перехода от социализма к коммунизму // Коммунист. 1961. № 12. С. 49.
[121] См.: XXII съезд КПСС. Т. 1. С. 167.
[122] См.: Гак Г. Указ. соч. С. 72, 75.

деньги. Провозглашалось, что роль товарно-денежных отношений постоянно будет снижаться, однако вплоть до полного торжества коммунизма они сохранятся. По мере продвижения к коммунизму личные потребности все больше будут удовлетворяться за счет общественных фондов потребления. В итоге достижения изобилия материальных благ распределение по труду исчерпает себя[123]. Создание коммунистической собственности, где все принадлежит обществу в целом, и переход на распределение по потребностям должно было привести к разрушению тех остатков классовой структуры, которые еще сохранялись в Советском Союзе при социализме.

Ликвидация классов была тесно связана с двумя другим задачами формирования новых коммунистических общественных отношений: с исчезновением различий между городом и деревней, а также между умственным и физическим трудом. В Советском Союзе предполагалось наличие двух классов — рабочих и крестьян — и прослойки интеллигенции. Различия между рабочими и крестьянами, городом и деревней должны были стираться при подъеме деревни до городского уровня, через создание агрогородов. Если экономическая составляющая проекта промышленных аграрных поселений была продемонстрирована выше, в контексте создания материально- технической базы коммунизма, то социальное значение этого плана необходимо показать отдельно.

Уже отмечалось, что Советский Союз к 60-м годам имел значительное количество жителей, относящихся к сельскому населению. Следовательно, любая перестройка сельской жизни затрагивала значительную часть жителей страны. При этом как сельское население, так и руководство партии и правительства понимали, что существует разрыв в условиях труда и быта между городским и сельским жителем, причем не в пользу последнего. По сути, сельский житель, по сравнению с городским, оказывался пораженным в правах. В условиях коммунистического общества такая ситуация являлась недопустимой. Человек, который трудится в аграрном секторе народного

[123] См.: Программа Коммунистической партии Советского Союза // Коммунист. 1961. №. 16. С. 72.

хозяйства, должен был обладать всем тем, что имеет промышленный труженик. Характерно, что Н.С. Хрущев в замечаниях и предложениях к тексту проекта III Программы партии предложил выбросить слово «высокий» из предложения «Оплата труда колхозников станет такой же высокой, как и в общенародных предприятиях», на том основании, что это принижает колхозников[124]. На пути к «светлому будущему» нужно было постепенно давать работникам сельского хозяйства те блага, которыми пользовались жители городов. И это касалось не только улучшения коммунально-бытовых условий. Колхозники должны были пользоваться всеми видами социального обеспечения (пенсии, отпуска и т.д.) за счет колхозных и государственных средств[125]. Постепенное внедрение городского образа жизни и полного комплекса прав, в конце концов, разрушит перегородку между городом и деревней.

Промышленные и сельскохозяйственные работники шаг за шагом должны были становиться одной группой трудящихся. Но помимо них остается еще так называемая прослойка интеллигенции, в которую входили люди, занятые умственным трудом. К моменту создания проекта Программы партии число людей, относящихся к группе интеллигенции, существенно возросло, также как возросла их роль в обществе по сравнению со временами классиков марксизма-ленинизма. В 1959 году в СССР число работников умственного труда превысило 20 миллионов человек[126], а среди граждан Советского Союза, занятых физическим трудом, 32% имели среднее или высшее образование, в то время как в 1939 году их было всего 8%[127]. Виделось, что с победой коммунизма произойдет органическое соединение умственного и физического труда в производственной деятельности. Интеллигенция перестанет быть особым социальным слоем, работники физического труда по своему культурно-техническому уровню «поднимутся» до уровня людей умственного труда. Усложнение материально-технической базы производства, переход на автоматизацию предполагал существенное повышение уровня работника и

[124] См.: Н.С. Хрущев О проекте третьей Программы КПСС. С. 6.
[125] Там же.
[126] См.: Хрущев Н.С. За новые победы мирового коммунистического движения. С. 11.
[127] См.: Козлов Г. Указ. соч. С. 33.

сведение доли ручного физического труда к минимуму. Труженик коммунистического предприятия не стоит за станком, он его программирует и управляет им. Помимо производственной необходимости, интеллектуальное развитие личности являлось необходимой частью создания нового человека коммунистического общества. Советское общество при социализме обеспечивало бы всем гражданам среднее образование, в дальнейшем виделся переход ко всеобщему высшему образованию[128].

Планомерное распространение и развитие движения изобретателей и рационализаторов тоже должно было послужить делу сращивания умственного и физического труда. Казалось, что каждый работник по мере приближения к коммунизму сможет взять на себя часть инженерных функций, а затем функции рабочего промышленного предприятия совпадут с функциями инженера. Точнее, работник не будет относиться к определенной группе, по своим способностям или производственным надобностям он сможет работать на том участке производства, где он необходим, и приносить наибольшую пользу.

С развитием автоматизации производства и повышением уровня производительности труда произойдет сокращение рабочего дня одновременно с увеличением продолжительности оплачиваемых отпусков[129]. Образовавшееся свободное время трудящиеся должны тратить на восполнение сил, лечение и повышение своего культурно-технического уровня, дабы соответствовать высоким требованиям, предъявляемым к трудящемуся коммунистического общества.

Преодоление в будущем разницы между городом и деревней, умственным и физическим трудом позволит избавиться от всех различий между людьми, за исключением физиологических, что в совокупности с материальным изобилием обеспечит наступления царства истинной свободы и равенства – коммунизма.

О проблемах, связанных с вопросами о будущем государства при переходе к коммунизму, писалось выше, в связи с проектом Конституции.

[128] См.: РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 201. Л. 14.
[129] См.: XXII съезд КПСС. Т. 3. С. 303.

Отметим еще раз, что в Программе партии закреплялся тезис о перерастании государства диктатуры пролетариата в общенародное государство. Государство меняло свою роль: вместо орудия классовой борьбы появлялся институт, выражающий интересы всего населения Советского Союза[130]. Государство до полной победы коммунизма продолжит выполнять широкий спектр функций в экономике, связанных с созданием материально-технической базы коммунизма, преобразованием общественных отношений в коммунистические и осуществлением других процессов, обеспечивающих переход к коммунизму[131]. По мере продвижения к цели руководство будет постепенно переходить из государственных органов в органы общественного самоуправления.

Подобную судьбу предусматривала партия для самой себя в своей Программе. Разница заключалась в том, что КПСС как политической организации существовать не будет, она постепенно преобразуется, сольется с другими общественными органами в едином общественном самоуправлении. Партия как авангард всего народа и носитель огромного опыта и знания образует основное руководящее ядро коммунистического самоуправления[132]. Можно сделать заключение, что Программа КПСС предусматривала приоритет партии над государством, что соотносится с приоритетом Программы над Конституцией, о чем говорилось выше. Определенную роль здесь мог сыграть тот факт, что при И.В. Сталине обнаруживается обратная тенденция, что, в свою очередь, могло восприниматься как искажение теории и практики В.И. Ленина. Следовательно, возвращение партии ее руководящих и направляющих функции было призвано внести еще одно исправление в искаженную общую доктрину достижения коммунизма.

Партия в период «развернутого строительства коммунизма» брала на себя функции обеспечения высокого уровня политического и организационного руководства, подъема активности масс и вовлечения трудящихся в управление производством и обществом, усиления коммунистического воспитания и

[130] Там же. Т. 1. С. 206.
[131] См.: Всемирная история экономической мысли. С. 467.
[132] См.: РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 219. Л. 21.

преодоления пережитков прошлого, а также, конечно, творческого развития и пропаганды идей научного коммунизма[133]. КПСС, являясь параллельной государству структурой, постепенно перенимало его основные функции.

Программа партии освещала не только теоретические вопросы, связанные с проблемами развития государства и экономики, она касалась и быта. Выше указывалось, что одна из основных функций принятия новой Программы была связана с мобилизацией субъективного фактора. Она должна была играть роль путеводной нити непосредственно для каждого коммуниста и, опосредованно, для беспартийных граждан Советского Союза. Движение к коммунизму должно было идти планомерно и широким фронтом, затрагивая все стороны жизни. Естественно, невозможна ситуация, когда на предприятиях работники трудятся уже по-коммунистически, а возвращаясь к себе домой, совершают своеобразное путешествие назад во времени, попадая в бытовые условия, оставшиеся от прежних времен. Задача перестройки быта как немаловажного фактора в переходе к «светлому будущему» являлась актуальной с первых лет Советской власти[134].

Бытовые условия, в совокупности с питанием и потреблением, воспринимались населением как индикатор продвижения к намеченной цели. Поскольку никто не мог увидеть миллионы тон выплавленной стали или миллиарды киловатт электроэнергии, гораздо ближе для простого человека была позиция «чем лучше быт, тем ближе коммунизм». Линия противостояния между старым и новым пролегала в области быта. Это не могли не осознавать партийные руководители. Забота Н.С. Хрущева о повышении уровня жизни советских граждан демонстрировалась ранее, но стоит привести еще одно его высказывание: «Коммунизм – это вполне реальные и конкретные условия жизни народа: это короткий рабочий день, хорошее жилье, самая низкая в мире квартирная плата, хорошая одежда, накормленные и напоенные дети, бесплатное обучение для них, государственные стипендии для студентов,

[133] См.: Рожин В.П. Развитие XXII съездом КПСС марксистско-ленинской теории. Л., 1963. С. 23.
[134] См.: Плаггенборг Шт. Указ. соч. С. 368.

бесплатная медицинская помощь, пенсионное обеспечение, отмена налогов с населения, которых у нас через пять лет не будет совсем, — вот что такое элементы коммунизма на деле, в жизни»[135]. Видя улучшения в своем быту, труженик гораздо охотнее должен был выполнять поставленные руководством плановые показатели, что в сочетании с энтузиазмом позволит добиться нужных результатов.

Старый быт представлялся одним из самых неуступчивых врагов наступающего будущего. Советский гражданин был вынужден тратить усилия и время на бытовые потребности, когда мог бы использовать их для реализации первоочередных задач «строительства коммунизма». Человека стимулировали новым бытом, одновременно спасая его от старого. Личный быт советского человека тесным образом переплетался с общественным. Коммунистический быт должен был способствовать облегчению жизни и развитию человека. Партия брала на себя задачу предоставить человеку такой быт, или по крайне мере дать описание того, к чему необходимо стремиться.

Можно без преувеличения заявить, что одной из самых проблемных точек в бытовом вопросе СССР был квартирный вопрос. Программа прямо называет жилищную проблему самой острой проблемой в «подъеме благосостояния советского народа»[136]. С решением данного вопроса связано возникновение еще одного символа эпохи Н.С. Хрущева. И.В. Сталин оставил свой архитектурный след в возведении московских высоток, Н.С. Хрущев увековечен по всей стране в «хрущевках», призванных противопоставить архитектурным излишествам практичность и функциональность. Такую архитектурную стратегию предполагалось распространить и на коммунистическое будущее: города и жилища должны строиться по принципу рациональности и разумной экономичности. «Расточительство, излишества в строительных объемах и претенциозность в архитектурных формах, безусловно, противопоказаны и чужды самой сущности коммунистической

[135] Цитируется по: Коммунизм входит в нашу жизнь. М., 1961. С. 4-5.
[136] Материалы XXII съезда КПСС. С. 390.

целесообразности и должны быть полностью отброшены и изжиты, как чуждые пережитки прошлого»[137]. Дома, которые можно быстро и недорого воздвигать, представали панацей в решении жилищной проблемы. Много раз указывалось, что на первом месте стояли количественные данные: «хрущевки» помогали увеличивать показатели и выполнять данные в Программе обязательства. В качестве эксперимента возводились и дома гостиничного типа для одиноких или небольших семей. Индивидуальные жилые помещения в них сочетались со столовыми, буфетами, душевыми помещениями и комнатами отдыха коллективного пользования[138].

С недостатком квартир планировали покончить в течение первого десятилетия, предоставив семьям, живущим в переуплотненных и плохих жилищах, новые квартиры. В итоге второго десятилетия каждая семья должна была иметь благоустроенную квартиру в соответствии с требованиями гигиены и культурного быта. Крестьянские дома старого типа планировалось заменить новыми домами[139]. В свете этого программного заявления видно, что «хрущевки» были призваны выполнить определенную задачу — расселить людей или облегчить невыносимые условия жизни. Затем на смену этого временного жилья должны прийти более благоустроенные квартиры. Колхозников тоже планировали приобщить к городской жизни посредством четырех- и пятиэтажных домов в строящихся агрогородах. Внедрение элементов коммунистического жилища заключалось не только в строительстве новых домов, но и в соревновании за звание образцово-показательного дома. Такой дом должен был превратиться в очаг коммунистического быта, образец для остальных.

По достижению коммунизма отпадет надобность в квартплате. В этом вопросе был один интересный момент. Ознакомившись с предложенным проектом Программы, Н.С. Хрущев внес в предложение о переходе к бесплатному жилью во втором десятилетии более осторожную формулировку:

---

[137] РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 16. Л. 24.
[138] См.: Лифанов М. Указ. соч. С. 55.
[139] См.: Материалы XXII съезда КПСС. С. 390-391.

в течение второго десятилетия бесплатное пользование будет только постепенно вводиться. Н.С. Хрущев мотивировал это тем, что, возможно, в 70-х гг. не будет возможности осуществить отказ от оплаты жилья, а исходя из проекта Программы, это должно было произойти на первом году второго десятилетия[140]. Таким образом, в определенных вопросах прагматический подход превалировал над возможностью заработать несколько очков популистскими заявлениями. В окончательный текст Программы предложение о сроках обеспечения населения бесплатным жильем вошло в редакции Н.С. Хрущева. В течение второго десятилетия станет бесплатным пользование коммунальным транспортом, а в конце десятилетия — коммунальные услуги[141].

Большое значение придавалось не только квартирам, жилищный вопрос затрагивал и градостроительство. Ставку делали на небольшие и средние города, игравшие роль спутников крупных промышленных центров. В первую очередь города-спутники появились у Москвы. В основе лежало представление об органическом сочетании природы и культуры. В городах-садах люди должны были отдыхать в отдалении от промышленных предприятий. В коммунистическом обществе принцип научности должен стоять на первом месте, населенные пункты должны были возникать и развиваться не стихийно, как было раньше, а запланированно и организованно. Города и поселки, по мысли авторов Программы, «должны представлять собою рациональную комплексную организацию производственных зон, жилых районов, сети общественных и культурных учреждений, бытовых предприятий, транспорта, инженерного оборудования и энергетики, обеспечивающих наилучшие условия для труда, быта и отдыха людей»[142].

Бытовые предприятия являлись немаловажным элементом в системе будущего городского быта. Именно в развитии сети предприятий бытового обслуживания виделось изменение бытовых условий каждого человека. В основном освобождению должна была подвергнуться советская женщина.

[140] См.: Н.С. Хрущев О проекте третьей Программы КПСС. С. 6.
[141] См.: Материалы XXII съезда КПСС. С. 391.
[142] Там же.

Бытовой вопрос в рамках III Программы КПСС, да и в предшествующей традиции, имел ярко выраженную направленность на женскую часть советского населения. Название соответствующего параграфа в Программе звучит как «Улучшение бытовых условий семьи и положения женщины, содержание детей и нетрудоспособных за счет общества»[143]. Быт был уделом женщины, рядовая советская женщина фактически работала на двух работах. Днем на официальной, в народном хозяйстве, а вечером, дома, ей предстояла еще одна смена — у плиты или гладильной доски. Мужчина рассматривался как потребитель продуктов, создаваемых в бытовом секторе, и его интерес заключался лишь в повышении качества бытового обслуживания. Можно сделать заключение, что, освободив женщину от всех ее прежних «традиционных» обязанностей и уравняв ее в положении с мужчиной, коммунистическое общество практически стирало гендерные различия. Женщину будущего объединяла с женщиной прошлого только функция деторождения.

Решение бытовых вопросов в очередной раз виделось в коллективности и индустриализации процессов. Основу перестройки быта составляли предприятия бытового обслуживания населения. Это должны были быть именно предприятия, сравнимые с промышленными, способные обслужить потребности сотен тысяч человек. Главным звеном этих предприятий должна была стать сеть общественного питания. Еще Ф. Энгельс в одной из своих работ рассуждал так: «Можно смело предположить, что при общественном приготовлении пищи и при общественном обслуживании легко было бы освободить две трети занятых этим делом рабочих, причем остальная треть могла бы лучше и внимательнее исполнять свою работу»[144]. Представляется, что эта цитата одновременно являлась и источником, из которого черпалось представление о будущем устройстве, и авторитетной ссылкой, придававшей статус незыблемой истинности. Сеть предприятий общественного питания во

[143] Там же. С. 392.
[144] Энгельс Ф. Эльберфельдские речи // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 542-543.

втором десятилетии должна была обеспечить предприятия, учреждения и колхозы бесплатными горячими обедами[145]. Постепенно качественная, вкусная и питательная еда в столовых будет обходиться дешевле домашней еды, а с переходом на бесплатное распределение окончательно вытеснит питание в домашних условиях, освободив женщину от многовекового кухонного рабства. Меры, предлагаемые Программой, можно обнаружить еще в 30-х гг. Так, журнал М. Горького «Наши достижения» в 1930 г. указывал на преимущества общественного питания и ратовал за строительство предприятий, способных готовить несколько тысяч обедов в день[146]. Следовательно, за 30 лет в представлениях о коммунистическом быте кардинальных перемен не произошло, были введены только современные технические новинки.

Вслед за столовыми развитие должны были получить предприятия по ремонту и изготовлению вещей личного пользования, в первую очередь, одежды. Пункты проката предоставят возможность удовлетворить потребности человека в необходимой ему на ограниченный срок вещи, тем самым освободив его жилище от ненужных вещей. В личном быту человека будет окружать небольшое количество абсолютно необходимых ему предметов[147]. Кухня и кухонная техника станет ненужной с переходом на общественное питание. Автоматизация кухонного хозяйства выступала объектом критики буржуазного образа жизни, оставляющего женщину прикованной к домашнему хозяйству, хотя и с меньшими физическими затратами[148]. Стиральные машины, утюги и т.п. будут неактуальны, поскольку экономически выгоднее пользоваться мощными промышленными машинами, обеспечивающими превосходное качество работы. На XXII съезде А.И. Микоян говорил: «Нам надо создать свою систему совершенного обслуживания советского человека, обеспечения его максимальными удобствами, наилучшего удовлетворения его материальных и культурных запросов. …Потребуется и некоторое

[145] См.: Материалы XXII съезда КПСС. С. 393.
[146] См.: Халатов Арт. Перестройте быт // Наши достижения. 1930. №. 1. С. 56-57.
[147] См.: Лифанов М. Указ. соч. С. 61.
[148] Там же. С. 60.

перераспределение в балансе рабочей силы в сторону повышения удельного веса сферы услуг. Мы, безусловно, пойдем на это»[149].

Воспитание подрастающего поколения должно было осуществляться в общественных учреждениях: детских садах, школах-интернатах и лагерях. С родителей не снималась ответственность за судьбу детей, но по желанию они могли перепоручить ее обществу. В целом, сама семья с наступлением коммунизма должна претерпеть определенные изменения. Прямо об этом в тексте Программы не говорится, но можно сделать предположение, как эти изменения мыслились. Еще до Октябрьской революции марксисты вынуждены были отбивать атаки критиков, указывавших на несовместимость коммунистической формации и семьи, порождении классового общества. Определенные представители марксизма настаивали на полном освобождении человека, в том числе и в половой сфере. Советское государство, стремившееся к стабилизации, настаивало на сохранении моногамной семьи как ячейки общества. Лозунг «свободной любви», спонтанно возникший среди советской молодежи, был «разоблачен» еще В.И. Лениным, который в одном из писем Инессе Арманд рассуждал, что в «свободную любовь» входят 10 пунктов: свобода от материальных (финансовых) расчетов в деле любви; тоже от материальных забот; от предрассудков религиозных; от запрета папаши etc; от предрассудков «общества»; от узкой обстановки (крестьянской или мещанской или интеллигентски-буржуазной) среды; от уз закона, суда и полиции; от серьезного в любви; от деторождения; свобода адюльтера. В.И. Ленин показывал, что для пролетариата важны 1-7 пункты, а остальные — это «свободная любовь» буржуазного общества. Он собирался противопоставить мещанский-интеллигентский-крестьянский пошлый и грязный брак без любви – пролетарскому гражданскому браку с любовью[150]. Коммунистическая семья, освободившись от бытовых и материальных трудностей, перестанет служить

[149] XXII съезд КПСС. М., 1962. С. 454.
[150] См.: Ленин В.И. Письмо В. И. Ленина И. Ф. Арманд от 17 января 1915 г. // ПСС. Т. 49. С. 51-52.

экономической ячейкой, а позволит наиболее полно выполнять свою функцию оплота любви и личного счастья людей.

Самой трудной задачей являлось создание нового человека. Но данной задаче были подчинены остальные, на что указывает следующее замечание Н.С. Хрущева к тексту Программы: «Что главное в коммунистическом обществе? Человек. И поэтому все усилия физические и умственные и материальные средства должны быть направлены на лучшее удовлетворение потребностей человека и всего коммунистического общества в целом. Так надо сказать»[151]. Ведь на плечи советского человека легло выполнение задач по созданию материально-технической базы коммунизма и коммунистических общественных отношений. С прихода большевиков к власти и до принятия III Программы партии новый человек коммунистического будущего воспринимался не иначе как герой. Слово «герой» на протяжении всего советского периода встречается повсеместно: так называли летчиков, полярников, пограничников, стахановцев и всевозможных Героев Труда[152]. Любой человек в советском обществе теоретически мог стать героем. Наиболее яркими примерами мифологической героизации являются легендарный пионер Павлик Морозов и передовик-шахтер Александр Стаханов, которые из обычных людей превратились в символы советского строя. В 60-е гг. главными героями, безусловно, выступали космонавты, а первым среди равных по праву стал Ю.А. Гагарин. Несмотря на то, что многие желали оказаться в космосе, это было нечто одновременно близкое и нереальное. Гораздо проще было стать героем, став ученым или передовиком производства. В 60-е гг. на смену стахановской традиции пришли бригады коммунистического труда. Их члены давали обещание жить и трудиться по-коммунистически, внедряя коммунистические формы труда. Отметим, что четкого понимания этого термина не было. Н.С. Хрущев удивлялся: «Что такое «коммунистические формы труда»? Это все газетный штамп»[153]. Но этот газетный штамп прочно

[151] РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 210. Л. 11.
[152] См.: Фицпатрик Ш. Указ. соч. С. 89.
[153] РГАСПИ Ф. 585. Оп. 1. Д. 201. Л. 12.

вошел в лексикон советской идеологии. Как отмечал в 1960 г. первый секретарь ЦК Компартии Украины Н. Подгорный, «самоотверженный труд участников бригад и ударников коммунистического труда органически сочетается с формированием нового человека — человека коммунистического будущего, с преодолением пережитков прошлого в сознании людей. <…> Величайшее достижение социалистического строя состоит в том, что он воспитал нового человека. Наиболее характерные черты его: верность идеям марксизма-ленинизма, горячая любовь к социалистической Родине, преданность делу пролетарского интернационализма, дружбе народов. Советские люди являются поборниками коммунистических идей — самых передовых и животворных идей нашего времени. Эти идеи вошли в плоть и кровь трудящихся, миллионы которых, и не состоя в рядах партии, с законной гордостью называют себя коммунистами»[154].

Создание нового человека не стоит воспринимать как изменение физиологии человека с целью подняться на следующую ступень эволюции, наделив его выносливостью, силой, ловкостью и т.д. Подобные эксперименты по улучшению человеческого материала пытались проделывать в 20-30-х гг. разные группы, применяя разнообразные достижения науки. Правда, физическое совершенство фигурировало в списке качеств жителя «светлого будущего», для этого развивали сеть спортивных, медицинских и профилактических учреждений, призванных заботиться о здоровье гражданина и довести возраст его жизни до 150 лет, а то и больше[155]. Однако физическая сторона дела не рассматривалась как самоцель, советское общество не создавало культ человеческого тела. Тело воспринималось орудием производства, следовательно, как заботятся о станке, так должны были заботиться и о теле — сугубо инструментально. Болезни и усталость не должны были влиять на показатели народного хозяйства. Развитие тела, повышение его устойчивости и прочности являлось своего рода модернизацией оборудования.

[154] Подгорный Н. На путях к победе коммунистического труда // Коммунист. 1960. №. 6. С. 26, 28.
[155] См.: Струков Э.В. Человек коммунистического общества М., 1961. С. 62.

Наряду с «модернизацией» физической стороны, новый человек должен был развиваться и интеллектуально. При сокращении времени на материальное производство расширятся возможности для развития способностей, дарований, талантов в области производства, науки, техники, литературы и искусства. Досуг человека будет посвящен умственному развитию и научно-техническому творчеству[156].

Главным в советском человеке должна была стать моральная сторона. Формировать новую коммунистическую мораль был призван «Моральный кодекс строителя коммунизма». С момента появления этого документа стали проводиться аналогии с библейским заповедями. Прямое сопоставление коммунистической идеологии и религиозной системы христианства может выступать лишь как не очень глубокая исследовательская игра. Большинство действий человека — поедание пищи, политические выступления и даже включение света в доме — имеют мифологическую подоплеку[157], в этом свете правильнее будет говорить о советской мифологии, а не о коммунистической религии. Основной функцией мифологической системы является упорядочивание мира, уменьшение энтропии. Посредством установления запретов, ритуалов и т.п. воздвигаются границы упорядоченного. Коммунистическая мораль должна была стать на страже достижений общества в построении «светлого будущего», дабы не повторить печальный опыт коммун прошлого. Опасность неверного, упрощенного понимания грядущего беспокоило руководство партии. Существовал определенный разрыв между пониманием коммунизма как теоретической конструкции марксистко-ленинской философии, которую необходимо воплощать в жизнь, своеобразного «рая земного», грядущего совсем скоро — с потребительским отношением населения. Позиция, когда в лозунге «от каждого по способностям, каждому по потребностям» игнорируется первая часть, а воспринимается только вторая,

[156] См.: XXII съезд КПСС. Т. 3. С. 319.
[157] См.: Лич Э. Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. М., 2001. С. 40-42.

сводит все успехи строительства коммунизма на нет, несмотря на все достижения науки и техники.

Что же представлял собой моральный кодекс строителя коммунизма? Это был набор из 12 весьма расплывчатых нравственных принципов. Само понятие «коммунистической морали» противостоит морали некоммунистической, призванной сойти с арены, уступив место новому и прогрессивному. Коммунистическая мораль в ходе строительства коммунизма должна была обогатиться новыми принципами, новым содержанием. Как считала партия, это новое содержание выражается в следующем: преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма; добросовестный труд на благо общества по принципу «кто не работает, тот не ест»; забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния; высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов; коллективизм и товарищеская взаимопомощь на основе лозунга «каждый за всех, все за одного»; гуманные отношения и взаимное уважение между людьми по принципу человек человеку – друг, товарищ и брат; честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни; взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей; непримиримость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству; дружба и братство всех народов СССР, нетерпимость к национальной и расовой неприязни; непримиримость к врагам коммунизма, дела мира и свободы народов; братская солидарность с трудящимися всех стран, со всеми народами[158].

Если принять последовательность перечисления принципов за иерархию, то получится интересная картина. На первом месте стоит преданность делу коммунизма, которая выше любви к социалистической Родине и странам социализма. То есть новый человек – это, в первую очередь, коммунист, и если интересы коммунизма вступят в противоречие с интересами Родины, то надо выбирать в пользу коммунизма. Советский человек должен быть носителем

[158] См.: XXII съезд КПСС. Т. 3. С. 317-318.

идеократического мировоззрения. Далее идут его производственные обязанности, затем личные и семейные принципы, и в конце интернациональные установки. Несмотря на всю заботу о благе человека, для партии главным назначением индивида была работа, и только во внерабочее время он имел право на личную жизнь. Это подтверждается и расположением тезисов в параграфе о задачах партии в области воспитания коммунистической морали. Сначала планировалось сформировать научное мировоззрение, что соответствовало овладению марксизмом-ленинизмом, дальше шло трудовое воспитание, а лишь затем — утверждение коммунистической морали, всестороннее и гармоничное развитие личности и преодоление пережитков капитализма в сознании и поведении людей[159].

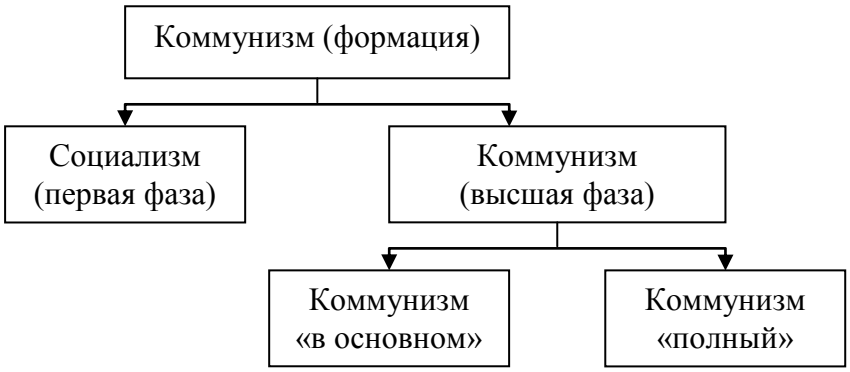
Из восприятия человека как производителя вышла заслуживающая внимания идея о том, что «труд по способности станет привычкой, первой жизненной потребностью всех членов общества»[160]. Труд должен был стать таким же необходимым, как еда, вода и воздух, то есть перейти в разряд физиологической необходимости. Конечно, трудовая деятельность должна была быть разумно оправдана. Человек не должен был терять здоровье, перерабатывая. Такое отношение к труду необходимо было выработать для предотвращения потребительского отношения к принципам коммунистического общества, о коем упоминалось ранее. Требовалась дисциплина, которая зиждится не на принуждении, а на воспитании чувства долга. По мысли Н.С. Хрущева, главное в этом направлении — труд и дисциплина. И людей необходимо было воспитывать в этом направлении, «а то мы воспитываем – хочет, пойдет на работу, а хочет, пойдет на пляж. Это невозможно, потому что тогда будет не производство, а анархия, а не организованное общество и не организованное производство. …Не нужно приучать людей, что это будет какое-то бесформенное общество животных, которые по своему усмотрению будут проводить время»[161]. Коммунистические

[159] См.: Там же. С. 316-319.
[160] Там же. С. 317.
[161] РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 201. Л. 10.

представления еще раз демонстрируют тесное переплетение идеологических, экономических и общественных элементов в официальном дискурсе.

Осветив основные моменты в представлении о коммунизме в рамках советского дискурса, нашедшего свое воплощение в тексте III Программы КПСС, необходимо сказать об одном аспекте, на который практически не обращают внимание исследователи. Тем самым допускается неточность в трактовке источника и тех идей, которые циркулируют в его контексте. Правильная расстановка акцентов позволит скорректировать исследовательское восприятие коммунистических представлений в эпоху развернутого строительства коммунизма.

III Программа партии ставила своей задачей построение в течение 20 лет коммунизма, но с добавлением «в основном»[162]. Что это означает? Все это значит, что коммунизм в официальном дискурсе еще боле дифференцируется. Под термином «коммунизм», на основе трудов классиков марксизма-ленинизма, понималась и совокупность социализма с коммунизмом, и собственно второй этап в коммунизме. Программа КПСС развила это положение, разделив, в свою очередь, коммунизм как следующий этап после социализма, на два подэтапа: коммунизм «в основном» и «полная победа» коммунизма. Визуально это можно представить в виде схемы.



О.В. Куусинен отмечал, что «следовало бы всюду во II части возможно точнее разграничивать ближайшие задачи, реально рассчитанные на выполнение в течение предстоящего двадцатилетнего периода и более далекие

[162] Материалы XXII съезда КПСС. С. 368.

перспективы. В проекте это не делается последовательно»[163]. Коммунизм «в основном» — это уровень производства 80-х годов, это построение условий в материально-технической и общественной сфере, когда удовлетворятся непосредственные запросы, материальные и духовные потребности первой необходимости[164]. При достижении коммунизма производство не будет горизонтально развиваться, оно будет все время расти вверх до полной победы коммунизма, где будут преодолены все противоречия и удовлетворены все человеческие потребности. Если провести антропологическую параллель, то социализм это – «детство», первый этап коммунизма — это «юность», второй — это «зрелость». Уточним, что в таком случае не предполагалось наступление «старости». Еще раз обратимся к поправкам Н.С. Хрущева к Программе партии: «80-е годы, это все — таки 20 лет, и поэтому нельзя сказать что так же будет и через 40 лет. …А через 40 лет что будет? То же, что через 20 лет? Неправильно это. Поэтому степень развития науки, техники, внедрения автоматизации будет все возрастать, а физических и умственных усилий потребуется затрачивать меньше. Поэтому возрастут и потребности каждого человека. И сами люди будут другими, все будут иметь не только среднее образование, но и высшее. Одним словом, создадутся возможности не только удовлетворять, но и развивать духовные потребности человека. Это будет идти все по возрастающей линии. Видимо, раздел о материально-техническом обеспечении должен быть разбит на периоды или фазы коммунизма»[165]. Игнорирование такого понимания задач коммунистического строительства в тексте Программы в период 70-80-х гг., с одной стороны, может быть понято в контексте «теоретической ошибки» В.М. Молотова, который на февральской сессии Верховного Совета в 1955 г. отметил, что в СССР построены только «основы социализма». Это можно было трактовать как противопоставление тезису о завершении построения социализма в СССР. Данная «ошибка» была использована в политической борьбе, и В.М. Молотов вынужден был

[163] РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 13. Л. 13.
[164] См.: РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 201. Л. 13.
[165] Там же. Л. 14.

«покаяться» в печати, тем самым лишая себя статуса одного из ведущих теоретиков партии.

Программа в этом случае приобретает прагматичный характер, по сравнению с ее утопическим определением в историографии. Одной из главных кризисных ошибок называют то, что в Программу партии закладывали «классическую» марксистско-ленинскую схему перехода от социализма к коммунизму без учета того, что в СССР не было создан тот социализм, от которого можно было бы переходить к коммунизму[166]. Однако одной из ошибок в интерпретации Программы надо признать то, что исследователи видели в коммунизме 80-х гг. «классический» коммунизм марксистско-ленинской традиции, который, по мысли авторов Программы, должен был наступить значительно позднее.

С другой стороны, четкое и открытое изменение идей о поэтапном движении к «светлому будущему» могло снизить мобилизующий эффект, отдалив полный коммунизм за пределы жизни нынешнего трудоспособного поколения. Тем самым партия лишила бы это поколение значительной части стимула прилагать усилия для достижения поставленной цели. Несмотря на командно-административную систему и волюнтаризм управления, руководству партии и государства приходилось считаться с населением и учитывать субъективный фактор. Успешное течение реформ продолжается до тех пор, пока они протекают в русле интересов широких слоев населения. Когда идеи реформ перестают совпадать с массовыми интересами, то с реформами ничего не получается[167]. Такое балансирование между задачей подъема энтузиазма и определенной прагматикой в постановке ожидаемых результатов негативно отразилось на интерпретации III Программы КПСС в исторических исследованиях.

Несмотря на краткость анализа основных элементов коммунистических представлений официального советского дискурса, отразившихся, в первую

[166] См.: Н.С. Хрущев (1894-1971): Материалы научной конференции . С. 43.
[167] Там же. С. 103.

очередь, в III Программе партии, можно попытаться свести воедино разрозненные части и как мозаику собрать общий контур коммунистической перспективы, открывающейся со страниц Программы. Отдавая себе отчет в невозможности полной и тождественной реконструкции ментального образа коммунизма III Программы КПСС, исследователь не должен отказываться от этого. Без относительно стабильной точки отсчета невозможно будет проследить, как официальный дискурс транслировался, воспринимался и какой образ коммунизма формировался у населения. Необходимо помнить об относительности любой реконструкции из тех элементов, которые находятся в источнике: исследователь создает образ сознания, а уже в нем пытается воссоздать картину, которую должно было формировать сознание, воспроизведенное им. В отсутствии оригинала, к которому полученный результат можно было бы приложить, степень тождественности полученного исследователем результата реальным представлением прошлого невозможно определить. В лучшем случае результат будет внутренне не противоречив.

Выводом может служить, понимание, что в III Программе партии индустриальный характер общества распространялся за пределы народного хозяйства и подчинял своей логике большинство сторон жизни. Промышленность и сельское хозяйство автоматизируются, что устраняло необходимость в тяжелом физическом труде. Стирание границ между физическим и умственным трудом делало работу оператора самой распространенной, высшее образование становилось необходимым, а значит, всеобщим. Труд становился осознанной потребностью каждого члена общества, а основные потребности человека удовлетворялись за счет фондов общественного потребления. Это должно было привести к замене товарно-денежных отношений прямым распределением товаров, которые в избытке производит народное хозяйство, основывающееся на материально-технической базе, созданной по последним достижениям науки. Наряду с сокращением времени, затраченного на производство, человек освободится и от бытовых проблем, решение которых брало на себя общество. Их коллективное

удовлетворение на индустриальной основе был экономичнее и целесообразнее. Высокий уровень жизни должен был распространиться и на поселения, ориентированные на аграрное производство, что уничтожит разницу между городом и деревней. Свободное время человек отдаст на развитие своих физических, умственных способностей и моральных качеств, в чем общество будет всячески ему содействовать. Управлением и распределением без принуждения, присущего отмершему государству, должно будет заниматься самоуправление, которое вырастет из общественных организаций и КПСС. Каждый член общества, вооруженный научным мировоззрением и марксистско-ленинским учением, должен будет участвовать в жизни общества. В возврате к наследию классиков и, в первую очередь, В.И. Ленина официальный дискурс видел необходимое условие верного понимания пути к коммунизму.

Определение коммунизма, приведенное в тексте III Программы КПСС, в дальнейшем раскрывается. Но, несмотря на заверения политического руководства о наполнении конкретным содержанием марксистско-ленинской теории, можно сделать вывод о нечеткости образа будущего. В основном, это была постановка целей, которые необходимо было достичь. Интерпретация данных целей позволяет сделать вывод о том, что за ними скрывалось. Излишняя четкость лишала бы КПСС возможности маневра, тогда как некоторая расплывчатость оставляла свободу действий при формальном сохранении верности Программе.

В III Программе КПСС как в плане по воплощению коммунизма в жизнь были сконцентрированы основные тенденции, определявшие образ эпохи. Обозначение задач III Программы КПСС основывалось на расчетах и опыте предыдущего десятилетия, что делает ее, в значительной степени, реалистичным документом, который должен был мобилизовать население и задать направление движению масс. Новая Программа партии должна была обеспечить переход Советского Союза от социализма к коммунизму. Но обозначенный Программой коммунизм не предполагал полного воплощения

идей классиков марксизма-ленинизма: в Программе было заложено строительство коммунизма «в основном». Но даже создание такого коммунистического общества, для советского руководства, означал бы победу СССР в соревновании с США. Строительство коммунистического общества было связано с решением ряда важнейших задач. Необходимо было радикально модернизировать материально-техническую базу с тем, чтобы многократно увеличить объемы промышленного производства и сельского хозяйства, что выступило бы основой для строительства коммунизма. Далее планировалось развивать черты коммунистического общества во всех сферах жизни, начиная с управления и заканчивая бытом. В результате постепенной эволюции к 1980 г. должно было сложиться коммунистическое общество. В нем и должен был зародиться новый человек — человек «светлого будущего».

Глава 2. Медиаторы коммунистических представлений в советском обществе

§ 1. Официальная пропаганда коммунистической перспективы III Программы КПСС

Говоря о мобилизующей задаче III Программы КПСС, необходимо понимать, что нужного эффекта невозможно достичь, просто продекларировав определенные задачи, решение которых, согласно официальному дискурсу, приведет к построению коммунизма. Для того, чтобы идея приобрела материальную силу, она должна овладеть умами масс[1]. Эту мысль классиков марксизма советское руководство не могло не осознавать. Следовательно, необходимы были медиаторы между коммунистическими идеями, которые порождал официальный дискурс, и сознанием населения. Представляется, что некорректно воспринимать функции медиатора исключительно как направленные в одну сторону — сверху вниз, в виде механизмов донесения и разъяснения неких теоретических построений для основной массы граждан. Известно, например, что в ранней Советской России мифологизация была децентрализованным процессом, в значительной степени исходившим «снизу»[2].

Программа партии и коммунистические перспективы, заложенные в ней, создавались не кулуарно, а с учетом мнения населения, хотя децентрализованных элементов в процессе мифологизации было меньше, чем в первые годы советской власти. Показательным примером, иллюстрирующим данный тезис, может служить публикация и обсуждение проекта Программы, а также те небольшие поправки, которые были внесены в текст по итогам данного обсуждения. Следовательно, можно говорить не о монологе, а о диалоге власти с обществом, однако с большим перевесом в сторону властных

[1] Маркс К. К кртитике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 1. С. 422.
[2] См.: Нарский И.В. Конструирование мифа о гражданской войне и особенности коллективного забывания на Урале в 1917-1922 гг. // Век памяти, память века: Опыта обращения с прошлым в XX столетия. Челябинск, 2004. С. 395.

структур. Медиаторы, таким образом, работают в обе стороны, но в данном разделе будет рассматриваться трансляция «сверху вниз».

Коммунистическая партия и Советский Союз как государство с сильными идеократическими элементами имели развитую пропагандистскую систему. Программа партии, воспринимавшаяся как важнейший документ эпохи, не могла не обеспечиваться этой системой. Главным и самым важным элементом в продвижении коммунистических представлений официального дискурса, конечно, являлась сама Программа. Знаковым представляется уже ее наличие, поскольку новая Программа являлась для ее авторов, опиравшихся на мысли В.И. Ленина, сильнейшим материалом для агитации, выступая основой воспитания масс в духе коммунизма[3]. Сам факт того, что главный партийный документ без всяких оговорок заявляет о четких сроках достижения «светлого будущего», был источником трансляции и средством аккумуляции коммунистических представлений.

Современники отмечали, что новая Программа партии обещала построить коммунизм и эта задача отчасти выполнялась произнесением сакральных слов: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». И хотя Программа, по их мнению, отличалась логической неубедительностью, она доказывала верность обозначенной цели и выбранного пути самим своим появлением[4]. Обозначив срок в 20 лет, КПСС подвергала риску свою репутацию как на международной арене, так и внутри страны: невыполнение намеченного, даже с учетом возможного роста народного хозяйства, существенно подорвало бы престиж коммунизма. Реализацией этой тенденции стал дальнейший ход истории — закат Советского Союза и последующая эпоха, когда III Программа КПСС служила для антикоммунистов аргументом, демонстрирующим утопизм коммунистических ожиданий. Однако в 60-е гг. Программа настолько

[3] См.: Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. С. 110.
[4] См.: Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М., 1998. С. 12, 16.

отражала настроение общества и идеологические представления народа, что возражений против предложенных ею задач не могло возникнуть в принципе.

В качестве фактора, придававшего дополнительную убедительность коммунистической цели, выступали требующие своего решения разнообразные задачи: увеличение выплавки металлов, надоя молока и т.д. Программа четко указывала первоочередные задачи, а также обозначала направления и этапы их реализации. Однако основная масса жителей СССР, несмотря на довольно простой язык документа, не могла адекватно воспринимать все то, что ставила в разряд задач Программа, и те последствия, к которым приведет их выполнение. Что такое 3000 миллиардов киловатт-часов и 250 миллионов тонн стали в год, необходимые для создания материально-технической базы коммунизма? Подобные утверждения можно было воспринимать исключительно на веру, освященную авторитетом партии. При постановке задач партия утверждала, что у нее есть четкий, конкретный и научно обоснованный план, которому необходимо следовать. Программа указывала место каждому в ряду строителей коммунизма, она показывала, как надо трудиться, учиться во имя коммунизма, как готовить себя для жизни в коммунистическом обществе[5]. В первой главе отмечалась возможность двойного прочтения заголовков, в которых в общем виде и формулировались задачи и одновременно подразумевалось их обязательной решение. Такой провиденциализм и фатализм свидетельствовали о неизбежности победы коммунизма, что должно было усвоить население в целом и каждый человек в частности.

Подтвердить верность выбранного пути построения коммунизма призвана была также постоянная апелляция к авторитету В.И. Ленина. Для подтверждения своих мыслей авторы Программы использовали цитаты из его работ, а в тех случаях, где таковых не было, обходились обтекаемыми формулировками о «ленинских принципах». Представлялось, что свержение господства эксплуататоров, установление диктатуры пролетариата и

[5] См.: Материалы XXII съезда КПСС. С. 231.

построение социализма невозможно без двух Программ, разработанных при участии и под руководством В.И. Ленина. При подготовке III Программы, ставившей своей целью создание коммунистического общества, по словам Н.С. Хрущева, «мы постоянно советовались с Лениным, исходили из его прозорливых предначертаний, из его гениальных идей о строительстве социализма и коммунизма. Поэтому мы с полным основанием можем и эту Программу назвать ленинской»[6]. Уже отмечалось, что вследствие политической борьбы и процесса так называемой «десталинизации» в официальном дискурсе происходило формальное оттеснение творческого наследия И.В. Сталина и возврат к «первоначальному» В.И. Ленина. Для общественного мнения было характерно то же изменение. В.И. Ленин, как «священный» символ, играл роль оракула как на основе официальной мифологии, так и народной. Октябрьская революция и Гражданская война почти сразу превратились в базовые мифы Советского государства[7]. В.И. Ленин, организатор революции и победитель в войне, воспринимался как культурный герой и «первопредок», организующий из хаоса космос и отвоевывающий в борьбе с чудовищами «Упорядоченное» для своих потомков. Н.С. Хрущев, в котором Л. Абрамян обнаруживает фольклорные черты сына-дурака, борющегося с «чудовищами», что роднит его с В.И. Лениным[8], продолжал бороться с И.В. Сталиным за ленинское наследие.

Анализ текста Программы позволяет сделать следующий вывод: В.И. Ленин как оракул коммунистических перспектив в 60-е гг. отодвигает К. Маркса и Ф. Энгельса, несмотря на то, что он внес в разработку теории коммунизма гораздо меньший вклад. Причиной этого, на наш взгляд, является тот факт, что В.И. Ленин был гораздо ближе советскому человеку, чем основатели марксизма, которые воспринимались как фигуры предысторические, поскольку подлинная история в советском сознании начиналась с социалистической революции.

---

[6] Там же. С. 121-122.
[7] См.: Нарский И.В. Указ. соч. С. 394.
[8] См.: Абрамян Л. Ленин как трикстер // Современная российская мифология. М., 2005. С. 75-76.

Приоритет теоретического наследия В.И. Ленина над трудами К. Маркса и Ф. Энгельса в пространстве медиаторов иллюстрируется также тем, что к 1961 г. было выпущено всего второе издание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса и уже пятое Полное собрание сочинений В.И. Ленина. Еще одним интересным фактом является то, что после произнесения Н.С. Хрущевым речи, закрывающей работу XXII съезда, естественно, разразилась овация, и среди приветственных возгласов были следующие: «Ленинской партии – слава!», «Да здравствует ленинская Программа партии!», «Да здравствует ленинский Центральный Комитет!», а после зал начал скандировать: «Ленинизм – коммунизм!»[9]. Любопытно, что среди участников съезда, утвердивших официальный план достижения коммунизма, циркулировали представления, позволявшие ставить знак равенства между ленинизмом и коммунизмом. При этом рядом с коммунизмом стояло только творческое наследие В.И. Ленина и не упоминался марксизм. Лозунг «Ленинизм – коммунизм!» можно интерпретировать следующим образом: только В.И. Ленин знал, как достичь «светлого будущего», а Н.С. Хрущев и КПСС могут правильно и безошибочно воспринять его заветы и направить советский народ по верному пути. В таком аспекте коммунистическая идея приобретает некий эзотерический оттенок и становится сакральным знанием, требующим своей герменевтики.

Программа была важнейшим транслятором, но она одна не могла обеспечить необходимый результат. Являясь основой плана коммунистического строительства, она нуждалась в целом комплексе объясняющих, развивающих и дополняющих материалов. В отчетном докладе на XXII съезде КПСС Н.С. Хрущев говорил: «Сейчас на первый план в идеологической работе выдвигается задача глубокого разъяснения трудящимся новой Программы»[10].

На заседании Президиума ЦК КПСС 27 июля 1961 г. было принято решение о мероприятиях по пропаганде проекта Программы КПСС. Согласно

[9] Материалы XXII съезда КПСС. С. 453.
[10] Там же. С. 110.

ему, партийные органы должны были организовать широкое обсуждение проекта Программы среди коммунистов и всех трудящихся на собраниях и конференциях различного уровня — от первичных до союзных. Для этого отделу пропаганды и агитации ЦК КПСС поручалось направить пропагандистские группы для оказания помощи партийным комитетам в организации работы по разъяснению проекта Программы. В целях ознакомления широких слоев населения с текстом его должны были опубликовать в номерах газеты «Правда» и «Известия» за 30 июля, в других центральных, республиканских, краевых, областных и партийных газетах на русском и национальных языках начиная с 30 июля в 2-3 номерах, без увеличения объема и тиража. Затем проект был опубликован в очередных номерах ведущих общественных журналов. Помимо прессы планировалось задействовать другие СМИ. Госкомитет по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР должен был осуществить 30 июля передачу из Москвы для населения страны сообщения об опубликовании проекта Программы, а затем передать на русском языке полный текст проекта Программы КПСС. Уже отмечалось и международное значение Программы, в этих целях по радио 30-31 июля необходимо было транслировать на иностранных языках изложение проекта Программы, а затем, к 3-4 августу, издать текст на английском (до 40 тыс.), французском (до 30 тыс.), испанском (до 40 тыс.), арабском (до 20 тыс.), немецком (до 20 тыс.), финском (до 6 тыс.)[11] языках.

В первой главе приводились данные о количестве человек, принявших участие в обсуждении проекта Программы партии, в данном параграфе для демонстрации масштабов пропаганды проекта Программы следует предоставить более развернутые официальные данные. На 14 октября 1961 г. прошло 5843 съезда, областных, городских и районных конференции, на которых присутствовали 1778412 человек, 400600 партийных собраний, в которых участвовали 14863468 человек, 687961 собрание трудящихся, в

[11] РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 14. Л. 126-128.

которых участвовали 82186280 человек[12]. Но, как говорил Н.С. Хрущев, «никакая статистика не в состоянии дать точного числа участников обсуждения. Ведь обсуждение составляло содержание идейной жизни страны и велось в самых разнообразных формах: на собраниях коллективов заводов, фабрик, совхозов и колхозов, учреждений, институтов, школ и в задушевных беседах на работе и дома»[13].

Идеологический подтекст, связанный с всенародным обсуждением как элементом развития коммунистического самоуправления, обозначенный в первой главе, не мог не играть стимулирующей роли в подъеме интереса к Программе. Прежде всего, это затрагивало наиболее активных и сознательных представителей советского общества, готовых не только формально принять участие в строительстве коммунистического будущего. Обсуждение представляло собой не только отправку населением посланий в различные инстанции, но и публикацию их, а также ответы на письма. Не все письма публиковались: в качестве основного критерия отбора выступали идеологические причины. Кроме того, отсеивались письма, связанные с многократно повторяющимися темами. Такая политика была призвана продемонстрировать, с одной стороны, интерес руководства к проблемам населения, а с другой — энтузиазм народных масс в деле строительства коммунизма. Именно на активистов, прежде всего из числа членов коммунистической партии, и делалась главная ставка в решении задач коммунистического строительства. Активисты нуждались лишь в указании верного направления для приложения своей энергии, им не нужна была система развернутой агитации. Пропаганда коммунистических идей ориентировалась на рядового гражданина, которому требовалась идеологическая подпитка.

XXII съезд КПСС, помимо функции принятия Программы, концентрировал внимание всей страны и части мирового сообщества как на

[12] РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 309. Л. 38.
[13] Материалы XXII съезда КПСС. С. 211.

самом съезде, так и на Программе. Разъяснение основных положений Программы, касающихся коммунистического строительства, началось гораздо раньше публикации текста проекта. Почву начали подготавливать с момента принятия решения о создании новой Программы. Примерно с 1959 г. начинается рост количества материалов, обеспечивающих пропагандистскую поддержку общему руководству по достижению «светлого будущего». Съезд КПСС и освещение подготовки, подведение итогов, а затем стенографический отчет и материалы разворачивали коммунистические перспективы перед людьми более отчетливо. Программа партии в силу разумного ограничения по объему, без риска неправдоподобно раздуться, не могла вместить в себя ничего, кроме общих задач, представленных, скорее, в виде неких ритуальных заклинаний, призванных приблизить коммунизм. Выступления руководителей партии и правительства, и в первую очередь Н.С. Хрущева, на XXII съезде КПСС были призваны раскрыть и дополнить содержание Программы партии. Помимо доклада, посвященного собственно Программе, вопросы коммунистического строительства поднимались и в отчетном докладе Н.С. Хрущева. Так, например, именно в своем выступлении Первый секретарь ЦК КПСС привёл данные о росте производства в промышленности и сельском хозяйстве.

В «Материалах XXII съезда КПСС» можно обнаружить определенную схему. Положенная в основу формирования «Материалов» схема, на наш взгляд, определяла простоту данного текста и концентрацию идей вокруг ключевой проблемы. Из 17 документов (в их числе несколько резолюций и речей Н.С. Хрущева, Устав КПСС, информационные сообщения о составе ЦК, ревизионной комиссии, пленуме ЦК) главную роль в вопросе распространения коммунистических идей играют следующие: отчетный доклад Н.С. Хрущева; его же доклад о Программе КПСС; Программа КПСС.

Такая очередность отражает три составляющие в формировании, функционировании, трансляции и закреплении коммунистической перспективы. Отчет Н.С. Хрущева, естественно, касался прошлого и тех

достижений СССР со времени прошлого съезда, которые обеспечивают возможность скачка в новое коммунистическое общество. Программа партии высвечивала и проясняла перспективы коммунистического будущего, играя роль генерального плана и составляя область стратегического планирования. Доклад Н.С. Хрущева о Программе КПСС был наиболее выраженным транслятором. Исходя из итогов предшествующего развития, то есть отталкиваясь от своего отчетного доклада, доклад смотрел в будущее, представленное в тексте Программы. О взаимовлиянии прошлого, настоящего и будущего уже упоминалось. «О Программе Коммунистической Партии Советского Союза» служил комментарием к основному тексту. Н.С. Хрущев, говоря о положении дел в настоящем, проводит сравнение с прошлым и связывает прошлое и настоящее с задачами в области коммунистического строительства. Данное положение находит подтверждение при анализе структуры доклада, который можно разделить на 7 частей. Первая часть посвящена историческим победам социализма — воплощению в жизнь ленинской Программы и подведению итогов мирового развития. Вторую часть можно назвать декларативной, она очень краткая, и все ее содержание сводится к заголовку: «Коммунизм – великая цель партии и народа». Третья и четвертая части вызывают наибольший интерес, поскольку здесь говорится, во-первых, о переходе от социалистической экономики к коммунистической, во-вторых, о развитии коммунистических общественных отношений, и в-третьих, о формировании нового человека. Пятая часть освещает международное положение и проводит связи с коммунистическим строительством. В шестой подводятся итоги обсуждения Программы. Заключительная седьмая освещает положение партии в период развернутого строительства коммунизма.

Почему в качестве источника сведений для проведения исследования были выбраны именно «Материалы», а не более полная версия в виде опубликованных стенограмм? На съезде говорилось, что «съезд войдет в

историю как съезд строителей коммунизма»[14]. Стенограммы, скорее всего, были адресованы людям будущего, а не современникам. Объемный трехтомник с речами руководителей, делегатов и представителей «братских партий» — не самое увлекательное чтение для обычного человека. Без сомнения, стенографическим отчетом пользовались и в 60-е гг., но круг активных пользователей, несмотря на миллионный тираж, представляется весьма незначительным. «Материалы» съезда охватывают, исходя из официального дискурса, наиболее важные моменты, отражающие суть и содержание съезда. В центре внимания съезда находилась «программа партии – программа построения коммунистического общества»[15]. Компактное изложение материалов, по сравнению со стенографическим отчетом, являлось более удобным для агитаторов и населения, поскольку внимание концентрировалось вокруг основополагающей задачи строительства нового общества.

Остановимся немного подробнее на пропагандистских моментах в экономической части доклада. Речь Н.С. Хрущева, как и Программа, аккумулировала в себе весь символический капитал партии и государства, а значит, само слово Первого секретаря уже имело силу медиума. Через него как бы говорили все 9 миллионов членов КПСС. Еще одним немаловажным моментом являются разнообразные статистические и прогнозирующиеся показатели, часть из которых приводилась в первой главе в таблицах 1-3. Видя положительную динамику, которую пролонгировали и в предстоящий период, читатель вынужден был согласиться с предопределенностью экономического роста народного хозяйства. Если под магию чисел попало партийное и государственное руководство, о чем говорилось ранее, то что говорить об обычном советском человеке? Дополнительным доказательством, подтверждающим возможность построения коммунизма, служили постоянные отсылки к передовым предприятиям и хозяйствам, которые своим примером,

[14] Там же. С. 121.
[15] Там же. С. 232.

не всегда соответствующим реальному положению дел, демонстрировали возможность выполнения поставленных задач и построения материально-технической базы коммунизма. На съезде к этому добавлялись выступления различных передовиков производства, героев труда, рассматриваемых как символы людей будущего, на которых необходимо равняться.

Интересные данные может дать анализ лексических особенностей выступлений, поскольку лексика, как правило, транслирует определенный комплекс идей. Оговоримся, что полноценное изучение лексики и риторики партийных выступлений составляет предмет специальных работ (см., в частности, уже упоминавшуюся работу П. Серио) и не входит в задачи данного исследования.

Если признавать существование языковой картины мира, можно обозначить наиболее интересные моменты, отражающие умонастроения, циркулировавшие в обществе того периода. Н.С. Хрущев, являясь частью социума и обращаясь к нему, использовал лексику, понятную и ему, и народу. Слова должны были не просто донести информацию, а вызвать определенную реакцию. Эта задача выполнялась только в том случае, если затрагивались некие скрытые пласты сознания. Представляется, что такой процесс обусловлен мифологическим сознанием. Не вступая в обширную полемику об определении мифологии и мифологического сознания, отметим, что в рамках данной работы мифологическое сознание признается не только за «примитивными народами», но и за людьми современного общества.

Остановимся на двух примерах словоупотребления в выступлениях Н.С. Хрущева, один из которых отсылает слушателя к прошлому, а другой к будущему, ставшему настоящим. Первый конструкт присутствует уже можно воспринимать как устоявшийся речевой оборот. Речь идет о словосочетании «строительство коммунизма». Строительство коммунизма представлялось как общенародное действие, сплачивающее партию и народ, СССР и весь остальной мир. Помимо такого свойства коллективного труда, как объединение людей, немаловажным фактором представляется использование

данного существительного именно с дополнением «коммунизма». Почему, например, не «достижение коммунизма», а «строительство коммунизма»? Словарь С.И. Ожегова определяет «строительство» так: «1. Отрасль науки и техники занимающаяся возведением и реконструкцией зданий, сооружений. 2. Возведение зданий, сооружений. 3. То же, что стройка. 4. Создание, организация чего-нибудь»[16]. В контексте «коммунизма» правильно рассматривать четвертый, переносный, вариант определения. Представляется, что второй вариант выступает скрытой, но немаловажной, частью восприятия словосочетания. Коммунизм в такой трактовке аллегорически воспринимается как своеобразный Дворец, Храм, Дом, строительство которого, как, например, в случае с Храмом Соломона, является сакральным актом. Подобное восприятие будущего как сакрального архитектурного сооружения подтверждают и замечания Н.С. Хрущева к тексту проекта Программы партии: «В проекте Программы указываются пути деятельности всего советского народа по возведению здания коммунизма. И оно предстает перед нами как реальное. На основе предначертаний, выдвигаемых в проекте Программы, можно видеть, какие основные пути и методы ведут к его построению, что нужно сделать, чтобы здание коммунизма становилось все более удобным и красивым»[17]. В его речи с трибуны XXII съезда КПСС этот образ предстает еще более четко. Вместо несколько расплывчато сформулированных замечаний в своем выступлении Н.С. Хрущев однозначно заявлял: «В Проекте указываются *ясные* [курсив мой – А.Ф.] пути возведения *светлого* здания коммунизма. *Мы видим*, как его нужно построить, *как оно выглядит снаружи и изнутри*, какие в нем будут жить люди и что они станут делать, чтобы здание коммунизма становилось все более удобным и красивым»[18]. Переход от осторожных и уравновешенных замечаний, если исходить из внутренней логики Н.С. Хрущева, к «ясному» виденью происходит вследствие необходимости выполнять функции оракула.

[16] Ожегов С.И. Словарь русского языка М., 1990. С. 772.
[17] РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 201 С. 27.
[18] Материалы XXII съезда КПСС. С. 135.

Раскрывать мифологическое значение образа дома в данной работе нет необходимости, а вот осветить механизмы совмещения определений (и их мифологизации) стоит. Наиболее продуктивным подходом представляется теория, выдвинутая французским исследователем Р. Бартом. Он рассматривает миф не как отдельное явление, а во взаимосвязи с языком. «В мифе имеется две семиологические системы, одна из которых смещена по отношению к другой: во-первых, это лингвистическая система, система естественного языка (язык-объект); во-вторых, сам миф, который я буду называть метаязыком, так как он представляет вторичный язык, на котором говорят о первичном»[19]. Основой структуры мифа является, по Р. Барту, похищение слова: «Миф – это похищенное и возвращенное слово. Просто возвращается слово уже не совсем таким, каким было похищено; при возвращении его поставили не совсем на свое место»[20]. Миф начинается знаком и кончается *знаком* (значением), он «выполняет двойную функцию – и обозначает, и внушает, и дает, и требует понять»[21]. Другой функцией мифа является деформация: «под воздействием понятия смысл не отменяется, а именно деформируется. Миф — система двойная; он как бы вездесущ – где кончается смысл, там сразу же начинается миф»[22]. Следовательно, следуя логике Р. Барта, миф необходимо выносить за скобки таких понятий, как истинное-ложное[23].

Похищенное из основного языка слово «строительство», отсылающее к сакральному жилищу, становится одним из медиаторов: соединяясь с «коммунизмом» оно переносит часть подразумеваемой сакральности и на образ будущего. В свою очередь, будущее неслучайно называлось «светлым», что недвусмысленно отсылает нас к религиозным идеям о различных вариантах идеального места. В христианском варианте это был рай, потерянный религией и обретенный комплексом коммунистических идей.

[19] Барт Р. Мифологии. М., 2000. С. 240.
[20] Там же. С. 251.
[21] Там же. С. 242.
[22] Там же. С. 248.
[23] Более подробно о понимании автором идей Р. Барта См.: Фокин А. К вопросу о системном подходе при изучении мифов // Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета ЧелГУ. Вып. 1. Челябинск, 2005. С. 30.

Несмотря на такое заявление, стоит повториться, что исследовательская позиция не позволяет встать на сторону восприятия марксизма-ленинизма как религии. Коммунистическая перспектива выполняла стандартные функции мифа, организовывало пространство и время, создавало из хаоса космос, уменьшая энтропию человеческой и общественной экзистенции. Коммунизм представлялся как конечный продукт множества диалектических процессов отрицания: каждая формация отрицала прежнюю, а коммунизм становился окончательным синтезом. При этом он, можно сказать, завершал цикл, возвращаясь к состоянию коммунизма, только теперь не первобытного, а развитого. Возвращение в священное время, как отмечал М. Элиаде, служит одной из важных функций времени: «именно в мифах следует искать и находить принципы и парадигмы всякого поведения»[24]. Вместо разрушенных православных храмов должен был построиться «храм» коммунистический, и это не было простым зданием, им должен был стать весь земной шар.

Еще одним мифологическим аспектом в речи Н.С. Хрущева можно считать наличие космической тематики. «Программы КПСС можно сравнить с трехступенчатой ракетой. Первая ступень вырвала нашу страну из капиталистического мира, вторая – подняла ее к социализму, а третья – призвана вывести на орбиту коммунизма. Это замечательная ракета, товарищи»[25]. Космические полеты на протяжении долгого времени служили, и продолжают служить, символом технического прогресса и будущего. 1961 г. стал переломным, человек впервые покорил космическое пространство, будущее стало настоящим. Приоритет в области описания космических полетов и изображения будущего имеет, конечно, фантастическая литература. Изучение влияния жанра фантастики на массовое сознание будет освещено отдельно.

Многие исследователи подчеркивают огромное значение, которое оказал полет Ю.А. Гагарина на население Советского Союза. В массовом сознании

[24] Элиаде М. Избранные сочинения. Мифы о вечном возвращении. М., 2000. С. 300.
[25] Материалы XXII съезда КПСС. С. 135.

1961 год прочно ассоциируется именно с первым полетом человека, а не с XXII съездом КПСС и принятием III Программы КПСС. П. Вайль и А. Генис писали, что присущее человеку вертикальное сознание заставляло его задирать голову, и если раньше вверх возвышались культовые сооружения, то в 60-х гг. устремление вверх брала на себя космонавтика[26]. Это подтверждает и высказывание С.Г. Струмилина: «Разве мало у нас юных комсомольцев, уже ныне мечтающих подняться со временем и на Луну, и на Марс, и выше в поисках все новой целины и восхождения на все новые пики “разбегающейся вселенной”»[27]. Восприятие космического пространства как целины симптоматично для сознания той эпохи. Молодые люди, мечтающие о космосе, должны были не просто побывать там, став первопроходцами, а освоить его, прибавив Советскую социалистическую республику Луны и Марса, куда должны были устремиться караваны ракет и где должны были цвести яблони.

Как и с образом «дома», здесь происходит похищение языкового знака и превращение его в мифологический знак. Обозначение Программы как ракеты оттягивало часть эйфории населения на Программу, пробуждая скрытый мифологический пласт сознания. Часто мифы сплачивают отдельные личности в некие группы и представляют собой верительные грамоты на право совершать определенные действия[28]. Первенство СССР в космической гонке, помимо объединения населения вокруг этого события, продемонстрировало превосходство социалистической системы над капиталистической, что служило пропагандистским аргументом в верности курса партии, выраженного в III Программе КПСС.

Помимо неявных медиаторов, партия имела более привычные средства распространения идей — идеологические мероприятия и системы агитации и пропаганды. П. Вайль и А. Генис указывают, что Программу КПСС читали немногие. О восприятии ее следует говорить, имея в виду пересказ текста, то

[26] См.: Вайль П., Генис А. Указ. соч. С. 22-23.
[27] Струмилин С.Г. Рабочий день и коммунизм. М., 1959. С. 20.
[28] См.: Малиновский Б. Магия, наука, религия. М., 1998. С. 105.

есть то, что осталось в сознании после бесконечного бормотания по радио и телевидению, заклинаний в лозунгах и газетах[29]. Выше указывалось, что мероприятия по обсуждению имели значительный размах. Разночтения в архивных данных и цифрах, приводимых Н.С. Хрущевым, можно списать на их функцию демонстрировать солидарность и заинтересованность населения в новой Программе, но сути дела это не меняет. После принятия Программы партии происходит активное развертывание различных мероприятий, посвященных ей. Период между XXII партийным съездом и пленумом ЦК в июне 1963 г. характеризуется появлением форм учебы, сочетающих политическое и производственно-экономическое образование; поиском путей дальнейшего расширения системы политического просвещения за счет форм массовой пропаганды (школы коммунистического труда, курсы производственного обучения); созданием системы подготовки пропагандистского резерва, ориентированной на кружки и семинары по изучению общественных наук. В дальнейшем, с июня 1963 г. по октябрь 1964 г., происходило полное слияние экономического образования с производственным обучением; перенесение центра тяжести с развития традиционных форм марксистско-ленинского просвещения на массовые формы пропаганды; стремление строго специализировать подготовку резерва и повышения квалификации пропагандистов[30]. Учитывая необходимость мобилизовать основную часть населения, именно к советским людям должна была повернуться вся система партийной пропаганды. Одновременно необходимо было предотвратить неверную интерпретацию коммунистических перспектив и путей решения задач. Такая задача приводила к повышению требований и необходимости расширения числа занятых в данной области людей. К концу 50-х годов произошло заметное усиление идеологических отделов ЦК, обкомов, крайкомов партии. Если в 1940 г. штат идеологического отдела ЦК ВКП (б) составлял всего 6,7% по отношению к общей численности

[29] См.: Вайль П., Генис А. Указ. соч. С. 17.
[30] См.: Дрындин В.Л. История пропагандированная постулатов государственной идеологии в условиях начала демократизации Советского общества (на материале Южного Урала середина 50-х – середина 60-х гг.) Дисс. канд. исторических наук. Оренбург, 1997. С. 136-137.

аппарата ЦК, то в 1959 году этот показатель достиг уже 26,4%. Данная тенденция отражала определенные акценты в функционировании партийного аппарата, огромный потенциал которого нацеливался на пропаганду задач коммунистического строительства, формирование нового человека сообразно представлениям КПСС[31].

На предприятиях, в учреждениях и просто в местах скопления людей проводились диспуты, читались лекции, посвященные коммунизму или его отдельным сторонам. Открывались учебные заведения призванные разъяснить основные положения коммунизма. В доме культуры типографии «Красный пролетарий» проходил диспут на тему «Готов ли ты жить при коммунизме?», где обсуждался человек будущего[32]. На заводе Уралсельмаш действовал университет «Коммунизм и быт». Его слушателями являлась заводская молодежь, которой предстояло жить при коммунизме. В нем читались лекции по моральному кодексу строителей коммунизма, выполнению ленинских заветов молодежью и т.п.[33].

За этим внешним благополучием скрывается тот факт, что во многих политшколах по мере увеличения их количества и обучающихся в них росло и число коммунистов, разочарованных содержательной частью занятий. Во многих политшколах занятия по материалам съезда проводились на низком идейно-теоретическом уровне, зачастую сводились к простой читке, многие слушатели к ним не готовились[34]. Зачастую это было вызвано низким уровнем подготовки идеологических работников, за исправление данной ситуации взялись позднее.

Например, агитатор из поселка Анисовка Саратовской области В.П. Дьяченко провел со своими слушателями беседу о коммунизме. Как он писал в Москву, его «засыпали вопросами», на многие из которых он не смог ответить. «Чтобы не пропадал мой авторитет агитатора,— пишет В.П.

[31] См.: Пыжиков А.В. Оттепель: идеологические новации и проекты (1953—1964). М., 1998. С. 115.
[32] См.: Струков Э.В. Человек коммунистического общества М., 1961. С. 3.
[33] См.: Дрындин В.Л. Указ. соч. С. 142.
[34] Там же. С. 111-112.

Дьяченко,— ищу ответы в журналах и книгах, но не всегда нахожу»[35]. Не намного отличаясь от своих слушателей, агитатор, как представитель организации, претендующей на обладание некой доктриной и истиной, должен был объяснить весь окружающий универсум, указать путь движения, а в случае неудач понести ответственность. Кроме того, он являлся лицом, представляющим свою организацию, которая воспринималась именно через него. Все его добродетели и пороки, в отсутствии альтернативы, переносились на более высокий уровень.

В.П. Дьяченко упоминает книги и журналы как источник информации, и это не случайно. Печатная продукция стояла на передовом рубеже разъяснения и пропаганды образа коммунистического будущего. Не только агитаторы, но и простые люди искали на ее страницах ответы на свои вопросы. Как известно, спрос рождает предложение, и на свет появилось множество разнообразных материалов, призванных исполнить роль медиаторов-ретрансляторов.

Существовали специальные издания, предназначенные для агитаторов, наиболее распространенными из них являлись материалы различных собраний, съездов и совещаний различного уровня по вопросам идеологической работы. На местах партийными органами издавались так называемые «Блокноты агитаторов». В них давались рекомендации по организации занятий, выборе тематики, публиковались важные документы и выступления советских лидеров, а также отражалась местная специфика, рассказывалось о достижениях, обязательствах, взятых и выполненных рабочими и колхозниками отдельного региона и вкладе данного региона в решение задач по развитию народного хозяйства.

Одним из знаковых явлении служит выход серии «Библиотечка знаний о коммунизме». В основном, в нее входили небольшие брошюры, где авторы касались либо общих вопросов, либо, наоборот, останавливались на одной конкретной теме. Примечательно, что Госполитиздат начал выпускать

[35] Логинов А. Читая книгу о коммунизме… // Коммунист 1960 № 12. С. 111.

серию «Библиотечка знаний о коммунизме», которая приходит на смену серии «Библиотечка по научному социализму». Такая преемственность позволяет предположить, что население Советского Союза полностью освоило теорию научного социализма, завершило его построение, и в его распространении уже не было необходимости, теперь настала очередь коммунизма.

«Молодая гвардия» печатала серию книг «Молодому строителю коммунизма»; коммунистические темы есть в «Массовой библиотеке рабочего» (Профиздат), в сериях «Решения XXI съезда КПСС — в массы» («Московский рабочий»), «7 великих лет» (Лениздат), в публикациях лекции Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний[36]. В обозначенный период вышло больше сотни изданий, касающихся коммунизма, в дальнейшем, примерно до 1964 года, продолжался активный выпуск подобной литературы, но происходила корректировка тематики, и коммунизм перестал рассматриваться изолировано, а непременно в связи с Программой партии[37]. Считая разбор теоретических исследований особой темой, отбираем только популярные, рассчитанные, как принято говорить, на массового читателя издания.

Пересказывать содержание каждого издания не позволяет объем нашего исследования, и в этом нет необходимости. Вместо этого попытаемся выявить общие моменты, нацеленные на сознание читателя. Популяризаторская литература вынуждена балансировать между доступностью изложения материала и недопущением его искажения. Исследуемая литература, в основной своей массе, делала акцент на втором принципе, что отражалось в языке и стилистике текстов. Уже в 60-е гг. скупость языка и изобилие штампов

[36] Там же.

[37] См.: Журавков М. О коммунистическом воспитании трудящихся М., 1959.; Епищев П.И., Глазов Л.М. О возрастающей роли КПСС в строительстве коммунизма Л., 1959.; Ефимов В.Т. Коммунизм и мораль Киев, 1961.; Маслов Н.Н. Самое важное для победы коммунизма Л., 1959.; Рожин В.П. Что такое коммунизм? Л., 1959.; Струмилин С.Г. Рабочий день и коммунизм М., 1959.; Глезерман Г.Е. Будущее которое начинается сегодня М., 1960.; Глезерман Г.Е. Коммунизм и труд М. 1961.; Рожин В.П. Что значит трудиться по-коммунистически Л., 1961.; Струков Э.В. Человек коммунистического общества М., 1961.; Чесноков Д.И. От государства диктатуры пролетариата к общенародному государству М., 1962.; Рожин В.П. Развитие XXII съездом марксистско-ленинской теории Л., 1963.

ставились в вину авторам. Действительно, даже рассматривая небольшое количество работ, постоянно наталкиваешься на одни и те же речевые обороты и однообразное содержание. А. Логинов ознакомился с опубликованными в 1959—1960 годах брошюрами и книжками, на обложке которых или в аннотации стоит слово «коммунизм». Он задается вопросом, «почему полюбили авторы глагол “развернуть” и включают штамп: развернула широким фронтом, развернутые решения, развернула всестороннюю помощь, развернула борьбу, развернувшаяся с новой силой, развернула разностороннюю деятельность по всемерному развитию, развертывается соревнование, развернулась соревнование за создание, еще шире развернуть, всемерным развертыванием <...> Чуть не на каждой странице без меры и без просвета: осуществлять мероприятия, всемерно содействовать, широко использовать, претворяется, является, важнейшую роль играет, поставленные основные задачи, вопросы улучшения, тем самым, в области, в соответствии и т.д. и т.п.»[38]. Помимо постоянных повторов и штампов, содержание пропагандистской литературы страдало от однообразности материалов. Авторы, следуя за курсом партии, старательно перепечатывали целыми абзацами Программу или выступления Н.С. Хрущева. Особенно если сравнивать несколько книг, написанных одним автором, то процент совпадений может быть весьма высоким. Все это негативно сказывалось на качестве текстов и могло породить впечатление о наличии в СССР небольшого числа достижений, которые бесконечно воспроизводятся на страницах книг. С другой стороны, многократное «молитвенное» повторение одного и того же на разные лады оказывало давление на читателя, не выпуская его сознание за определенные границы, очерченные официальным дискурсом.

Еще одним общим приемом пропаганды, как и в выступлениях на съездах, служили постоянные примеры «из советской действительности». Авторы считали своим долгом сослаться на пример очередной «бригады коммунистического труда» или на наиболее популярного в тот период

[38] Логинов А. Указ. соч. С. 115-116.

передовика производства. Наиболее упоминаемыми были В. Гаганова, Н. Мамай, А. Кольчик, и др. Рядом с известным именем часто приводились принадлежащие этому человеку слова о радости, которая его наполняет от труда или решений КПСС. Особенно часто данный прием использовался, если речь заходила о формировании нового человека и изменении его отношения к труду. Вот какой ответ А. Утесова, дважды Героя Социалистического Труда, приводится в одной из работ. На вопрос «Бываете ли вы когда-нибудь свободны? Счастливы ли Вы на самом деле?» Утесов отвечает: «Если мне выпадает два-три часа для моего творческого труда, тут я чувствую себя и свободно и счастливо и не замечаю, как летит время. Это и есть настоящая радость – радость творчества»[39]. Зачастую в качестве образца выступали предприятия и даже целые населенные пункты, вспомним упоминавшийся в первой главе совхоз «Заря коммунизма», служивший символом улучшающейся жизни работников сельского хозяйства.

Считалось, что на рубеже 50-60-х гг. писать о будущем стало гораздо легче, поскольку будущее практически приблизилось вплотную, но и одновременно труднее, поскольку время утопий и произвольного полета фантазий ушло, уступив место высокой ответственности и научному подходу, который требовался от научного коммунизма[40]. Двойственный характер пропагандистских изданий служил неким предохранителем: помимо опоры на авторитет партии и печатного слова, в них наличествовала авторская точка зрения, что, в свою очередь, снимало ответственность с партии в целом — партия ошибаться не может, ошибаются только ее отдельные члены. Это позволяло подходить к коммунистическим перспективам так, как не могли позволить себе материалы, порожденные официальным дискурсом. Возможность вольного, в определенных границах, толкования конкретного наполнения коммунистических перспектив делает, по сути, данные работы уникальным источником. Некоторые авторы, желая увлечь читателя и отвечая

[39] Глезерман Г.Е. Коммунизм и труд. М., 1961. С. 39.
[40] См.: Логинов А. Указ. соч. С. 113.

на его ожидания, описывали жизнь в «светлом будущем». По существу они делали недопустимый, с точки зрения марксистско-ленинской доктрины, шаг, ведь «метод научного социализма, творцами которого они *[Ф. Энгельс и К. Маркс – Ф.А.А.]* были, исключал возможность сколько-нибудь конкретного предсказания далекого будущего»[41]. Стандартным выходом в этой ситуации была оговорка в тексте работы о предположительности любых предсказаний по поводу уклада будущей жизни и о том, что единственный реальный способ увидеть коммунизм — это всмотреться в достижения социализма. Наиболее показательными примерами представляются сочинения Э.В. Струкова и М. Лифанова[42]. Оба автора предлагали читателю понаблюдать за жизнью обычного человека в коммунистическом обществе. Желание отразить как можно больше сторон будущей жизни определяет композицию повествования, которое выстроено как путешествие. Остановками в этой экскурсии по будущему служат квартира в коммунистическом доме, прогулка по улицам коммунистического города с любованием на его красоту и перечислением непременных атрибутов коммунистического уклада жизни. У Э.В. Струкова в повествовании присутствует не просто описание внешней стороны коммунизма, но и небольшие сценки из жизни людей коммунистического общества, проливающие свет на их мировоззрение. Так, описывается, как молодой инженер А. Орлов стал вместо 6 часов работать по 10-12, составляя расчеты и схемы для новой машины. В результате он перестал заниматься гимнастикой, посещать театры и концерты, не прочел лекцию, похудел, перестал нормально питаться и отдыхать. На собрании коллектива А. Орлову было предъявлено обвинение в уклонении от требования гармоничного развития личности и вынесен приговор: «Решением коллектива вы лишаетесь самой высокой человеческой радости – трудиться творчески в течение месяца»[43].

[41] Быстрянский В. Коммунизм, брак и семья. Пб., 1921. С. 7.
[42] См.: Струков Э.В. Человек коммунистического общества. М., 1961; Лифанов М. О быте при коммунизме // За коммунистический быт. Л., 1963.
[43] Струков Э.В. Указ. соч. С. 67.

Периодическая печать охватывала более широкий круг населения, чем любая просветительская книга, но страдала от ограниченности объемов для размещения материалов. Но если учесть, что в 1960 г. в стране насчитывалось более 7 тыс. газет и около 4 тыс. журналов и изданий журнального типа[44], то малый объем материала компенсировался огромным распространением и тиражами. Печать виделась наиболее мощным идейным орудием партии, она превращалась в орудие насаждения передовой культуры, научных знаний, в средство воспитания социалистической идеологии, распространения передовых методов труда, мобилизации масс на решение задач экономического и культурного строительства[45]. Функции трансляторов брали на себя не только общественно-политические журналы, такие как «Коммунист», «Агитатор», «Вопросы истории КПСС», и главные газеты — «Правда» и «Известие», но и большинство других. Каждое издание считало своим долгом внести лепту в дело распространения коммунистических ожиданий. Такие журналы и газеты, как «Труд», «Комсомольская правда», «Красная звезда», «Советский патриот», «Советский спорт», «Литературная газета», «Крестьянка», «Работница» и т.д., не только принимали и публиковали письма населения в связи с обсуждением проекта программы партии, но и затрагивали, в соответствии со своими особенностями, некоторые элементы, составляющие образ коммунизма. Журналы, в силу своей специфики, могли предоставить больше места для агитационных и пропагандистских статей.

Для общего анализа печати как медиатора наиболее подходит журнал ЦК КПСС «Коммунист». В нем публиковались как общетеоретические статьи, так и рассматриваемые частные вопросы. Материалы этого издания отражают основные тенденции в формировании общественного восприятия коммунизма. Содержательная сторона, как и в пропагандистской литературе, следовала за официальным коммунистическим дискурсом. В журнале за 1961 г. можно

[44] См.: История мировой журналистики. Под ред. Беспаловой А.Г. Москва – Ростов-на-Дону, 2003. С. 285.
[45] РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 9. Л. 18.

обнаружить следующие заголовки статей: «Коммунизм и личная собственность», «Коммунизм – дело каждого», «Коммунизм – будущее человечества», «Материально-техническая база коммунистического общества» и т.п. Авторы статей старались дать ответ или его видимость на множество вопросов о труде, семье, обществе, человеке при коммунизме и многом другом, дабы создать у читателя ощущение уверенности в непоколебимости и верности партийной линии. Коммунистическая тематика на страницах журнала достигла своего пика в 1961 г. с появлением рубрики «Обсуждение проекта Программы КПСС», хотя значительный массив статей вышел в свет с 1958 по 1960 гг. и после 1961 г. Редакция журнала охотно отвечала на вопросы читателей не только на своих страницах, но и в ответных письмах, что подтверждает двойное влияние на медиатора. Другой официальный орган — газета «Правда» — тоже играл роль посредника. В частности, редакция газеты «Правда» выпустила 6 специальных номеров под названиями: «Коммунизм утверждает на земле Мир», «Коммунизм утверждает на земле Равенство», «Коммунизм утверждает на земле Счастье» и пр.[46] Печать, и в первую очередь официальные издания, подобные «Коммунисту» и «Правде», пытались соединить идеологические постулаты с надеждами и чаяниями советских людей.

С конца 50-х гг., благодаря «научно-техническому прогрессу», происходило бурное развитие радио и телевещания, росли аудитория и, соответственно, идеологическое влияние на население. В сентябре 1961 г. был начат цикл передач «Здравствуй, будущее!», для подготовки которого на радио была создана специальная группа наиболее квалифицированных радиожурналистов из всех отраслей Главной редакции пропаганды. В дальнейшем появились передачи «Забота о подъеме жизненного уровня народа – закон деятельности партии», «У великого рубежа», «Коммунизм – наше

[46] См.: История мировой журналистики. С. 287.

лучезарное завтра», «Человек человеку – друг, товарищ и брат», «Единой семьей к единой цели», «Коммунизм и труд»[47].

Телевидение постепенно начало выдвигаться на главную роль в системе средств массовой информации, а в условиях советского идеологического контроля «информировать» часто означало «пропагандировать». Наличие живого изображения, создающего впечатление присутствия и полной достоверности, и эффект технической новинки, доступной еще далеко не всем, делали телевидение уникальным медиатором. Любой обладатель телеприемника, а зачастую и его соседи, могли собственными глазами увидеть, как страна «семимильными шагами» движется к «светлому будущему».

Коммунистические перспективы раскрывались в таких телепередачах, как «Коммунизм – прямое продолжение социализма», «Труд при коммунизме», «Каждому по потребностям – коммунистический принцип распределения». Местное телевидение поддерживало тенденции центра. На основе решений, принятых на XXII съезде КПСС, с экранов разъяснялись идеи новой Программы партии, а также демонстрировалась деятельность трудящихся по ее осуществлению. Широко практиковались выступления по телевидению руководителей партии, общественных организаций, хозяйственных руководителей, ученых, писателей, публицистов с беседами по конкретным практическим вопросам осуществления решений съезда и Программы, с ответами на вопросы, интересующие население. Например, Челябинское телевидение в 1960 г. провело серию бесед о коммунизме: «Материально-техническая база коммунизма», «Коммунизм – это молодость мира», «Человек коммунистического общества», «Коммунистическое завтра в сегодняшнем дне», «Расцвет науки и культуры при коммунизме». Отличительной особенностью этих бесед является то, что о коммунизме говорилось со всей серьезностью и ответственностью — так, как будто он был реальной, завтрашней задачей[48]. Если рассматривать Программу партии как

[47] См.: Гуревич П., Ружников В. Советское радиовещание. М., 1976. С. 318-319.
[48] См.: Дрындин В.Л. Указ. соч. С. 191, 203.

прагматичный документ, то в данном факте нет ничего удивительного. Напротив, подобный подход исходит из внутренней логики «развернутого строительства коммунизма».

Но и как в случае с другими способами агитации и пропаганды, телевидение и радио были не свободны от недостатков. Об этом свидетельствует постановление ЦК КПСС от 6 июня 1962 г. «О мерах по дальнейшему улучшению работы радиовещания и телевидения». В нем констатируется что «большие возможности радиовещания и телевидения в идеологической работе и культурном воспитании населения используется еще крайне слабо. Многие передачи не носят активного, боевого характера, составляются однообразно, по установившемуся стандарту, от них веет скукой, равнодушием. Вместо интересного, задушевного разговора со слушателями о новых замечательных явлениях в нашей действительности, убедительного рассказа о ярких фактах и лучших примерах жизни труда зачастую передаются поверхностные материалы, малосодержательные беседы и репортажи. Сплошь и рядом передачи ведутся казенным, невыразительным языком. Поэтому многие программы не привлекают широкого внимания слушателей, не вызывают живого интереса и отклика»[49].

Образ коммунизма, порожденный официальным советским дискурсом и закрепленный в корпусе текстов, главный из которых – III Программа КПСС, транслировался через множество разнообразных медиаторов. В отличие от представления об агитации и пропаганде как навязывании сознанию определенной группы неких установок, рубеж 50-60-х гг. показывает большую гибкость и вариативность. Основной задачей была попытка направить коммунистические представления в одном направлении, придать нужный вектор человеческим ожиданиям, без мобилизации которых успешное продвижение к намеченной Программой цели было бы невозможно. Для этого официальный дискурс вынужден был не только вещать, но и прислушиваться к голосам «снизу». Этот момент позволяет говорить о корректности восприятия

[49] Цитируется по Кузнецов И.В. История отечественной журналистики. М. 2002. С. 468.

мероприятий, связанных с Программой партии, именно как медиаторов, находящихся между властью и обществом и осуществляющих диалог между ними.

Медиаторы базировались на двух способах трансляции — явном и скрытом. Первый непосредственно затрагивает тему коммунизма и его строительства и говорит об этом открытым текстом. Основной формой служило толкование официального дискурса через ответы на вопросы, интересующие население, и очерчивание круга ожиданий, выстраивание границ, за которые мысли населения не должны выходить. Это объясняет однотипность содержания разных видов медиаторов. Второй способ апеллировал к скрытым областям массового и индивидуального сознания, в первую очередь к мифологической составляющей, для укрепления официального образа коммунизма и утверждения его неизбежной победы. Можно отметить, что само наличие образа «светлого будущего» уже вызывало определенную реакцию людей, а дополнение его другими образами добавляло определенные коннотации, создавая необходимый контекст.

§ 2. Художественный текст как окно в «светлое будущее»

П. Вайль и А. Генис предлагают подходить к Программе КПСС как к художественному произведению, поскольку ее текст предназначался не для буквального восприятия, а именно для трактовки, пересказа про себя и вслух, переосмысления, для полета фантазии[50]. Наибольший простор для различных трактовок предоставляет именно художественный текст, поскольку он априорно меньше всего связан с действительностью, что снимает определенную долю ответственности за отступление от «официальных коммунистических перспектив». Следует оговориться, что под «художественным текстом» в данной работе понимается не только художественная литература, но и любое произведение человеческого творчества, несущее информацию. Таким образом, в понятие «художественный текст» включаются, помимо литературы, кино, живопись, архитектура и т.д.

В первой главе указывалось, что в историографии и общественном мнении сложилась традиция воспринимать III Программу КПСС как коммунистическую утопию, что делает необходимым обратить внимание на жанр утопии. Данный жанр демонстрирует самую тесную и длительную взаимосвязь с представлением о будущем. Литературной утопии посвящено множество разнообразных работ, поэтому не имеет смысла подробно разбираться в скрытых механизмах возникновения и функционирования утопий в обществе и сознании человека. Интерес вызывает проблема определения места утопического в контексте коммунистических перспектив рубежа 50-60-х гг. В ходе исторического процесса восприятие утопии менялось — от места ко времени, от островов и стран к будущему, от образца к химере. Е. Шацкий в своей работе указывает, что в обыденном сознании «быть утопистом – значит быть человеком крайне непрактичным, совершенно не принимающим в расчет реальности и так называемые реальные

[50] См.: Вайль П., Генис А. Указ. соч. С. 12, 17.

возможности»[51]. Именно такое оценочное суждение циркулирует в связи с коммунистическим строительством, что изначально навязывает определенное мышление и соответствующий подход к изучаемому объекту. Представляется, что оценочно нейтральный подход к восприятию утопии позволит более адекватно провести исследование.

Утопический социализм являлся одним из истоков марксизма и его коммунистических представлений, хотя в советском контексте употребление определения «утопический» было призвано провести принципиальную границу между «утопическим» социализмом и «научным» социализмом К. Маркса и Ф. Энгельса. Историческая преемственность была нужна для придания весомости марксистским построениям, однако необходимо было также отстаивать монополию на обладание знанием, способным преобразовать существующую реальность. Пример утопистов прошлого призван был демонстрировать исконное стремление человечества к «лучшей жизни», под которой подразумевался социализм и коммунизм. Воплотить данное стремление, несмотря на все старания, утописты не могли, а осуществить это якобы было под силу только советскому народу под руководством КПСС, вооруженной «всесильным» учением марксизма-ленинизма.

Стремление обычного человека к понятным и четким образам отчасти могло компенсироваться публикацией в СССР в советский период сочинений основных представителей утопического социализма, что вступало в противоречие с мыслью К. Маркса — «мы не стремимся догматически предвосхитить будущее, а желаем только посредством критики старого мира найти новый мир»[52]. А утопия могла догматически предвосхитить «новый мир» и, исходя из этого, была ближе обывательскому сознанию, особенно в связи с принятием Программы партии, определявшей будущее. К тому же утопистов критиковали, в основном, не за тот идеал, к которому они стремились, а за пути к нему, расходившиеся с идеей классовой борьбы. То

[51] Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990. С. 22.
[52] Маркс К. Письма из «Deutsch-Französische jahrbücher» // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 1. С. 379.

есть не цель, в целом совпадавшая с коммунистическими перспективами, а методы подвергались ревизии советским дискурсом. Критику утопического социализма на рубеже 50-60-х гг. можно интерпретировать двояко. С одной стороны, указывались ошибочные идеи, которые не должны «засорять» образ строящегося коммунизма. С другой стороны, все, что не подверглось критике, можно было воспринимать как соответствие коммунистическим перспективам. С первых лет советской власти наряду с трудами классиков марксизма-ленинизма начали издаваться труды утопистов прошлого. Так, например, в 1926 г. государственное издательство РСФСР предлагало приобрести 13 наименований книг, связанных с утопическим социализмом, как отечественных, так и зарубежных авторов[53]. В исследуемый период издание подобных книг продолжалось.

Необходимо отметить наличие мнения о том, что в сталинский период с утопизмом начинают активно бороться, в первую очередь, со всеми формами утопического эксперимента – от толстовских коммун до кружков эсперантистов. Официальное возвращение утопического могло произойти только в хрущевскую «оттепель»[54]. Противостояние реально существующих альтернатив официальному коммунизму не затрагивало сочинений утопических социалистов, не представляющих к тому моменту реальной силы. В приведенном выше перечне книг, предоставленных программной группе в «Соснах», присутствовали сочинения А. Сен-Симона и Ш. Фурье. Хотя однозначно отнести произведения этих авторов к художественной литературе нельзя, они попадали в корпус «утопических» текстов, что сближает их восприятие с восприятием художественной литературы.

Социальные революции обыкновенно сопровождаются расцветом утопических идей. Избыток утопизма, в соответствии с законами социальной психологии, подлежит израсходованию в течение нескольких лет, и культура опять возвращается в русло «реализма» и «порядка»[55]. Революционный подъем

[53] См.: Волгин В.П. Очерки по истории социализма. М.-Л., 1926.
[54] См.: Чаликов В. Предисловие // Утопия и утопическое мышление. М., 1991. С. 5.
[55] См.: Гюнтер Х. Соцреализм и утопическое мышление // Соцреалистический канон. СПб., 2000. С. 41.

20-х сменился сталинской стабильностью, «оттепель» стала своеобразной революцией в умах населения, после чего наступил брежневский «застой». 60-е гг. можно назвать уникальной эпохой отечественной истории, периодом триумфа советской официальной «утопии». Послабление режима вызвал расцвет жанра утопии. Основные надежды на изменение общественного устройства вылились в довольно бурный поток рационально-художественных проектов, в жанровой инвариантности представляющих собой как научно-фантастические произведения, так и проекты, являющиеся серьезными общественно-правовыми манифестами[56].

В XX в. почти исчез жанр классических утопических произведений, которые под покровом художественного текста скрывали бы политико-социально-экономические трактаты. Вместо них монополией на описание далекого и не очень далекого будущего завладевает фантастическая литература. При этом, начиная с Г. Уэллса, фантастическая литература характеризуется соединением двух жанров: социальной и научной фантастики. В отличие, например, от Ж. Верна, в чьих произведениях фантастическое связано, в первую очередь, с научно-техническим прогрессом, в творчестве Г. Уэллса обнаруживаются социальная значимость и призывы задуматься о будущем. Со временем идеи, изложенные в произведениях Г. Уэллса, начинают меняться — от прогресса в ходе будущего развития человечества к регрессу, что особенно заметно в его поздних работах. Так или иначе, фантастика перенимает функции утопии, подтверждением чему служит возникший в XX в. жанр антиутопии, фактически противостоящий именно фантастическим произведениям.

Фантастическая литература как транслятор могла выполнять свои функции гораздо эффективнее, чем переизданные сочинения социалистических утопистов. Поскольку авторы фантастической литературы являлись членами советского общества, они были носителями мировоззрения

[56] См.: Лиокумович Е.А. Диссидентская утопия в советском культурном пространстве. Дисс. … канд. филосов. наук. М., 2005. С. 61, 62.

эпохи и, в частности, коммунистического образа будущего. В силу определенных правил игры в литературном поле авторы концентрировали людские ожидания и, отражая от официального дискурса, возвращали обратно населению. Фантастике советское руководство придавало большое значение уже в 20-х гг. Но в сталинский период это значение стало не просто огромным, а прямо-таки стратегическим[57].

В первые годы советской власти коммунистическое будущее ощущалось совсем близким, и неудивительно, что фантасты, описывая будущее, вынуждены были говорить о времени, когда коммунизм уже победил или совсем скоро это сделает. В атмосфере «оттепели» происходила реабилитация самого понятие утопии, запретного в сталинские времена. Появилось значительное количество научно-фантастических романов, герои которых непременно летали на другие планеты, открывали неведомые миры, социальное устройство коих было тем смутно осязаемым идеалом, формирующимся в эпоху 60-х гг.[58].

Выше уже говорилось о мифологизированном образе космонавтов и космонавтики в массовом сознании, который власть пыталась использовать в своих интересах. Фантастика, где значительный пласт тематики был посвящен покорению космоса, не могла не взаимодействовать с образами космонавтов. Определенный культ полетов, окончательно сложившийся при И.В. Сталине (вспомним В. Чкалова и «сталинских соколов»), на рубеже 50-60-х гг. был перенесен с летчиков на космонавтов. Это было связано с тем, что воздухоплаватель должен был иметь героические черты, представлять человека будущего, который по определению является героем и может покорить любую высоту. Конечно, в плане героизма и преодоления трудностей и опасности летчики не могли уже конкурировать с космонавтами.

Образ покорителя воздушного и безвоздушного пространства может быть сопоставлен с мифологическими аналогами. В «мифе о летчиках видят

[57] См.: Фишман Л.Г.Фантастика и гражданское общество. Екатеринбург, 2002. С. 31.
[58] См.: Лиокумович Е.А. Указ. соч. С. 63.

все этапы пути приключений античного героя – уход из дома, из повседневности, прорыв с боем в царство тьмы, демонстрацию стойкости в разных испытаниях, получение сверхъестественной награды и, наконец, возвращение героя, несущего своему народу благодать»[59]. Летающий как бы приобретает черты бессмертного, всемогущего сверхчеловека, а в мотиве полета соединяются модель машины с представлениями о максимуме динамики и скорости.

Характерная для ранней советской культуры динамическая и космическая интерпретация уступила место статике сталинской эпохи, однако авиационные мотивы не исчезли из советской культуры. Образ летчика обрел иное значение, акцент делался на героическом подвиге, на большевистском энтузиазме, который преодолеет все препятствия, а не на технике, предвосхищающей будущую цивилизацию[60]. 60-е гг. стали апогеем советской романтики полетов. Космонавты вознеслись буквально выше всех. Их начисто лишили недостатков. Они сочетали рабоче-крестьянскую доступность и принадлежность к высшим сферам[61], сами по себе были живыми посредниками. Они воспринимались как настоящие люди будущего среди обычных сограждан или как своеобразные боги, которые спустились с небес, дабы отвести людей в «светлое будущее» или построить «земной рай».

Ж-П. Сартр в книге «Воображаемое» отмечает, что представление о будущем может быть как образом чистой, не имеющей отношения к реальности фантазии, так и аспектом настоящего, и зависит это от того, в какой степени образ будущего влияет на наше актуальное поведение. Всякий прогноз создает картину будущего как воображаемую, но эти картины пытаются достучаться до людей и начать влиять на их поведение – таким образом, нарисованные прогнозами образы обретают свое воплощение и переходят из призрачного океана фантазии на твердую почву поведения.

[59] См.: Гюнтер Х. Архетипы советской культуры // Соцреалистический канон. С-Пб. 2000. С. 745.
[60] См.: Гюнтер Х. Соцреализм и утопическое мышление. С. 44-45.
[61] См.: Вайль П., Генис А. Указ. соч. С. 23.

Изначально образ будущего стоит понимать как регулятор человеческого поведения[62].

Первым произведением в фантастической литературе, касающимся описания коммунистического общества и получившим широкую известность, можно признать «Красную звезду» А. Богданова, хотя формально ее следует отнести к дореволюционной литературе, поскольку опубликован роман был в 1908 г. В этом произведении рассказывается, как в 1905 г. посланцы с Марса приглашают главного героя, революционера, посетить их планету с целью ознакомления с их обществом, в котором восторжествовали коммунистические принципы. Марсианский коммунизм должен служить своеобразным зеркалом, отражающим будущее Земли. Описание устройства общества на Марсе в значительной степени основывалось на марксистско-ленинском учении. Высокий уровень техники, централизованный учет и распределение рабочей силы позволяют марсианам работать по 1,5-2 ч. в день. Аппарат насилия и принуждения отсутствует, дети воспитываются в специальных учреждениях и т.д. Очевидно, что многие черты марсианского коммунизма перекликаются с идеями, заложенными в III Программе КПСС. Таким образом, перенесение коммунистического общества с Земли на другие планеты демонстрирует связь фантастики с утопией, в которой часто идеальное общество располагалось в ином географическом пространстве.

Следующее произведение, представляющее интерес для данного исследования, — это роман Я. Окунева «Грядущий мир» (1923 г.), первая часть трилогии, куда вошли также романы «Завтрашний день» (1924 г.) и «Катастрофа» (1927 г.). На самом деле три романа слабо связаны между собой, и наиболее удачным представляется именно первый, повествующий о мировой революции и наступившем в результате «светлом будущем»[63]. Действие происходит во «всемирном городе», распространившемся на всю планету, где

[62] См.: Фрумкин К.Г. Философия и психология фантастики. М., 2004, С. 38, 39.
[63] См.: Энциклопедия фантастики / Под ред. Вл. Гакова. Минск, 1995. С. 424.

творческий, вдохновенный труд становится основной жизненной потребностью людей эпохи коммунизма.

Отражение определенных черт коммунизма можно обнаружить в творчестве А. Беляева. В книгах «Лаборатория Дубльвэ» и «Звезда КЭЦ» описывается не очень далекое будущее, где научно-технический прогресс освободил человека от физического труда, и ему остается только нажимать кнопки.

30-40-е гг. были временем оформления и господства «социалистического реализма», но им одним обойтись было нельзя. По мнению Л.Г. Фишмана, «требовалась литература, способная нарисовать народу картину того самого светлого коммунистического общества, к которому в обозримой исторической перспективе должен был привести воспеваемый тяжкий труд миллионов. Далее эта картина никак не должна была выглядеть высосанной из ортодоксально-соцреалистического пальца и поэтому вымученной, неискренней и уязвимой для упреков в явном несоответствии жестокой действительности»[64].

Видное место в советской фантастике рубежа 50-60 гг. занимает И. Ефремов. С его именем связана первая и самая известная «коммунистическая утопия» — «Туманность Андромеды», выпущенная в 1957 г в журнале «Техника-молодежи», а в 1958 г. изданная отдельной книгой. Действие романа отодвигалось от времени написания на тысячелетия, в последнем варианте И. Ефремов остановился на 30-х вв., что возвестило о смелом прорыве границ фантастики «ближнего прицела»[65]. И. Ефремов в своих произведениях возрождал традицию литературы как программного документа. И. Ефремов был не только фантастом, но и философом и социальным мыслителем[66].

Выбор произведения И. Ефремова в качестве примера обусловлен, во-первых, его популярностью среди современников, во-вторых, изображением общества победившего коммунизма, которое, с одной стороны, основано на

[64] Фишман Л.Г. Указ. соч. С. 31.
[65] См.: Энциклопедия фантастики. С. 231.
[66] См.: Фишман Л.Г. Указ. соч. С. 35.

бытовавших в то время представлениях об обществе будущего, с другой — формировало эти представления. Немаловажную роль при выборе сыграло и официальное признание властями данного произведения. Г.Е. Глезерман ссылается на «Туманность Андромеды» И. Ефремова как на пример будущего, но с оговоркой, что будущее нельзя изобразить[67]. В. Дмитриевский и Е. Брандис указывали конкретные недостатки романа И. Ефремова: спорные представления И. Ефремова о семье, периодизации истории и характере автоматизации производства. Кроме того, писателя упрекали в том, что «люди будущего в его изображении слишком равнодушны к памяти о революционном героизме наших дней. Даже Великая Октябрьская революция, а также имена основоположников марксизма-ленинизма ими нигде не упоминаются»[68]. Поскольку данная статья опубликована в 1960 г., в ней не упоминаются XXII съезд КПСС и III Программа КПСС, которые должны занять почетное место в череде вех, приведших к торжеству коммунизма.

Попробуем сопоставить будущее, описанное И. Ефремовым, и рассмотренные выше официальные и транслируемые представления о будущем. С первых страниц романа читатель сталкивается со странными именами персонажей, что объясняется принципом выбора имени в новом обществе («… в наше время, когда имена даются по любому понравившемуся созвучию»[69]). Возникает параллель с традицией брать себе красивые, «культурные» имена в Советском Союзе в 30-е гг. Традиция героизации человека будущего в романе И. Ефремова выражена весьма любопытно. Помимо общего впечатления от героических деяний покорителей космоса и ученых, автор специально вводит двенадцать подвигов Геркулеса, которые должны были совершить юноши при достижении определенного возраста[70], что явно указывает на героизм каждого жителя будущего. По мнению Л.Г. Фишмана, будущее по И. Ефремову — это цивилизация «сверхчеловеков», для становления которой в Советском Союзе были созданы

[67] См.: Глезерман Г.Е. Коммунизм и труд. С. 48.
[68] Дмитриевский В., Брандис Е. Современность и научная фантастика // Коммунист 1960. № 1. С. 71.
[69] Ефремов И. Туманность Андромеды. М., 2004. С. 117.
[70] Там же. С. 169.

научно-технические предпосылки, но не было создано предпосылок идеологических и — шире – духовных[71].

Интересно, что в будущем, изображенном И. Ефремовым, герои воспитываются не в семье, а в коллективе. «Одна из величайших задач человечества – это победа над слепым материнским инстинктом. Только коллективное воспитание детей специально обученными и отобранными людьми может создать человека нашего общества»[72]. Стоит вспомнить коллективное воспитание детей на Марсе в произведении А. Богданова. Конечно, это похоже на «казарменный, уравнительный социализм», от которого советская идеология пыталась отстраниться, но в обществе подобные настроения продолжали циркулировать. Зато в борьбе с «вещизмом», а значит и с потребительским отношением к жизни, И. Ефремов стоял на «передовом рубеже». Следующий отрывок из «Туманности Андромеды» не раз цитировался в качестве примера отношения к предметам быта человека будущего, на которого следовало равняться простому советскому гражданину: «Дар Ветер собрал все мелкие вещи, принадлежавшие ему лично, уложил в шкатулку пленки с изображениями и голосами близких и важнейшими записями собственных мыслей. Со стены он снял хроморефлексную репродукцию древней русской картины, со стола – бронзовую статуэтку артистки Белло Галь, похожей на Веду Конг. Все это с небольшим количеством одежды поместилось в алюминиевый ящик с кругами выпуклых цифр и линейных знаков на крышке»[73].

Интерес представляет лекция, передаваемая по Великому Кольцу другим цивилизациям. В ней сжато и ясно рассказывалось про основные вехи истории человечества: с момента осознания основных законов общественного развития и объединения усилий миллионов свободных от угнетения людей на основе этих законов, через борьбу с капиталистическим миром — к окончательной победе коммунизма. Приведем несколько отрывков этой лекции. «Но новое

[71] См.: Фишман Л.Г. Указ. соч. С. 37.
[72] Ефремов И. Указ. соч. С. 287.
[73] Там же. С. 168.

общественное устройство не могло не победить, хотя эта победа задержалась из-за отсталости воспитания общественного сознания… Но изменение экономики потребовало очень сложного управления производством и распределением и было невозможно без воспитания общественного сознания каждого человека»[74]. Наряду с провиденциальным утверждением о неизбежности победы коммунизма, идея «нового человека» в представлениях И. Ефремова является одной из центральных в построении «светлого будущего». Л.Г Фишман считает, что главной целью утопического проекта И. Ефремова являлось его желание дополнить официальную коммунистическую идеологию духовным измерением[75].

Особо отметим другой эпизод. «В древних утопических фантазиях о прекрасном будущем люди мечтали о постепенном освобождении человека от труда. Писатели обещали, что за короткий труд – два-три часа на общее благо – человечество сможет обеспечить себя всем необходимым, а в остальное время предаваться счастливому ничегонеделанью»[76]. Полемизируя с утопическими сочинениями касательно отношения к труду, автор «Туманности Андромеды» заменяет утопии прошлого своей собственной советской коммунистической утопией. Где труд, в соответствие с официальным дискурсом, должен был быть жизненной потребностью. И. Ефремов признает, что деятельность писателя может влиять на человека и его представления о будущем, однако отмечает при этом некоторую зависимость творчества от надежд и ожиданий людей.

Приведенные в книге П. Вайля и А. Гениса слова И. Ефремова — «Сначала мне казалось, что гигантские преобразования планеты в жизни, описанные в романе *[“Туманность Андромеды” — Ф.А.А.]*, не могут быть осуществлены ранее, чем через три тысячи лет… При доработке романа я сократил намеченный срок на тысячелетие»[77] — указывают, что для советских людей существенен был порядок цифр. Про тысячелетия знали и без И.

[74] Там же. С..46.
[75] См.: Фишман Л.Г. Указ. соч. С. 37.
[76] Ефремов И. Указ соч. С. 46.
[77] Цит. по Вайль П., Генис А. Указ. соч. С. 15.

Ефремова – то, «что когда-то человечество придет к Городу Солнца, алюминиевым дворцам, Эре Великого Кольца. Потрясающе дерзким был срок – 20 лет»[78].

На рубеже 50-60-х гг. в поле фантастической литературы появляются братья А. и Б. Стругацкие, авторы цикла новелл «Полдень 22 в.» — самой масштабной, после «Туманности Андромеды» И. Ефремова, «утопии» в советской литературе. Это широкая панорама далекого будущего, охватывающая многие аспекты жизни — от грандиозной созидательной деятельности человечества на Земле и в космосе до, быта, морали, системы воспитания детей, спорта и досуга, и т.п. В целом, мир «Полдня» представляет собой социальный идеал интеллигентов-«шестидесятников», для которых творческий труд не требует иных стимулов, кроме свободы заниматься им. Поэтому люди будущего у братьев Стругацких мало чем отличаются от людей, правда, лучших людей, рубежа 50-60-х гг.[79].

Кроме того, появлялись произведения менее известных авторов, такие как «Путешествие в завтра» В. Захарченко, «Репортаж из XXI века» М. Васильева и С. Гущева, «Мы – из Солнечной системы» Г. Гуревича[80]. Писатели социалистического лагеря тоже привлекались для идеологической подпитки. Так, С. Лем в романе «Магелланово облако» и Я. Вейс в «Стране внуков» представляли свой взгляд на общество и людей будущего[81]. Большинство этих авторов, за исключением С. Лема, сегодня практически неизвестны и не могут быть поставлены в один ряд с И. Ефремовым и братьями Стругацкими ни по качеству литературы, ни по влиянию на сознание своих современников. Братья Стругацкие и И. Ефремов, находясь в рамках коммунистического дискурса, не шли бездумно у него на поводу, а пытались дополнить его сообразно своим идеям. Это позволяет отнести их произведения именно к медиаторам, поскольку они занимали промежуточное положение

[78] Вайль П., Генис А. Указ. соч. С. 15.
[79] См.: Энциклопедия фантастики. С. 538-539.
[80] Дмитриевский В., Брандис Е. Указ. соч. С. 73.
[81] Там же. С. 71.

между официальной доктриной и народными стереотипами, взаимодействуя и с теми и с другими.

Обзор фантастической литературы предполагает и обращение к кинофантастике. В силу своей специфики кинематограф не просто описывает будущее, а наглядно демонстрирует его зрителям. На экране необходимо было показать, как будут выглядеть дома, одежда, машины и т.п. в будущем. При этом визуальные образы должны были быть естественными и ненадуманными, чтобы не вызывать отторжения у зрителя. Об этом пишет и режиссер экранизации «Туманности Андромеды» Е. Шерстобитов: «Мы знаем, например, как построить дворец Екатерины или простую хату, а как оборудовать каюту капитана звездолета, не знаем, не представляем! Но ведь на экране все должно выглядеть обыкновенным, привычным»[82]. Возможно, данная трудность, а также сложность производства кинофантастики не позволили на рубеже 50-60-х гг. создать значительный корпус кинолент о будущем, хотя утверждалось, что кино как средство пропаганды и популяризации передовых идей, знаний, опыта коммунистического строительства должно было подняться на более высокую ступень. Планировалось довести производство полнометражных художественных фильмов до 250-300 кинофильмов в год[83]. Наиболее известными фантастическими кинолентами в 60-е гг. являлись «Аэлита» (1924 г.), «Комический рейс» (1936 г.), «Планета бурь» (1961 г.) и «Туманность Андромеды» (1967 г.). Однако можно отметить, что жанр кинофантастики в Советском Союзе не был развит, в отличие от США, где 50-60-е гг. являются временем расцвета данного жанра[84]. Режиссер С. Герасимов, в 1967 г. также говорил о неразвитости жанра: «Сегодня научно-фантастического фильма как явления искусства еще нет»[85].

[82] Шерстобитов Е. Фантастике нужен земной опыт // Советский экран. 1967. № 8. С. 9.
[83] РГАСПИ. Ф. 586. оп. 1. Д. 6. Л. 35-36.
[84] Дашкова Т., Степанов Б. Фантастическое в фильмах Андрея Тарковского *Солярис* и *Сталкер* // Фантастическое кино. Эпизод первый. М., 2006. С. 317.
[85] Герасимов С. Не найдено главного // Советский экран. 1967. №.8. С. 9.

Гораздо больше о «светлом будущем» советскому зрителю могли поведать не космические корабли, «бороздящие просторы вселенной», а демонстрирующееся изобилие в лентах, созданных по правилам «соцреалистического канона». Так, например, «Кубанские казаки» (1949 г.) или «Карнавальная ночь», с их обильными застольями, для жителя 60-х гг. могли олицетворять коммунистическое продуктовое изобилие, особенно по сравнению с продовольственными трудностями первой половины 60-х гг. В рамках данного исследования пища вызывает интерес как явление повседневное, связанное с другими аспектами жизни, ведь важно не только то, что люди едят, но и то, как они это делают[86]. Такой подход позволяет утверждать, что в Советском Союзе существовал уникальный вид утопии – продовольственная утопия.

«Продовольственная утопия» в наиболее четком и законченном виде в Советском Союзе была оформлена в «Книге о вкусной и здоровой пище». Появившись в сталинскую эпоху, вместе с кинофильмом «Кубанские казаки» и ВДНХ, она должна была демонстрировать, что «жить стало лучше, жить стало веселее» и что народное хозяйство постепенно превращается в своеобразный «рог изобилия», из которого нескончаемым потоком на советских людей будет изливаться блага. «Книга о вкусной и здоровой пище» должна была подготовить к этому и научить советских граждан, что делать с продуктовым достатком. Мотив сказочного изобилия, традиционный для утопического жанра, красной нитью проходит через всю советскую культуру, своеобразно преломляясь в художественных текстах периода «оттепели». Образ полноты бытия, плодородия и его атрибутов, будучи сквозным для искусства 1930-1950-х, нашел отражение и в архитектурном оформлении памятников той эпохи. Ко второй половине 50-х гг. тоска по изобилию достигает своего

[86] Арутюнов С.А. Основные пищевые модели и их локальные варианты у народов России // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М., 2001. С. 10.

апогея, что приводит к нивелировке различия между реальными продуктами питания и их праздничными изображениями[87].

Еще одной важной задачей, связанной с «Книгой о вкусной и здоровой пище», являлось развитие у населения новых вкусов, создание спроса на новые пищевые продукты. Поскольку моментально невозможно было перейти ко всеобщему централизованному питанию как в силу нехватки мощностей, так и вследствие недостаточной подготовленности населения, необходимо было создать у населения привычку и вкус к полуфабрикатам, к сухим завтракам, концентратам, консервам — ко всему богатому и разнообразному ассортименту готовых и полуготовых фабричных пищевых продуктов[88]. На связь между полуфабрикатами и «Книгой о вкусной и здоровой пищи» указывает и тот факт, что появление их в СССР связано с А.И. Микояном, который непрестанно руководил советской пищевой индустрией на протяжении почти 50 лет.

Как указывалось выше, официальный коммунистический дискурс одним из непременных условий создания нового коммунистического быта видел освобождение женщины от кухонной работы и перевод питания на промышленную основу. К середине 50-х гг. общественным питанием пользовались всего около 10% населения, и несмотря на все старания руководства в дальнейшем эта цифра существенно не возросла. Причиной всему были очереди, невысокая пропускная способность заведений, бедность и однообразие ассортимента и, главное, низкие вкусовые качества предлагаемой пищи[89]. В эпоху «развернутого строительства коммунизма», когда общественное питание не могло удовлетворить все потребности, женщина была вынуждена заниматься домашним хозяйством. Для того чтобы снять часть занятости и перенаправить высвобожденные силы на строительство «светлого будущего», женский труд должен был быть максимально облегчен,

[87] См.: Ковтун Н.В. Русская литературная утопия второй половины XX в. Дисс. … докт. фил. наук. Томск, 2005. С. 130.
[88] См.: Книга о вкусной и здоровой пище М., 1951. С. 17.
[89] См.: Похлебкин В.В. Кухня века. М., 2000. С. 290.

чтобы вместо многочасового стояния у плиты она могла бы просто и быстро довести полуфабрикаты до готовности.

«Книга о вкусной и здоровой пище» должна была продемонстрировать домохозяйкам и потребителям преимущества такого способа питания перед традиционным. Новые продукты позволяли сократить затраченное время и усилия и якобы не проигрывали обычным продуктам по вкусовым качествам. Производство питания в общественных столовых на несколько тысяч человек немыслимо без использования полуфабикатов, допускающих длительное хранение. Советский человек должен был привыкать к промышленно изготовленным продуктам питания, отказываясь от блюд, приготовленных по старинке. Отрицательное отношение к попытке перевести в будущем питание на новые продукты проявилось несколько ранее, чем оформилась советская «продовольственная утопия». Так, «Д-503», герой романа Е. Замятина «Мы», не может есть хлеба, испытывая недоверие к привычной для нас еде, поскольку в будущем продукты питания изготовляются из нефтепродуктов. Блюда из «дешевого вечного вещества» проходят испытания в пьесе А. Платонова «Шарманка» (1934 г.): население пробует «щи из кустарника с дубовым салом, механические бутерброды, котлеты из чернозема, кашу из саранчи и муравьиных яичек, сладкое из клея и кваса, уксус с махорочной крошкой и сиреневым кустом»[90]. Появление контрутопий свидетельствовало о процессе осознания и рефлексии кризисных явлений современного им общества[91].

«Книга о вкусной и здоровой пище» отражала две тенденции, закрепленные уже в названии: пища в Советском Союзе должна была быть не только вкусной, но и здоровой. Хотя первоначально она должна была называться «Книга о здоровой и полезной пище», но А.И. Микоян настоял на включении в название слова «вкусная», несмотря на расплывчатость значения данного слова[92]. Общество должно было взять на себя заботу о человеке и его

[90] См.: Ковтун Н.В. Указ. соч. С. 130.
[91] См.: Лиокумович Е.А. Указ. соч. С. 64.
[92] См.: Похлебкин В.В. Указ. соч. С. 187.

здоровье. Правильное питание должно было способствовать получению всех необходимых витаминов и полезных веществ организмом, что должно было положительно отразиться на здоровье человека — он будет меньше утомляться и болеть, а значит, его усилия на благо построения коммунистического общества не ослабнут. Создатели «Книги о вкусной и здоровой пище», проявляя заботу об организации здорового питания, перед перечислением рецептов разнообразных блюд привели руководство по составлению рациона для рядового советского человека. Основываясь на тогдашних представлениях о правильном питании, которые представляли собой попытку создания идеального образа пищевого процесса, авторы книги давали указания, какие продукты и блюда следует употреблять на завтрак, обед и ужин, а также как правильно готовить, дабы сохранить все полезные свойства продуктов. В первой главе указывалось, что решение продовольственной проблемы стояло довольно остро и коммунистическое изобилие, особенно на этапе коммунизма «в основном», базировалось в значительной степени на коммунистическом потреблении. «Книга о вкусной и здоровой пище» определяла границы потребления продуктов при коммунистическом продовольственном изобилии, демонстрируя, что можно с помощью традиционных продуктов готовить вкусные, а главное, полезные блюда. В.В. Похлебкин поэтому определяет издания «Книги о вкусной и здоровой пище» с 1952 по 1975 гг. как реакционные, где предлагаются упрощенный состав и технология производства блюд[93]. Кроме того, создавалась иллюзия изобилия, поскольку иллюстрации с ломящимися от деликатесов столами давали надежду на скорейшее воплощение этих образов в жизни каждого советского гражданина. Размытая граница между реальным изобилием и его демонстрацией позволяла частично приоткрыть завесу над жизнью в «светлом будущем», которое должно было быть создано уже при жизни тогдашнего поколения, что, конечно, способствовало мобилизации населения на решении поставленных партией задач.

[93] Там же. С. 176.

В интересующий нас период вышло в свет два издания «Книги о вкусной и здоровой пище» — в 1961 и 1964 гг. Эти два издания предваряются вступительными статьями, носящими традиционное название «К изобилию!», именно в них раскрываются заложенные в книге идеи, поскольку ее содержание в целом не изменялось с первого издания. Основная часть книги былапризвана продемонстрировать «идеальное настоящее», а вводная часть — дать образ «светлого будущего», на что указывает само название «К изобилию!». В книгах делается упор на ряде положений III Программы КПСС: автоматизации производства, расширении сети общественного питания, а также указание на то, что «новое» питание гораздо лучше традиционного и призвано обеспечить человека всем необходимым, сохранив тем самым его здоровье и силы для строительства коммунизма. Поскольку данные издания имеют явную гендерную окраску, то в обеих книгах есть моменты, связанные с декларацией необходимости освобождения женщины из «кухонного рабства». Что касается собственно кулинарных моментов, то книга указывает, что в ближайшее время в народном потреблении значительно вырастет доля продуктов животноводства (мяса, жиров, молочных продуктов), фруктов и высокосортных овощей. Переход на консервированные продукты позволит, по мысли авторов «Книги», ликвидировать сезонные спады потребления этих продуктов. Должен был расти и уровень потребления океанской рыбы, бобовых и, конечно, продуктов из кукурузы[94]. Основная идея книги выражена в предложении: «Итак, надо уметь и дома готовить питательно, вкусно, гигиенично, экономно и быстро»[95]. Книга апеллировала к «потребительскому», как к одному из наиболее распространенных вариантов «светлого будущего», и к «женскому», как специфично направленному варианту коммунизма, старясь при этом связать эти варианты с официальными коммунистическими перспективами.

[94] Книга о вкусной и здоровой пище. М., 1964. С. 5.
[95] Там же. С. 9.

На службу коммунистическому строительству пытались поставить все, что могло оказать воздействие на человека. Юмор и смех тоже должны были помочь в решении поставленных Программой партии задач. В одном из своих выступлений Н.С. Хрущев говорил о необходимости «поддерживать честных, передовых людей труда и обличать лодырей и тунеядцев, всех, кто мешает нашему продвижению вперед. Стихи, басни, рассказы должны служить людям в великом и благородном деле строительства коммунизма. <…> Сатира, товарищи, свое дело делает. И поэтому тех, кто трудится без напряжения, полезно бывает немножко высмеять, ужалить»[96].

Советскую смеховую культуру можно разделить на две большие категории: юмор и сатиру. Сатира была призвана обличать пороки, а юмор — поднимать настроение. П. Вайль и А. Генис, отмечали, что в 60-х гг. все напоминало человеку: жизнь прекрасна! А прекрасна она потому, что будет еще прекраснее. В сталинские времена постулировалось: жить стало лучше, жить стало веселее, — 60-е делали упор на предстоящих рубежах[97]. За прекрасную жизнь отвечал юмор. Действительно, 60-е гг. породили огромный пласт советского юмора. В это время начинают свою карьеру Л. Гайдай и Э. Рязанов, приобщившие советского зрителя к киноэксцентрике, выходит в эфир КВН. Да и сам Н.С. Хрущев не был чужд, пусть и довольно простого, юмора. В стенограмме его выступления на XXII съезде КПСС можно обнаружить не одну ремарку «Смех» и «Оживление в зале». Знаменитая «кузькина мать» и стучание ботинком по трибуне ООН не лишены определенной доли веселости, и «державный смех перерастал в поголовный всесоюзный хохот»[98].

Для руководства важнее, конечно, была сатира, что видно из приведенного выше отрывка выступления Н.С. Хрущева. С помощью сатиры негативные явления действительности должны были не просто быть удалены с поверхности, а уничтожены сами основы, вызывающие их. Представлялось,

[96] Цитируется по: Крокодил. 1961. №. 34. С. 2.
[97] См.: Вайль. П., Генис А. Указ. соч. С. 142.
[98] Там же. С. 148.

что роль сатиры по мере продвижения к коммунизму будет увеличиваться и «при коммунизме человека общественные суды будут приговаривать к фельетону, все равно как сейчас нарсуд осуждает на три года отсидки»[99]. В 1962 г. на киноэкраны выходит «Фитиль», призванный «обличать и клеймить» имеющиеся недостатки советской действительности.

Главным сатирическим оружием, конечно, выступал журнал «Крокодил». Его содержание можно разделить на два раздела: в первом печатались социальные фельетоны и демонстрировались определенные недостатки советской жизни, вторая часть была призвана веселить советского читателя. В рамках данной работы интерес, прежде всего, вызывают сатирические материалы, связанные с коммунистическими представлениями.

В качестве основных объектов критики, а значит и главных противников «светлого будущего», на страницах журнала представали бюрократы, алкоголики, тунеядцы, спекулянты и т.д. Так, один из авторов в конце своей заметки о потребительском отношении некоторых граждан к грядущему принципу коммунистического распределения пишет: «Стоп! Дальше тунеядческая колымага не пойдет! Граждане тунеядцы, пересаживайтесь на трудовой поезд»[100]. Вообще коммунизм и движение к нему на страницах «Крокодила» прочно ассоциировались с движущимся поездом. Такую аналогию можно обнаружить еще в знаменитых песенных строках о паровозе, у которого в коммуне остановка. Но в случае с сатирой образ коммунистического состава дополнялся особой коннотацией – забытых на перроне пассажиров. Художник Е. Щилов в своей карикатуре «В коммунизм – без остановки» изображает все негативные типажи сидящими на станции, приговором для них звучат слова «На этот поезд они не попадут»[101]. Поезд, конечно, шел в коммунизм, и на нем все добропорядочные советские граждане централизованно и быстро должны были отправиться в «светлое будущее». До сознания населения, таким образом, доводилась идея, что в коммунизм

[99] Ленч Л. Перья к бою // Крокодил. 1961. №. 25. С. 2.
[100] Шатров С. Стоп! Дальше колымага не пойдет! // Крокодил. 1961. №. 24. С. 2.
[101] Крокодил. 1961. №.. 23. С. 10.

попадут далеко не все, а билетом станет соответствие моральному идеалу человека коммунистического общества. Это, в свою очередь, должно было способствовать стремлению к самосовершенствованию.

Отдельно хочется остановиться на специальном выпуске журнала «Крокодил», посвященном XXII съезду КПСС. Название номера — «Заметки на полях стенограммы» — характеризует его содержание. Художники юмористически и визуально пытались иллюстрировать отдельные моменты из выступлений на XXII съезде КПСС. Так, человек, обремененный частной собственностью, плетется за коммунистическим составом, а потребительски настроенные люди создают гигантскую ложку, для получения по потребностям[102]. Смех, таким образом, имел две ипостаси: он одновременно наказывал неугодных и поощрял благонадежных, устанавливая взаимосвязь между властью и обществом.

В смеховую культуру советской эпохи входил также анекдот, точнее, политический анекдот как особое явление советской культуры. Однако анекдот является продуктом народного творчества и не признается официальным дискурсом, следовательно, изучение его целесообразно провести в главе, посвященной рецепции коммунизма населением.

Наиболее близки карикатуре агитационные плакаты. В силу своей специфики плакат оперирует визуальными образами, не имея возможности представить развернутый текст. При этом образы должны быть легко воспринимаемы, то есть находиться в активной части «культурного капитала» общества и не требовать пояснений, даже в случае использования аллегории. Особый интерес плакат как медиатор вызывает и в силу отсутствия официально оформленного визуального изображения коммунизма или реального прототипа, с которого можно сделать эскиз. Авторам плаката предстояло решить сложную проблему — показать зрителям то, чего пока еще нет и что в принципе не поддается изображению так, чтобы зрители могли опознать изображение и соотнести его с коммунизмом. Художественный текст

[102] См.: Крокодил. 1961. №. 30. С. 1, 4.

плаката оказывался зажат между официальной доктриной и народными представлениями.

В 50-х гг. появился ряд плакатов, в которых совершается переход от прежних лозунгов социалистического строительства к провозглашению лозунгов «во имя коммунизма». За этой формулировкой скрывается, в основном, призыв поддержать инициативы ряда «великих строек коммунизма», в первую очередь, ГЭС. Поэтому коммунизм на этих плакатах предстает в виде Советского Союза, покрытого сетью промышленных предприятий, среди которых возвышаются здания в стиле сталинских высоток.

Использование образа коммунизма как мобилизующего фактора для решения актуальных задач не ограничивалось рубежом 50-60-х гг. Данный образ, как отмечалось в первой главе, находился в рамках восприятия коммунизма именно как экономического устройства, для создания которого необходима самая мощная промышленность в мире. Работа на «великих стройках коммунизма», связанная с определенными трудностями и лишениями, должна была окупиться в «светлом будущем». Наиболее четко эта мысль выражена в словах Мао Цзэдуна: «Три года упорного труда — десять тысяч лет счастья». Такое восприятие времени подтверждает взаимовлияние трех времен в модусах поведения советского человека.

В 60-е гг. визуализация коммунизма меняется, что особенно отчетливо прослеживается после принятия Программы партии. Коммунизм и движение к нему воплощаются в виде разнообразных транспортных средств. Традиционным остается аналогия с поездом, также, по понятным причинам, появляется ракета как символ эпохи «развернутого строительства коммунизма». Это связано и с использованием Н.С. Хрущевым в своей речи образных сравнений Программы партии с космическим аппаратом, о чем писалось выше, – художники только воплотили это высказывание в визуальные образы. Другой большой группой изображений, связанных с коммунизмом, являлись образы рабочего с III Программой КПСС в руках, причем на этих изображениях также присутствует образ В.И. Ленина.

Заложенные в таких изображениях аналогии очевидны: рабочий изначально рассматривался как основной строитель коммунизма, а указание на стремление придать «ленинский» статус программе подтверждает то, о чем писалось выше. Таким образом, если 50-е гг. предлагали визуально связывать коммунизм с промышленным ростом, то 60-е гг. переориентировались на III Программу КПСС с ее комплексным подходом к делу строительства «светлого будущего».

В 1-й главе указывалось, что перестройка быта на новый, коммунистический лад занимала не последнее место в ряду задач коммунистического строительства. Также отмечалось, что решению проблемы создания нового жилища отводилось значительное место в пропаганде элементов коммунистического общества. Выделение архитектуры как своеобразного транслятора коммунистического будущего основывается на подчеркивании ее роли — как в форме градостроительства, так и в организации индивидуального жилища — официальным дискурсом и естественными потребностями человека, которые необходимо учитывать. Можно предположить, что потребности во сне, потреблении пищи и т.п. могли восприниматься как досадные физиологические препятствия, отвлекающие человека от участия в строительстве коммунизма или от самосовершенствования, призванного увеличить вклад индивида в коммунистическое строительство. Но, поскольку в обозримом будущем уничтожить зависимость человека от физиологических потребностей не представлялось возможным, с ними приходилось считаться, что, в свою очередь, отражалось в планировке жилищ.

Еще в первые годы советской власти возникла тенденция использовать архитектуру для создания новых социальных условий, новых социальных функций, новых типов отношений. Братья А., В. и Л. Веснины и М. Гинзбург, стоящие во главе функционалистов-конструктивистов, разрабатывали проекты новых типов коммунистических жилищ, где приготовление и потребление пищи, стирка, воспитание детей были бы обобществлены. Кузьмин предлагал

модель коммунального быта, при котором взрослые коммунары спят по 600 человек, отдельно мужчины и женщины, правда, прежним мужьям и женам разрешалось спать вместе. К. Мельников, развивая эту мысль, разработал идею «Сонной комнаты», где те же 600 человек спят в одном помещении, но к этому добавляется специальный оркестр для заглушения храпа. Самым смелым проектом можно признать идею М. Охитовича, предлагавшего заменить города мобильными передвижными индивидуальными жилищными ячейками[103].

На рубеже 50-60-х гг. мысль о влиянии архитектуры на сознание не исчезла. Так, Правление Союза архитекторов СССР предлагало в проекте Программы партии отразить роль и значение градостроительства, принципиальную характеристику коммунистического расселения, новых городов, т.е. той среды, в которой будут жить и трудиться люди коммунистического будущего[104]. «Все стороны архитектурных решений – общий вид зданий и сооружений, внутренняя отделка и, главное, само устройство и оборудование зданий должны быть проникнуты идеей создания наилучших условий жизни человека, создать наиболее здоровые, целесообразные формы обслуживания потребностей человека, должны быть подчинены интересам человека»[105]. Жилище должно было удовлетворять потребности идеального человека коммунистического общества, одновременно подчиняя себе реального человека эпохи «развернутого строительства коммунизма». В отличие от проектов 20-х гг. с их революционной романтикой и отрицанием старого мещанского быта, в сталинский период происходит некий ренессанс бытовой культуры[106], а значит, моногамные семейные отношения не подвергались ревизии, и коммунистическое жилище было рассчитано не на массовое использование, а на отдельную семью. Необходимо помнить, что несмотря на стремление к легким изящным формам главным требованием оставался функционализм,

[103] См.: Паперный В. Соцреализм в советской архитектуре // Соцреалистический канон. СПб, 2000. С. 130.
[104] РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 301. Л. 167.
[105] РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 16. Л. 23.
[106] См.: Фицпатрик Ш. Указ. соч. С. 99.

например предполагалось, что человеку коммунистического общества было достаточно всего 20 квадратных метров[107]. Рационально организованный быт, к которому постепенно приучали советских граждан, не в переносном, а в прямом смысле ограничивал жизненные ожидания населения. Человек, и так несвободный от общества, при коммунистическом бытовом обслуживании, поставленном на промышленную основу, терял всяческую бытовую независимость: перекладывая выполнение работы на общество, он становился зависимым от него и не мог уже представить себе жизнь без общественной заботы.

Исходя из всего выше изложенного, сделаем вывод. III Программа партии должна была определить важнейшие задачи в области культурного строительства, литературы и искусства, что, в свою очередь, было связано с завершающим этапом великой культурной революции в период развернутого строительства коммунизма[108]. Возникал определенный симбиоз, в котором текст Программы партии, с одной стороны, ограничивал рамки официально разрешенной фантазии, с другой — в этих границах представлял готовый материал, из которого можно было конструировать образы будущего, благодаря его высокой пластичности. Официальный дискурс, выраженный в Программе партии, использовал полученные образы в своих интересах, зачастую разрешая определенные отступления в тактических целях, для чего официальные структуры вынуждены были способствовать распространению и усвоению населением коммунистических перспектив, изложенных в художественных текстах.

III Программа КПСС как документ, призванный мобилизовать население, нуждался в механизме донесения идей коммунизма до населения СССР. Распространение идей шло двумя путями: «явным» и «скрытым». В первом случае идеи распространялись посредствам официальной пропаганды. В стране была развернута кампания по разъяснению и внедрению положений

[107] РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 16. Л. 17.
[108] См.: Рожин В.П. Указ. соч. С. 26.

Программы партии. Это делалась как в выступлениях советских лидеров, так и в СМИ.

Второй «путь» предполагал внедрение идей коммунистического строительства опосредованно. Распространению подлежали те же идеи без ссылки на III Программу КПСС. Основным механизмом выступал корпус художественных текстов. Через литературу и кинематограф советский человек должен был приобщаться к идеалам нового общества.

И первый, и второй «путь» функционировал на принципах взаимосвязи между официальной идеологией и населением. Обе группы текстов занимали промежуточное положение, они циркулировали между властью и населением, обеспечивая тем самым взаимодействие между ними. Таким образом идея, коммунизма приспосабливалась к конкретной ситуаций, с тем чтобы выполнить свою главную функцию мобилизовать советских граждан на строительство «светлого будущего».

Глава 3. Коммунистические ожидания населения СССР на рубеже 50-60-х гг.

§ 1. Коммунизм и массы: основные моменты взаимоотношения

Если официальный дискурс о коммунизме должен был быть единым, дабы люди точно знали, куда и как двигаться, то у населения так и не сложилось однозначное понимание коммунизма, и поэтому в данной главе мы будем говорить о коммунизмах. Имеющиеся источники позволяют сделать ряд обобщений, выделить несколько общих моментов и на этом основании охарактеризовать основные варианты понимания населением коммунизма на рубеже 50-60-х гг. Для большего удобства в начале главы представим общую классификацию «народных» образов коммунизма. Структура главы выстроена в соответствии с этой классификацией.

Несколько упрощая, что неизбежно при любой попытке упорядочить материал, можно констатировать, что население к коммунистическим перспективам Программы партии относилось либо положительно, либо скептически. Некорректно говорить, как поступают некоторые авторы, что население верило или не верило в обещание построить коммунизм в течение 20 лет. Сводить все к одному мнению неправомерно, поскольку источники позволяют проследить, и положительное и скептическое отношение населения к обещанному коммунизму.

Для данного исследования особый интерес представляет положительное отношение к коммунизму, поскольку в этом случае население должно было формировать свой образ будущего, либо используя официальную модель, либо предлагая свою альтернативу. Положительное отношение также можно разделить на две большие группы. Первая представлена «аскетическим» коммунизмом «энтузиастов», готовых строить его, «не щадя живота своего», коммунизма, в котором все будут находиться в равных условиях. Их идеалом является идея коммуны с ее уравнительными тенденциями в духе булгаковского героя из «Собачьего сердца». Уравнительные тенденции

официальным дискурсом всячески отрицались, поскольку были связаны с разнообразными утопиями. Но применительно к населению рубежа 50-60-х гг. это скорее рецидивы крестьянского сознания с его общинными традициями.

Вторая группа воспринимала коммунизм потребительски, видя в нем «кормушку», к которой можно было припасть и насладиться благами. Причем чем ближе был обещанный срок завершения строительства коммунизма, тем больше и больше должна была это кормушка наполняться.

«Потребительский» коммунизм в своем стремлении к бесплатным благам тоже был не однороден. Одни хотели удовлетворить индивидуальные потребности, другие же ожидали благ для всех жителей страны. Но и в том и другом случае коммунизм выступал своеобразным символом, обращение к которому автоматически приводит к решению насущных проблем. В таком понимании коммунизм предстает как общество, где будут решены основные проблемы.

Можно обнаружить и гендерные различия в наполнении образа коммунизма. Если мужской вариант выражается, прежде всего, в образе героя-космонавта как прототипа человека будущего, то женский коммунизм выражен гораздо ярче. Связано это в первую очередь с тем, что в отличие от мужчин у женщин было больше специфических проблем, а значит, коммунизм должен был решить больше задач, что, естественно, приводит к лучшей разработке образа.

«Скептический коммунизм» также создает образ «светлого будущего»: в анекдотах можно обнаружить описание жизни в будущем. Однако, в отличие от позитивного отношения к коммунизму, «скептический» образ анекдотов завуалировано высмеивал настоящее, а значит, и возможность построения коммунизма.

«Скептический» образ коммунизма являлся образом для «внутреннего» пользования, который не должен был выходить за пределы народного дискурса и не вступать в контакт с официальным представлением о «светлом будущем», а отталкиваться от него для его же высмеивания. «Позитивное» отношение,

напротив, изначально предполагало наличие официальных коммунистических перспектив, на основании которых можно было вести диалог с властью, используя идею коммунизма как медиатора.

Идея коммунистического общества возникла в марксизме как оболочка для обозначения идеальной формы общественного устройства, вырастающего из прежних форм и одновременно их отрицающая. Коммунизм — это теоретическая абстракция, своеобразная «сказка», которую предстояло рано или поздно сделать былью, согласно законам исторического развития. Приход к власти большевиков сделал коммунизм одним из основных элементов официального советского дискурса. Естественно, что наиболее глубокое понимание коммунистических перспектив в сознание должно было осуществиться у членов партии, хотя на протяжении всего советского периода количество беспартийных превалировало над состоящими в партии.

К моменту принятия III Программы КПСС количество вступивших в партию составляло примерно 9 миллионов человек, а общее количество жителей СССР приближалось к 220 миллионам[1]. Осознанная руководством необходимости вовлечения всего населения страны в строительство коммунизма отмечалась выше. Само наличие и активное использование официальной властью медиаторов и механизмов «агитации и пропаганды» говорит о расхождении официального коммунизма с образом, оформляемым в сознании населения. Поскольку если образы коммунизма власти и общества совпадали или имели небольшие расхождения, все мероприятия, проводимые властью, теряли свой смысл.

При этом нельзя говорить об отсутствии у населения на рубеже 50-60-х гг. представления о «светлом будущем». Как бы показано в первой главе, образ коммунизма, выраженный в III Программе партии, формировался на всех этапах советской истории. Таким образом, поколения, жившие в 1961 г., значительный срок прожили под знаменем постепенного движения к «коммунизму», находясь под давлением официальной идеологии. Далекие от

[1] Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. С. 40.

теоретических изысков рядовые советские люди инстинктивно оформляли расплывчатые коммунистические образы в понятные им категории, зачастую соединяя их с уже бытовавшими в культуре и сознании образами.

Фактом, подтверждающим существование образа коммунизма или, точнее, нескольких его образов у населения СССР, может служить уже многократно упоминавшееся обсуждение проекта Программы партии. Указывалось, что данная акция могла преследовать множество разнообразных задач, одной из которых была попытка проявить и использовать продукты коммунистических «фантазий» народонаселения. Так, например, И.А. Резник из Днепропетровска в ходе всенародного обсуждения предоставил целую работу на 119 страницах «Коммунистическое общество и Программа КПСС»[2]. К сожалению, отыскать этот, как представляется, очень интересный документ не удалось, так же как и присланные Ф. Шаховым и тов. Сирадзе собственные готовые тексты новой Программы партии, составленные ими до опубликования в печати проекта III Программы КПСС, одобренного Пленумом ЦК КПСС[3]. Без сомнения, не имея представлений о перспективах строительствах коммунизма в СССР, написать развернутый текст, выходящий за рамки жалоб или обычной риторики, было невозможно.

Источниками реконструкции образа коммунистического будущего в сознании населения Советского Союза рубежа 50-60-х гг.: 1) письма, направленные в различные инстанции, 2) устное народное творчество. Однако при работе с этими источниками необходимо принимать во внимание то, что они в значительной степени нагружены дополнительными коннотациями. При общении с властью зачастую, в силу бытующих правил игры, происходила имитация с помощью использования «ритуальных» и стереотипных приемов, мнения, которое было выгодно как власти, так и отправителю.

Устное народное творчество, представленное в виде анекдотов, частушек, загадок, в своем содержательном аспекте подчиненно жанровым особенностям.

[2] РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 302. Л. 84.
[3] Там же. Д. 298. Л. 33.

Непременное наличие юмора, который зачастую строился на сарказме и сатире, изначально не предполагало положительного отношения к выдвигаемым официальным дискурсом положениям о коммунизме. Таким образом, получается, что, с одной стороны, находятся тексты, подверженные «показному» оптимизму, с другой – те источники, над которыми довлел жанровый скептицизм.

Изначальное различие внутреннего характера источников предполагает наличие по крайней мере двух образов коммунизма в сознании населения. Довлеющему на рубеже 50-60-х гг. официальному представлению о коммунизме как о «светлом будущем», которое в ближайшем времени должно воплотиться в реальности, противостояло мнение, ставшее доминирующим после развала СССР, наиболее лаконично выраженное в анекдоте «самый короткий анекдот: коммунизм». Представляется, что такая дифференциация не исчерпывает весь комплекс бытовавших в сознании населения коммунистических перспектив. «Оптимистический» и «скептический» взгляд на коммунизм, в силу наличия различных групп в советском обществе, должен распадаться на дробные образы. Культурный капитал и мировоззрение партийного интеллигента отличались от мировоззрения беспартийного крестьянина, а значит, рецепция образа коммунизма, предлагаемого официальным дискурсом, у них должна была проходить по-разному.

Четкое привязывание различных образов «светлого будущего» к конкретным социальным или профессиональным группам не представляется продуктивным, поскольку один и тот же человек мог днем, на работе, активно прославлять курс партии по строительству коммунизма и писать письма, в которых обещал взять повышенные обязательства, а вечером, на кухне, рассказывать антикоммунистические анекдоты. В то же время обычный политически малограмотный деревенский житель мог искренне верить в скорое пришествие «земного рая». Таким образом, при анализе коммунистических образов, характерных для советского населения, следует выявлять общие и часто повторяющиеся моменты, затем на их основе реконструировать

коммунистические ожидания населения СССР на рубеже 50-60-х гг. Естественно, необходимо осознавать, что таким образом создается модель, где разрабатывается один аспект объекта изучения, необходимый исследователю, а значит, должен учитываться субъективный фактор. Нельзя впадать в иллюзию возможности достоверной реконструкции, скорее, необходимо говорить о создании некой усредненной модели сознания человека исследуемой эпохи. Такая реконструкция, при отсутствии рефлексии со стороны историка, может больше сказать об исследователе, чем об исследуемой теме.

В первой главе анализировались коммунистические перспективы, предлагаемые официальным дискурсом, и был сделан вывод о том, что эти перспективы были в большей степени прагматичными, нежели фантастичными. Но представители официального дискурса являлись одновременно и членами общества, вне публичной политики вторая их ипостась превалировала, однако и в этом случае они сохраняли веру в скорое осуществление задуманного. Позиция Н.С. Хрущева по вопросу реальности новой Программы партии вызывает глубокий исследовательский интерес. Приведенные в первой главе факты могут подтвердить мнение исследователей, отмечающих, что Н.С. Хрущев верил в возможность построения основ коммунизма за 20 лет. Помимо личных амбиций Первого секретаря ЦК КПСС, здесь большое значение имел тот факт, что прорыв в коммунистическое будущее должен был поставить его в один ряд с великими предшественниками: организатором социалистической революции В.И. Лениным и строителем социализма И.В. Сталиным, скорее всего, он искренне верил, что плановое хозяйство эффективнее рыночного и по восприимчивости к прогрессу, и по социальной направленности, и по темпам[4].

Другие представители власти также являлись носителями убеждений, связанных с представлениями о неизбежной победе коммунизма. Свидетельством тому является, в частности, следующий разговор

[4] См.: Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественная настроения в СССР в 1953-1964 гг. М., 2004. С. 330.

Ф. Бурлацкого с директором Института мировой экономики и международных отношений АН СССР А.А. Аразумяном:

«- Ты, Федор, счастливый, ты доживешь до такого времени, когда социализм победит во всей Европе.

- И когда же это произойдет по вашему предположению, Анушаван Агафонович? – спрашивал я не без ехидства.

- Не позже, чем через пятнадцать-двадцать лет.

- А каким путем? Революции, что ли, произойдут в странах Западной Европы, или социалисты и коммунисты объединяться в парламентах, или еще как-нибудь?

- Я не знаю, каким путем, – отвечал маленький человек. – Но твердо знаю, что социализм – дело одного, двух десятилетий»[5].

Собственно, если человек, близкий к правящей верхушке, бывавший за рубежом и видевший разницу между двумя системами, имел «детскую» веру в грядущее и недалекое торжество коммунизма на всем земном шаре, то что можно говорить о простом человеке, чей взгляд ограничивался горизонтами, воздвигаемыми официальным дискурсом. Мысль о скором завершении коммунистического строительства и переходе к новому общественному устройству имела значительные шансы на укоренение в сознании части населения.

В литературе можно выделить две тенденции в характеристике отношения населения к коммунизму. Ф. Бурлацкий пишет, что «новая Программа КПСС была встречена с энтузиазмом во всей партии и в народе, с надеждой и верой в то, что в короткие исторические сроки удастся добиться крупнейших результатов в экономическом и социальном развитии страны, радикально поднять уровень народного благосостояния. В этом были уверены, кажется, все»[6]. Этому мнению противостоит позиция других современников П. Вайля и А. Гениса: «В самом прямом смысле в конкретные цифры

[5] Бурлацкий Ф. Глоток свободы. М., 1997. кн. 1. С. 96.
[6] Там же. С. 101.

Программы никто не поверил <…> Надо отдавать себе отчет в том, что никто и не заблуждался насчет построения коммунизма в 20 лет. Любой мог выглянуть в окно и убедиться в том, что пока все на месте: разбитая мостовая, очередь за картошкой, алкаши у пивной. И даже ортодокс понимал, что пейзаж не изменится радикально за два десятилетия»[7]. Обе точки зрения представляются равнозначными и имеющими право на существование, поскольку на рубеже 50-60-х гг. они не противостояли друг другу, а существовали параллельно. Кроме того, не стоит сбрасывать со счетов субъективный фактор в оценке эпохи: Ф. Бурлацкий как один из авторов III Программы КПСС должен был испытывать определенную гордость за свой труд, в отличие от эмигрантов П. Вайля и А. Гениса. Таким образом, важное значение здесь имеет не столько действительность, сколько та точка зрения, которую избирает наблюдатель.

Советская жизнь предоставляла достаточный материал как для оптимизма, так и для скептицизма. Практически любой автор, обращающийся к 50-60-м гг., отмечает, что в советской действительности происходили существенные изменения в лучшую сторону. В июне 1956 г. была введена новая система пенсионного обеспечения, что увеличило размер пенсии. Вместе с этим вводился один из самых низких в мире пенсионный ценз – для мужчин 60 лет, при стаже работы в 25 лет, для женщин 55 лет, при стаже в 20 лет. Исключительное значение имело то, что впервые в стране устанавливалось государственное пенсионное обеспечения для колхозников[8]. 1961, год принятия новой Программы партии, начался с денежной реформы, в 10 раз укрупнившей рубль. Рост среднемесячной номинальной заработной платы рабочих и служащих составил за 10 лет практически 50%: 679 р. в 1953 г. и 98 р. 50 к. (987 р.) в 1964 г. Возросло потребление мяса, молока, рыбы[9]. Успехи Советского Союза венчались полетом Ю.А. Гагарина в космос, о значении данного факта говорилось выше. Все это подготавливало почву для оптимистичного восприятия положений Программы партии.

[7] Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М., 1998. С. 13, 16.
[8] Пыжиков А.В. Оттепель: идеологические новации и проекты (1953—1964). М., 1998. С. 97.
[9] См.: Аксютин Ю.В. Указ. соч. С. 345.

Сдвиг в сознании части населения, произошедший в 1961 г., находит свое отражение в комплексе корреспонденции, в котором граждане предлагают с 1961 г. ввести новое летоисчисление, объявив этот год – первым годом новой эры – эры коммунизма и освоения космоса[10]. Воспринимая эти умонастроения, П. Вайль и А. Генис главу, посвященную коммунизму, называют «20 лет до н.э.». Другие граждане, ссылаясь на Н.С. Хрущева, писали о том, что отправной точкой для нового календаря должна была стать Великая Октябрьская социалистическая революция. В Программе партии планировалось закрепить это положение и к 50-летию Октябрьской революции принять календарь коммунистической эры. Подобно деятелям французской революции, авторы писем в реформе календаря не останавливались на определении новой точки отсчета, они хотели подыскать новые названия дней и месяцев, дабы наполнить их новым смыслом. Один участников «всенародного обсуждения» Программы партии писал: «Зачем нам нужно называть “июль” в честь Юлия Цезаря? Не лучше ли назвать месяцы в честь выдающихся марксистов? Или выдающихся побед в строительстве коммунизма?»[11]. Это позволяет говорить о том, что коммунизм для части населения был некой иной реальностью, которая должна иметь как можно меньше общего с прежним образом жизни.

Вместе с тем в советской действительности было множество нелицеприятных моментов, постоянные столкновения с которыми в повседневной жизни мешали процессу сливания с коммунистической «утопией». Об этих проблемах активно писал «Крокодил», но любой советский человек и без журнала знал, что недостатков в советском обществе еще предостаточно. Простые люди на себе ощущали, особенно после кризисных явлений первой половины 60-х гг., невыполнимость поставленных задач. Данный факт можно проиллюстрировать письмами в редакцию журнала «Коммунист»: «Как можно требовать от советских людей какой-то социалистической идеологии, когда социализм не дал реального обеспечения

[10] РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 306. Л. 1.
[11] Там же. Ф. 599. Оп. 1. Д. 170. Л. 14.

для развития человеческой личности <…> Возьмем не вашу государственную статистику, а возьмем реальную жизнь советских людей в массе. Возьмем “конкретную экономику” советских людей, возьмем в массе советскую интеллигенцию: инженеров, врачей, учителей и т.д. Ведь это сплошная нищета»[12]. В другом анонимном письме писалось, «часто по радио болтают, что у нас подходят к коммунизму, да подохнем до коммунизма. У Вас, конечно, коммунизм, ну а у нас голодизм и дороговизм»[13]. Подобный скептицизм бытовали не только среди обычных людей, но и среди партийно-государственных деятелей. Так, А.Т. Твардовский записал от публики в санатории «Барвиха» такие воспоминания: «Живут люди под одной крышей, здороваются, встречаются в столовой, в кино, на прогулках – люди больные и здоровые, но люди не рядовые, руководящие, видные партийные. И никогда не произносят слова “коммунизм” иначе, чем в шутку, – по поводу бесплатного бритья в парикмахерской и т.п.»[14].

Параллельное существование двух отношений к обещанному коммунистическому обществу, порожденных столкновением коммунистического идеала с действительностью, будило у его носителя стремление поскорее переделать ее[15]. «Минусы» советской действительности самим своим существованием призывали к собственному уничтожению и к созданию общества без недостатков, а «плюсы» подтверждали верность выбранного курса, который уже сейчас начинал давать позитивный результат. И то, и другое могло стимулировать население на активное участие в решении поставленных Программой задач.

Ю.В. Аксютин провел интересное социологическое исследование, в ходе которого попытался выяснить отношение населения СССР к хрущевскому периоду и, в частности, к коммунистическому проекту. Два опроса проходили в 1998 и 1999 гг. На вопрос «Как вы вообще тогда относились к идее создания

[12] Цитируется по: Пыжиков А.В. Указ. соч. С. 100.
[13] Там же. С. 101.
[14] Цитируется по: Аксютин Ю.В. Указ. соч. С. 332.
[15] См.: Аксютин Ю.В. Указ. соч. С. 331.

общества всеобщего равенства и благоденствия?» получены следующие ответы:

Таблица № 4[16]

Ответ	1998 г.	1999 г.
Верили в коммунизм	51%	53%
Сомневались	5,5%	2%
Не верили	18,5%	16%
Не задумывались	2,5%	2%
Нет ответа	17%	17,5%

На вопрос «Верили ли вы обещанию построить коммунизм через 20 лет, т.е. к 1980 г.» (из тех, кто положительно ответил на первый вопрос) получены следующие ответы:

Таблица № 5[17]

Ответ	1998 г.	1999 г.
Верили	37%	37%
Сомневались	5%	5%
Не верили	26%	39%
Затруднились с ответом	1%	2%
Нет ответа	7,5%	3%

Согласно материалам опросов число веривших в коммунизм вообще (51-53%) в три раза превышало число не веривших (18,5-16%), однако провозглашенные на XXII съезде КПСС сроки его построения показались достижимыми только 35-37%. Несмотря на прошествие определенного количества лет, в результате сравнения с комплексом письменных источников, результаты исследования могут быть признаны достоверными, следовательно,

[16] См.: Там же. С. 333-335.
[17] Там же С. 336-339.

уверенность в неизбежности прихода к коммунизму уживалась со скепсисом по отношению к заявленным срокам.

Б.А. Грушин на основании собственных исследований общественного мнения 60-х гг. выделяет по отношению к коммунизму 5 групп населения: 1) люди, осознававшие себя активными строителями коммунизма, искренне разделявшие принципы этого движения и стремившиеся реализовать их на практике; 2) люди, осознававшие себя активными строителями коммунизма и хотя и не участвовавшие по тем или иным (преимущественно объективным) причинам в строительстве коммунизма, тем не менее активно поддерживавшие его принципы, испытывавшие к ним явный позитивный интерес; 3) люди, не ставившие под сомнение общую идею развития советского общества по направлению к коммунизму, более того, готовые активно участвовать в этом процессе, но не разделявшие принципов обсуждаемого движения, стоявшие в оппозиции (явной или скрытой) по отношению к нему, полагавшие, что у движения нет ни настоящего, ни будущего; 4) люди, участвовавшие в движении либо поддерживавшие его, однако делавшие и то и другое (в силу определенных политических, идеологических причин либо из соображений выгоды, стремления быть как все и т. д.) лишь формально, на словах, без сколько-нибудь искреннего желания строить коммунизм; 5) люди, стоявшие полностью в стороне от обсуждаемой проблематики – как правило, вовсе не верившие в победу коммунизма и, уж во всяком случае, не осознававшие себя участниками "коммунистического строительства"[18].

Позитивное отношение к коммунизму в различных группах советского общества также было связано с возможностью творчески переработать образы официального дискурса, этим могли заниматься не только писатели и публицисты, но и любой советский человек. Практически любой мог найти в глобальном коммунизме свой отдельный кусочек «светлого будущего». Для бюрократов коммунизм являлся дополнительным оправданием для расправ с

[18] См.: Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов: Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. Кн. 1. Эпоха Хрущева. М., 2001. С. 252.

непослушными гражданами, стремившимися ускользнуть от экономического (теневики, тунеядцы) и идеологического (некоторые представители интеллигенции, стиляги) контроля. Для поэтов-шестидесятников он выступал альтернативой будничному быту, господству рутины и был своего рода щитом в их своеобразной оппозиции новому классу[19]. П. Вайль и А. Генис добовляют к этому, художники-модернисты усмотрели в параграфах Программы разрешение свободы творчества. Академисты и консерваторы – отвержение антигуманистических тенденций в искусстве. Молодые прозаики взяли на вооружение пристальное внимание к духовному миру человека. Любителям рок-н-ролла открывались государственные границы. Перед приверженцами «Камаринской» — бездны патриотизма. Руководители нового типа находили простор инициативе. «Сталинские» директора – призывы к усилению дисциплины. Аграрии-западники разглядели зарю прогрессивного землепользования. Колхозные консерваторы – дальнейшее обобществление земли[20]. Все вышеизложенное позволяет не только разделить отношение населения СССР к коммунизму на позитивное и скептическое, но и предположить наличие большего разнообразия вариантов в рецепции официального дискурса.

Определенную роль в процессе «уверования» в коммунизм могла сыграть потребность человека в неком идеале, мечте, надежде на лучшее, которую можно было противопоставить действительности, как отметила Г.Н. Шербакова: «В хорошую жизнь в будущем верили, а как она будет называться – коммунизм или нет – для нас было не важно»[21]. В существовании множества разноплановых образов коммунизма можно видеть одно из объяснений стремления власти придать импульсу строительства коммунизма единообразие и унификацию, о чем писалось выше.

К тому же вера в «коммунистическое завтра», о которой люди заявляли как в 60-е, так и в 90-е гг. (что было выявлено в ходе социологического

[19] См.: Аксютин Ю.В. Указ. соч. С. 332.
[20] См.: Вайль П., Генис А. Указ. соч. С. 14
[21] Цитируется по: Аксютин Ю.В. Указ. соч. С. 333.

исследования), еще не определяла внутреннего содержания объекта веры. В «Крокодиле» приводилось высказывание одного человека о предстоящей жизни в коммунистическом обществе: «Вот это будет житуха! <…> Поди проверь, какие у меня способности. Кажу, что у меня их кот наплакал, и буду работать вполсилы! А по потребностям мне подай»[22]. Потребительское отношение к коммунизму, с которым нещадно пытались бороться всеми возможными способами, базировалось как на психологии отдельной личности, так и на мифологизации коммунистических перспектив. Процесс мифологизации начался еще в первые годы советской власти и заложил основы для дальнейшего восприятия официальных постулатов. В результате преображения идеологем ленинизма в крестьянском сознании складывался псевдорелигиозный тип миропонимания, в котором образы будущего выступали в языковых значениях традиционно христианской и марксистской терминологии. Марксистская терминология осваивалась в традиционно христианских смыслах. Образовывался ряд, в котором «социализм», «коммунизм» и «рай» оказывались тождествами. Тема «Коммунизм – рай земной», «Царство Божие на земле» была одним из часто употребляемых в прямом, а также метафорическом и неявном виде комплексов-индикаторов, зафиксированных в письмах крестьян[23]. Сравнивая содержание писем крестьян 20-х гг. и корреспонденцию, полученную в результате всенародного обсуждения проекта Программы партии, можно обнаружить множество совпадений. Так, изучая построения «народного теоретика» В.А. Вавилина, Н.Е. Шаповалова приходит к выводу, что даже при самом поверхностном прочтении в образах «светлого будущего» и путях его достижения обнаруживаются идеи, близкие тем характеристикам коммунизма, которые сформулированы в III Программе КПСС. Смысловая близость столь разных документов, по мнению исследователя, объясняется отнюдь не глубоким предвиденьем крестьянского теоретика, а содержанием и формой

[22] Шатров С. Указ. соч. С. 2.
[23] См.: Шаповалова Н.Е. Коммунистическая перспектива в представлениях крестьян Европейской части России (1921-1927 гг.). Дисс. канд. … ист. наук. Армавир, 2001. С. 62, 65.

«утопического» проектирования, что подтверждается массовыми представлениями о мировой революции и ее результатах как продуктах мифологического сознания[24].

Описание обращения населения к коммунистическому будущему как средству управления настоящим опирается на приводимые выше теоретические построения М.А. Барга. Официальный дискурс, отмечая элементы коммунистического общества в настоящем, ставил своей задачей закрепление и обоснование существующего положения дел. Население апелляцией к «светлому будущему» пыталось оказать давление на властные структуры для изменения ситуации и получения дополнительных благ. Расплывчатость определений в трудах классиков и партийных документах позволяла интерпретировать определенные цитаты в нужном русле. Поскольку опровергнуть классиков было невозможно, власти приходилось включаться в игру.

[24] См.: Там же С. 80-81.

§ 2. Варианты рецепции идеи коммунизма советским населением

Несмотря на то, что в построение коммунизма в 1980 г. верили не все граждане СССР, это не мешало им желать совершить как можно более быстрый рывок в «светлое будущее». Даже если совсем не верить в возможность завершения коммунистического строительства, то стремиться к коммунистическому изобилию можно. По словам Т.П. Кищенко, в 60-х гг. «вера в лучшую жизнь вовсе не означала веру в коммунизм»[25]. Понятный обычному человеку «потребительский коммунизм» был, как показывают письма и активная борьба с ним со стороны официального дискурса, одним из самых распространенных вариантов «светлого будущего». Выше отмечалось, что для населения самым популярным и распространенным был момент, выраженный в лозунге, в сознании большей части людей связанном с коммунизмом, — «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Поэтому Ю.М. Тихомиров своим письмом пытался закрепить в Программе партии следующее определение: коммунизм – это общество, где человек «волен работать или не работать вовсе»[26]. Стремление к распределению по потребностям порождало у некоторых граждан нетерпение, особенно это можно обнаружить в письмах людей пожилого возраста, которые говорили, что они, к сожалению, не смогут дожить до коммунизма и поэтому хотели уже во время своей жизни посмотреть на жизнь в будущем и насладиться коммунистическим изобилием. Так, группа участников Гражданской войны и революционного подполья на основании своих былых заслуг перед Родиной предлагала предусмотреть в Программе льготы для себя: «бесплатное жилье, бесплатный проезд на всех видах городского транспорта, лечение в санаториях»[27]. Некто Н. Князев писал: «Очень хорошо, что молодежь будет жить при коммунизме. Но людям старым, участникам революции, следует тоже дать это почувствовать – надо сейчас установить единую для всех пенсию по

[25] Цитируется по: Аксютин Ю.В, Указ. соч. С. 334.
[26] РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 302. Л. 84.
[27] Там же. Л. 161.

старости, освободить от платы за воду, свет, баню, кино и за проезд по городу»[28]. Некоторые люди предлагали уже в 60-х гг. перейти к бесплатному снабжению населения товарами первой необходимости – дешевым хлебом, спичками, солью и т.д.[29].

Официальный дискурс о коммунизме требовал от населения напряжения усилий и некоторых лишений, которые окупятся в будущем, а «потребительский коммунизм», наоборот, настаивал на том, что с построением социализма основные трудности в развитии уже преодолены и можно пользоваться плодами своего или чужого труда. Н.А. Чальян предлагал: «По мере достижения изобилия того или иного продукта переходить к его бесплатному распределению по потребностям»[30]. К тому же после опубликования проекта и его принятия XXII съездом КПСС по сути начинался обратный отсчет времени до наступления коммунизма, а значит, с каждым днем и часом коммунизм становился все ближе и ближе.

Необходимо подчеркнуть, что причина существования «потребительского коммунизма» заключается в его крайней доступности и понятности. Нормальный человек извлекал из текста Программы партии моменты, которые были для него близки и понятны. Современники отмечали, что для населения Советского Союза самыми впечатляющими положениями Программы партии были отнюдь не самые важные с точки зрения авторов. Все говорили о том, что будет бесплатный транспорт, бесплатные коммунальные услуги, бесплатные заводские столовые, а не о дальнейшем развитии принципов социалистической демократии. Данный факт объясняется тем, что Программу партии читали как художественный текст, в котором конкретные и внятные детали брали на себя функцию пересказа[31].

Тот факт, что советское население хотело знать свое будущее, и знать его как можно точнее, демонстрируют многие письма. Комсомолец А. Игошин еще в 1926 г. обращался к И.В. Сталину с просьбой, чтобы тот написал ему, как

[28] РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 75. Л. 4.
[29] РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 310. Л. 257.
[30] Там же. Д. 302. Л. 10.
[31] См.: Вайль П., Генис А. Указ. соч. С. 16-17.

лучше понять и представить себе коммунистическое общество. В письме был обозначен мотив обращения к И.В. Сталину: «Вы дадите нам оружие, которое поможет разогнать всю муть и увидеть во всей наготе коммунистическое общество, которое идет или нет?»[32]. В 60-х гг. поступали аналогичные просьбы: уже не в ответном письме, а в тексте Программе партии предлагали дать более детальное описание коммунистического общественного устройства и общежития[33]. Помимо общей конкретизации коммунистического общества целиком, поступало значительное количество писем с просьбой уточнить частные вопросы коммунистического образа жизни. Следовательно, можно выявить еще одну бинарную оппозицию в рецепции образа коммунизма. Нечеткость официального дискурса подвигали часть людей на творческую активность, дабы своими силами более четко очертить «светлое будущее» и создать на базе официального свой собственный образ коммунизма. По этому поводу комиссия, занимавшаяся обобщением поступивших писем, сделала следующее заключение: «Авторы некоторых писем на многих страницах формулируют свои, отличные от содержащихся в проекте, теоретические положения и предлагают даже целые разделы проекта Программы в собственных редакциях. Предлагаемые ими формулировки в большинстве случаев идут вразрез с основами марксистко-ленинского учения и свидетельствуют о недостаточной теоретической подготовке их авторов»[34].

Другая часть населения была вынуждена находиться в рамках расплывчатого образа коммунизма и обращением к власти пыталась обозначить будущее, которое определяло поведение в настоящем. Неопределенность с коммунизмом и его трактовкой населением была частично порождена официальным дискурсом и его противоречивостью. В письме В.Е. Виноградова описывается случай, произошедший в парторганизации г. Измаила, когда там обсуждался проект Программы партии и Устав КПСС. Один из коммунистов внес в проекты несколько незначительных поправок. Другой коммунист

[32] Цитируется по: Шаповалова Е.Н. Указ. соч. С. 75.
[33] РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 302. С. 2.
[34] Там же. Д. 298. Л. 24.

заклеймил эти поправки как «вражеский наскок на линию партии, как бухаринщину». В ответ коммунист, вносивший поправки, назвал «врагом коммунизма» того «бдительного» товарища. В обоих случаях оппоненты ссылались на Устав КПСС, только на разные пункты. В заключение автор письма задается вопросом: «Вот и разберись, — кто враг коммунизма, а кто — друг»[35]. Трудность восприятия официального образа побуждала некоторых людей обращаться с предложением более понятно изложить основные идеи Программы партии. Так, например, предлагали для большей наглядности, лучшего восприятия и доступности снять кинофильм в 4-х сериях «Программа КПСС»[36]. Вносилось предложение о введении курса научного коммунизма в высших учебных заведениях[37]. Другие граждане, отмечая, что текст Программы партии рассчитан на сравнительно подготовленного читателя, считали абсолютно необходимым издать краткое популярное изложение проекта Программы партии для самого широкого круга читателя[38], а Н.Н. Рипов предлагал выпустить коммунистические «молитвенники» и «евангелие» — популярные всеобъемлющие политобразовательные учебники для коммунистов и изучать их «как таблицу умножения»[39].

Правда, существовала группа людей, в первую очередь, представители различных интеллектуальных профессий — экономисты, историки, обществоведы и т.д., которые являлись носителями довольно редкого варианта «народного коммунизма». Этот вариант можно обозначить как «теоретический коммунизм», очень близкий официальному дискурсу. Носителей «теоретического коммунизма» интересовали сугубо общие вопросы. Собственно, носителями такого варианта, в силу своего двойственного положения, были и сами разработчики Программы партии, что обусловлено в значительной степени их профессиональной деятельностью. Сторонние от разработки Программы носители «теоретического коммунизма» выделяются из

[35] РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 73. Л. 97.
[36] РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 302. Л. 22.
[37] Там же. Д. 300. Л. 198.
[38] Там же. Д. 303. Л. 53.
[39] Там же. Д. 300. Л. 79.

«официального коммунизма» именно в силу своей прямой непричастности к официальному дискурсу, хотя говорили они на языке официального дискурса. Например, они размышляли о нескольких фазах коммунизма, о чем официальный дискурс только намекал. Они писали, что нужно дополнить теорию научного коммунизма новой, третьей фазой коммунизма, где будет завершено коммунистическое строительство[40], а в Программе партии нельзя ограничиваться установлением двадцатилетнего срока, а нужно предусмотреть построение полного коммунизма[41].

Возвращаясь к анализу «потребительского» варианта образа коммунизма, необходимо отметить, что имеющиеся источники позволяют провести разделение «светлого будущего» еще на два варианта: индивидуальный и общественный «потребительский коммунизм». В первом случае главными признавались личные потребности одного конкретного человека – автора послания. В сводке поступивших писем группа, в которой выделяется индивидуалистический вариант, охарактеризована следующим образом: «Имеются письма, появление которых обусловлено, видимо, личной неустроенностью, бытовыми трудностями, носящие по существу характер жалоб»[42]. Зачастую личное неблагополучие авторов писем и их жалобы на свое положение в посланиях связывалось с коммунизмом. Примером может служить письмо О.Д. Гордова, где он, жалуясь на отсутствие в своем районе бани и прачечной, пишет: «Очевидно, через 20 лет, т.е. при коммунизме, люди вообще не будут мыться, если нас уже сейчас лишили этого элементарного гигиенического удобства»[43]. Таким образом, человек, обращаясь к официальным властям, апеллировал к коммунистическому будущему как к некому идеалу общественного устройства, для того чтобы изменить свое настоящее. Помимо вполне обоснованных просьб по улучшению жилищных, продуктовых и других бытовых условий, попадаются весьма курьезные послания, демонстрирующие крайнюю степень «индивидуалистического

[40] Там же. Д. 302. Л. 88.
[41] Там же. Д. 320. Л. 2.
[42] Там же. Д. 298. Л. 24.
[43] Там же. Ф. 599. . Оп. 1. Д. 211. С. 40.

потребительского коммунизма». Некоторые трудящиеся интересовались, будут ли при коммунизме бани и нельзя ли в 60-х гг. уже ввести бесплатное пользование ими[44]. Н.Я. Прилепов из Риги в своем письме обращал внимание на необходимость по мере продвижения к коммунизму улучшать сбор сырья с населения, поскольку в 60-х гг. «с населения принимаются только утильсырье, макулатура, металл и бутылки исправные, отечественные. Отечественные я называю потому, что другие бутылки из братских стран не принимаются, а их очень много у нас»[45].

«Общественный потребительский коммунизм» заключался в получении благ не только конкретным индивидом, но и всем обществом в целом. Н.И. Шершов предлагал в течение 5 лет обеспечить гражданам Советского Союза и приезжающим в Советский Союз выдачу хлеба стоимостью до 17 к. за 1 кг бесплатно[46]. А Б.Л. Кербер прямо указывает, что он представляет себе коммунистическое общество не как общественную формацию, в условиях которой можно будет кушать все, что хочешь, и в неограниченных количествах. Это, на его взгляд, наименее значимая сторона, «но вот возможность быстро связаться по телефону в любое время суток как по служебным, так и по личным вопросам — это одно из очень важных обстоятельств»[47]. Собственно, такой вариант «потребительского коммунизма» в значительной степени пересекался с официальным образом и образами в редакции ряда медиаторов, о которых речь шла во второй главе. Предполагалось, что свойственное всей коммунистической формации противоречие между постоянно растущими потребностями членов общества и достигнутым в каждый данный момент уровнем производства должно было составить могучий стимул развития общества по пути прогресса[48]. Естественно, что для нормального взаимодействия официального и народного образов коммунизма

[44] Там же. Ф. 586. Оп. 1. Д. 300. Л. 32.
[45] Там же. Л. 73.
[46]Там же. Л. 3.
[47] Там же. Ф. 599. Оп. 1. Д. 179. Л. 42.
[48] Там же. Д. 219. Л. 6-7.

«общественный потребительский» вариант не должен был выходить за определенные границы.

Наличие в трактовке населением коммунистических перспектив индивидуалистическо-потребительского варианта мешало достижению коммунизма не только согласно официального дискурса. Сами советские граждане указывали, что такое мировоззрение не позволит выполнить поставленные Программой партии задачи, а тем более в установленные сроки. Студент А.С. Вершинин в своем письме выражал сомнение в том, что «наше поколение будет жить при коммунизме, считал это невероятным, так как еще слишком низкий уровень сознания и общей культуры населения»[49]. Ю.В. Аксютин в своей работе приводит следующие высказывания советских людей: «С нашими людьми строить коммунизм нельзя», «С такими людьми коммунизм не построить», «Коммунизм – это когда народ сознательный, бескорыстный, патриот своей родины», «Ни фига мы не построим, все пропьем», «С нашим народом нельзя коммунизм построить, надо перевоспитать сначала»[50].

Задача создания «нового человека» как непременное условие перехода к коммунистическому обществу присутствовала и в официальном дискурсе, и в народных представлениях. Уже отмечалось, что такой «новый человек» должен нести в себе черты героя. В советском пантеоне героев можно выделить две большие группы. К первой относятся герои «трансцендентального» типа, которых можно было увидеть только на фотографии в газете или в передаче по телевизору. Эти герои, в основном, занимались расширением границ, будь это в космосе, науке или технике. Помимо них присутствовали герои повседневной жизни, которые своим образом жизни и на своем небольшом участке строили коммунизм. Герой – воплощение «нового человека», своеобразный посланец будущего, перенесенный во имя спасения народа в настоящее, где он должен показать путь в будущее. Он обладает двойственностью – выведен «из народа»,

[49] Там же. Ф. 586. Оп. 1. Д. 303. Л. 14.
[50] Цитируется по: Аксютин Ю.В. Указ. соч. С. 336-337.

является плотью от плоти его, а с другой стороны, является индивидуальностью, тем эталоном человека и жизни, к которому может и должна приближаться народная масса[51]. Такими носителями прогрессивного образа жизни, призванного открыть дверь в «светлое будущее», в народном представлении должны были выступать даже не передовики производства и герои труда, а члены КПСС.

Человек, вступивший в партию, воспринимался как приобщенный к некоему «тайному братству», куда допускались только «избранные». Принятие в ряды коммунистов, как своеобразная инициация, должно было окончательно очистить человека от всего негативного, и своим сознанием он уже должен был находиться в коммунизме. В немалой степени именно Коммунистическая партия всячески подчеркивала и распространяла такую точку зрения. В очередной раз продемонстрируем, что некоторые элементы «народных коммунизмов» имели свои аналогии еще в 20-е гг. XX в. Вот какие строчки можно обнаружить в письме И.А. Выдрина в «Крестьянскую газету» от 5 мая 1928 г.: «Тот должен быть коммунистом, кто служит и работает исключительно для коммунистического хозяйства, он не должен иметь ни дома, ни одежды, ни сондука [сундука] своего, а только должен удовлетворяться общим <…> пищей и одеждой»[52]. Через 40 лет в ходе всенародного обсуждения проекта Программы партии ряд товарищей высказывал мысль, что коммунисты должны отказаться «в пользу государства от своих прав на имеющееся у них ценное движимое и недвижимое имущество, как-то: дома, дачи, автомобили»[53]. Поступало множество писем, в которых выражалось пожелание учредить нагрудный значок члена КПСС, поскольку такой значок должен был, по мнению авторов, способствовать повышению ответственности члена партии всюду, где бы он ни находился – на работе, в быту[54]. Коммунист в народном сознании не должен был быть обременен бытовыми заботами, которые могли отвлечь его от строительства коммунизма. Подобно некоторым монашеским

[51] См.: Шаповалова Н.Е. Указ. соч. С. 165.
[52] Цитируется по: Шаповалова Н.Е. Указ. соч. С. 70.
[53] РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 302. Л. 19.
[54] РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 74. Л. 62.

орденам, коммунисты должны были принять своеобразный «обет бедности», противостоя, таким образом, самой сути индивидуалистического варианта «потребительского коммунизма».

Особое место, наряду с коммунистами, занимали комсомольцы, в представлении 60-х гг. более близкие к «новому человеку», чем коммунисты. Комсомольцы как будущие коммунисты якобы уже прониклись основополагающими идеями марксизма-ленинизма и, как молодое поколение, выросшее в новых общественных условиях, были свободны от многих предрассудков прошлого. Своим личным поведением они должны были показывать пример соблюдения норм коммунистического общежития, особенно в строительстве нового быта. «Именно здесь велика роль молодежи, которая заново воспринимает бытовые черты, свободна от старых бытовых предрассудков. Комсомол должен возглавить борьбу молодежи за коммунистический быт»[55].

Демонстрация возможности существования элементов коммунистического общества в сознании определенной части населения должно было способствовать воплощению коммунистических перспектив в действительность. Коммунисты, отказавшиеся от своих имущественных прав, должны были демонстрировать возможность и преимущества общественного удовлетворения потребностей. Уже отмечалось, что с опубликованием проекта Программы партии начался обратный отсчет времени и часть населения хотела уже в 60-х гг. частично воплотить коммунизм. Причем частичное воплощение подразумевало как постепенное внедрение коммунистического принципа распределения, о чем писалось выше, так и его географическую локализованность: коммунизм в Советском Союзе предполагалось создавать первоначально не повсеместно, а в отдельных местах. В письмах имеются предложения приступить к строительству образцово-показательных предприятий и организовать широкое распространение их опыта[56], а также

[55] РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 22. Л. 13.
[56] РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 81. Л. 114.

«начать в виде эксперимента создание баз, районов и коллективов, где будут иметь место коммунистические отношения людей в производстве и в быту <…> образовать на территории СССР опытные районы коммунизма с участием всех рас и всех классов нашей планеты, обеспечив эти районы всем необходимым»[57]. И. Романов при определенных условиях брался «возглавить, построить и сформировать производственный коллектив тысяч на пять рабочих с коммунистическим укладом общественной жизни на базе одной из новостроек»[58].

Более четкое выражение идеи наглядного, но территориально ограниченного коммунистического образа жизни можно обнаружить в двух письмах. Тов. Заброда предлагал: «В течение ближайших пяти лет, т.е. с 1962 по 1966 год, построить в различных местах на территории союзных республик СССР — в каждой ССР по одному, — по типовым проектам, характеризующим национальные особенности архитектуры республики, пятнадцать образцово-показательных городов-коммун. Люди, работающие в этих городах, отбираются проверочной комиссией ЦК КПСС. С 1968 г. все остальные граждане СССР, а также туристы из-за границы могут знакомиться с условиями и порядками в этих городах-коммунах»[59]. Е.И. Тимошенко обратился в редакцию «Комсомольской правды» со следующим соображением: «Где-нибудь в Сибири, на берегу Лены или Енисея, построить коммунистический город-лабораторию по всем правилам коммунизма, во всем отличающийся от современных городов. В этом городе, по-моему, должны жить только люди, которые по своим моральным и душевным качествам вполне соответствуют требованиям этих правил и принципов. Нельзя допускать в этот город пьяниц и хулиганов, с тем чтобы там их воспитывать. В основном, жителями этого города должна быть молодежь, чтобы как можно резче отделиться от всего старого, к сожалению еще имеющегося в жизни нашего социалистического общества. А такие коммунистические люди, новые люди, у нас уже есть. Вот и

[57] РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 302. Л. 86.
[58] Там же. Д. 298. Л. 146.
[59] Там же. Л. 142.

собрать их в один город, а потом все будут туда ездить, смотреть на их жизнь и загораться желанием жить так»[60]. В приведенных отрывках из писем явно проступают черты классической утопии наподобие «Города Солнца». Оба варианта народной утопии преследовали дидактические цели, описывая воплощенный в жизнь коммунистический уклад, они наглядно демонстрировали, насколько лучше будет жить в будущем.

В значительной степени построение коммунизма воспринималось в непосредственной связи с развитием производственно-бытовых коммун. В редакцию журнала «Коммунист» поступали письма о том, что «коммунистическое общество в высшей фазе своего развития будет состоять из производственно-бытовых коммун. Коммуны являются основным звеном коммунистического общества, организации, посредством которой будет практически осуществлен коммунистический принцип "от каждого по способностям, каждому по потребностям"»[61]. Е.А. Лиокумович в своей работе отмечает, что «коммунизм представлялся как жизнь в условиях всеобщего благоденствия, изобилия в братском единстве и без государственной власти. Это была утопия возврата к общине, что и было верным пониманием слова "коммуна"»[62].

Идею обобществления имущества и использования коммун как трамплина для прыжка в «светлое будущее» можно обнаружить не только в 60-е гг., но и в первые годы советской власти, и даже в более ранний период в практике «утопических социалистов», а также в сильной общиной традиции, характерной для народного сознания. Иногда стремление к равенству и стиранию всяческих различий приобретало на практике комические формы. Так, Ф. Панферов, посетивший в 20-е гг. коммуну «Пролетарская воля» недалеко от Пятигорска, вспоминает, как захотел расспросить одну из коммунарок:

- Как ее фамилия? – спрашиваю председателя.

[60] Цитируется по: Струков Э.В. Человек коммунистического общества. М., 1961. С. 49-50.
[61] РГАНИ. Ф. 1.Оп. 4. Д. 81. Л. 79.
[62] Лиокумович Е.А. Диссидентская утопия в советском культурном пространстве. Дисс. … канд. филосов. наук. М., 2005. С. 51.

- Фамилия? А у нас же частные фамилии ликвидированы. Единая у всех фамилия. Эта доярка Анна Пролетволя. Тут вон, на углу, Тихон Пролетволя. Я Николай Пролетволя. Так-то![63].

Создание изолированных от повседневной советской действительности поселений, обеспеченных всем необходимым, своеобразных анклавов справедливой жизни и всеобщего равенства, должно было предотвратить возможность морального падения кандидатов на роль «нового человека», одновременно, подобно линзе, фокусируя их стремления в одну точку.

Одним из главных положений в идее коммуны была справедливость, основанная на полном равенстве. Призывы к возрождению коммун, в которых отсутствует имущественное расслоение, и обращения к коммунистам отказаться в пользу общества от своего имущества, что тоже можно расценивать как некий вариант коммуны в масштабах целой страны, реализуют стремление населения к равенству и социальной справедливости.

Стремление к равенству и справедливости было обусловлено несоответствием образов, которые транслировала официальная власть, с образами, возникающими на основе восприятия населением окружающей обстановки. Например, С. Рудик, не обнаружив в проекте Программы партии прямого указания на отмену паспортной системы, спрашивал: «Неужели в коммунизм наши дети придут с паспортами и милицейскими прописками? Паспортная система, ограничивающая для советского гражданина право свободного выбора местожительства, никак не вяжется с тем новым отношением к труду, которое будет у человека в период коммунизма»[64]. Нетерпение в ожидании обещанного «земного рая» не могло примириться с неустроенностью и бытовыми проблемами. Стремление к равенству как основе справедливого устройства общества, по материалам источников, в значительной степени основывалось на восприятии частью населения советской социальной системы как иерархической, где коммунисты и

[63] Панферов Ф. Что такое коммунизм // Октябрь 1960 № 1 С. 106.
[64] РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 72. С. 23.

руководители занимают место на вершине. Многие противопоставляли простых тружеников руководству из числа коммунистов, паразитирующих на пролетариате, наживающих себе нечестным путем излишки благ, в то время как основная масса советских граждан зачастую испытывала дефицит основных продуктов. Б.И. Дунаевский предлагал выработать научно-обоснованные нормы, определяющие допустимый предел личной собственности, закрепить его специальным решением ЦК, ввести ответственность за превышение коммунистами этих норм, отменить закрытое распределение, которое распространяется и дает преимущества как раз наиболее обеспеченным категориям трудящихся[65]. С.И. Мажников выражает ту же мысль, отмечая существование в СССР некой «новой эксплуатации»[66]. До этого бытовала народная расшифровка аббревиатуры ВКП (б) — всеобщее крепостное право (большевиков). В свете этого можно понять авторов писем, предлагающих переименовать КПСС в ЛКПСС (Ленинская Коммунистическая Партия Советского Союза)[67], что подтверждает следующее предположение: образ В.И. Ленина неразрывно связывался с коммунистическим строительством и одновременно мог противопоставляться сталинской эпохе.

Призывы к созданию коммун и обобществлению имущества зиждились не только на восприятии коммунистов как «новых людей», для которых имущество уже неважно, но и на негативном отношении к разрыву в положении между различными группами населения при постоянном постулировании идей бесклассового общества без привилегированных слоев в советском обществе, где преимущества даются только за личные заслуги. Если некоторые авторы писем предлагали коммунистам добровольно отказаться от своего имущества, то другие настаивали на изъятии[68]. Наибольшее раздражение у населения вызывало такое имущество, которое в Советском Союзе воспринималось как особая роскошь: автомобили, дачи, частные дома, гаражи и т.п. В адрес различных организаций поступило более 100 предложений с

[65] РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 174. Л. 46.
[66] Там же. Ф. 586. Оп. 1. Д. 298. Л. 50.
[67] РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 74. Л. 62.
[68] РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 298. Л. 36.

идеями изъятия имущества. К.В. Белкин в своем послании указывал, что в проекте Программы «мало сказано о непомерной личной собственности, которая как палка в колесе коммунизма. Дачники, “садоводы”, владельцы автомашин подобны паразитам на здоровом теле строителей коммунизма. Они удлиняют путь к нему»[69]. Некоторые авторы развивали данную мысль, дополняя ее не только предложением одномоментного изъятия, но и запретом на дальнейшую продажу автомобилей, и изданием закона, запрещающего иметь собственные дома и сдавать жилье в наем[70]. Особое неприятие вызывали люди, которые получали нетрудовые доходы от сдачи своих домов на юге в курортный сезон, поскольку они одновременно были и частновладельцами и спекулянтами. Получение доходов нетрудовым путем отдельными гражданами, в то время как остальные прикладывали значительные усилия не только для строительства коммунизма, но и для собственного благополучия, также вызывало недовольство. Поэтому население жаждало справедливости и в финансовом вопросе. Поступали предложения проверить источники доходов всех вкладчиков в сберегательных кассах, и «деньги, нажитые нечестным путем, передать государству для использования на строительство коммунизма»[71], а в будущем постепенно заменить наличные деньги «именными лимитными книжками»[72].

Всех тех, кого на своих страницах высмеивал «Крокодил», простой человек видел в своей жизни. И неприятие к людям, имеющим благосостояние, выливалось, в соответствии с коммунистическими идеями уравнительства, в ожидание экспроприации в духе первых лет советской власти. Многие трудящиеся спрашивали, почему бы не ограничить уровень зарплаты высокооплачиваемых работников и за этот счет повысить ее у низкооплачиваемых[73]. Все то богатство, которое производило народное хозяйство СССР, должно было оседать где-то, если оно не доходило до

[69] РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 72. Л. 37.
[70] РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 302. Л. 26.
[71] Там же. Л. 176.
[72] Там же. Л. 12.
[73] Там же. Д. 299. Л. 111.

обычного человека. С.К. Игнатюк в своем письме выразил данную мысль следующим образом: «Одни уже сейчас имеют по потребностям и им не страшны 20 лет, а другие должны терпеть недостатки»[74]. Г. Наканов писал, что руководители «утрачивают вкус к борьбе за счастье народа, за коммунизм. Если бы они были такими же простоватыми и наивными, как Галушка из "Калиновой рощи" Корнейчука, то они сказал бы, наверное: "Какой вам еще коммунизм нужен, мы и так уже в коммунизме"»[75]. Значит, те, кто пользуется этими богатствами, своим стремлением к излишкам и роскоши мешают осуществлению Программы партии. И если просто изъять все несправедливо нажитое имущество и распределить его среди остального населения, согласно логике общины или коммуны, это будет практически коммунизм.

Подобная позиция советских граждан может быть рассмотрена как аналогия действиям жителей Англии XVIII вв., описанным в работе Э. Томпсона. Он указывает, что народные восстания, возникающие из-за повышения цен или нехватки продовольствия, протекали в рамках народных представлений о законности или незаконности чего-либо. Общее согласие относительно этих представлений было основано на традиционном понимании социальных норм, а также на представлениях о хозяйственных функциях, долге и особых обязанностях некоторых членов общества. Сумма этих представлений и составляла то, что автор называет «моральной экономией бедноты» (moral economy of the poor). Грубые нарушения этих основных моральных понятий вызывали волнения столь же часто, сколь и действительная нужда. И главной целью бунтов было восстановление строгого соблюдения норм этой «моральной экономии»[76].

Все, что не устраивало советского человека в его жизни, автоматически не соответствовало коммунистическому идеалу, а значит, мешало его достижению и в период «развернутого строительства коммунизма» должно быть изжито, причем как можно скорее. Кроме того, резкое неприятие многих

[74] Там же. Д. 302. Л. 150.
[75] Там же. Ф. 599. Оп. 1. Д. 172. Л. 37.
[76] См.: Оболенская С.В. Философия практики, революция и история // http://www.situation.ru/app/j_art_725.htm

людей, чей социальный протест под воздействием проекта Программы партии выражался в апелляции к коммунистическому будущему как идеалу справедливости, вызывало игнорирование частью населения одного из принципов «Кодекса строителя коммунизма»: «кто не работает, тот не ест». При этом под трудом подразумевался физический труд, и поэтому работники умственного труда, особенно бюрократы и руководители, воспринимались как лодыри и нахлебники. Недовольные этим авторы предлагали ввести порядок, при котором каждый руководящий работник должен был отработать один месяц в году в качестве рабочего[77]. Или вообще ввести обязательный труд для всех трудоспособных граждан, в том числе для всех трудоспособных женщин, поскольку крайне нетерпимым считался тот факт, что многие женщины, являясь женами состоятельных людей и имея дипломы об образовании, не работают[78]. Если официальный дискурс выстраивал коммунистические перспективы, исходя из постепенного сближения умственного и физического труда посредством облегчения физического и подъема его до умственного, то народная «коммунистическая справедливость» воспринимала официальный лозунг как руководство к действию и ожидала скорейшего вовлечения всех людей в трудовой процесс. Наиболее радикальное воплощение стремления к борьбе с тунеядцами можно обнаружить в письме К.К. Лавренко, который призывал упразднить такой «рассадник тунеядства», как 3 группа инвалидности[79].

В контексте народного стремления привлечь к физическому труду как можно большее количество населения и, в первую очередь, восстановить справедливость, заставив работать тех, кто уклоняется от физического труда, выявляется отдельная тема, одновременно связанная с национальными отношениями в СССР. Некоторые авторы в этом контексте поднимали еврейский вопрос. В. Сыроваткин писал: «Евреи являются в СССР привилегированной нацией, т.к. они занимаются только умственным или

[77] РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 298. Л. 48.
[78] Там же. Д. 302. Л. 10.
[79] Там же. Д. 299. Л. 230.

легким трудом и не работают в шахтах, у станков, на тракторе и т.д., поэтому дружба с ними невозможна»[80]. Показательно, что в сознании автора евреи выделяются из категории советских граждан, с которыми либо можно дружить, либо нельзя, это подчеркивает инородность евреев в рамках Советского Союза. Поэтому нет ничего удивительного в том, что дальше В. Сыроваткин предлагает или выселить всех евреев в Израиль, или собрать их в автономной области.

Отметим, что представители еврейской диаспоры, апеллируя к провозглашаемому в СССР интернационализму, жаловались на разнообразные проявления антисемитизма на улицах, в трамваях, в квартирах, в учреждениях и т.д., с которыми необходимо было, по их мысли, вести непримиримую борьбу[81]. Тем самым коммунистические перспективы для двух точек зрения, по еврейскому вопросу отчасти являлись средством самозащиты и отстаивания своих интересов.

Вопрос об антисемитизме, в силу исторического опыта, был наиболее ярко выраженным, но находился в одном ряду с проблемой нации в коммунистическом будущем. Официальный дискурс в данном вопросе пытался соединить две тенденции. С одной стороны, по мере развития общественных отношений на коммунистических началах должно было происходить стирание всяческих различий, что привело бы к сближению различных наций на основе коммунистической культуры. С другой стороны, прямое постулирование курса на унификацию наций могло быть воспринято как проявление русского шовинизма и покушение на самобытность наций. В условиях существования разнообразных национальных ССР это могло привести к возникновению противоречий и разобщенности, что, в свою очередь, мешало бы выполнению задач коммунистического строительства, для которого необходимо было сплочение всего населения СССР. Поэтому официальная точка зрения пыталась

[80] Там же. Д. 301. Л. 26.
[81] Там же. Л. 25.

отразить оба варианта или вообще говорила о невозможности предсказать развитие национальных отношений в коммунистическом обществе.

Народные представления в этом вопросе были более конкретны, для многих людей предсказание судьбы нации в будущем и даже настоящем не составляло труда. Некоторые развивали идею о том, что русский язык можно сделать государственным и он может заменить все остальные языки СССР, а переход на один язык для всех народов ускорит построение коммунизма[82]. Другие прямо предлагали указать в тексте Программы конечную цель решения национального вопроса, т.е. перспективу полного слияния наций при коммунизме[83]. Третья группа авторов, напротив, всячески настаивала на сохранении национальных культур. В коллективном письме из Киева предлагалось ввести обязательное изучение родного языка (украинского) и в течение двух-трех лет перевести на украинский преподавание всех дисциплин в высших и средних специальных учебных учреждений[84]. В.И. Ухалов и О.Ж. Кушкабаев призывали вести борьбу против насильственной ассимиляции малых народов, проявление которой они видели в том, что многие представители различных национальностей считают своим родным языком русский[85]. Для некоторых коммунистическая свобода и самоорганизация распространялась и на национальные отношения, соединяясь с рядом национальных проблем, и порождала высказывания о том, что определение национальности по биологическим признакам является пережитком и необходимо разрешить советским людям самим решать вопрос о национальной принадлежности[86]. Ситуация в настоящем транслировалась на будущее устройство и одновременно соотносилась с идеализированным образом коммунистического общежития.

Возвращаясь к восприятию населением труда как неотъемлемой составляющей строительства коммунизма, надо отметить, что тунеядству части

[82] Там же. Л.7.
[83] Там же. Л. 14.
[84] Там же. Л. 8.
[85] Там же. Л. 8.
[86] Там же. Л. 10.

населения в сознании людей противостоял трудовой энтузиазм. Выше говорилось о героическом ореоле «передовиков производства», наиболее ярко проявившемся в движении «бригад коммунистического труда». Даже благодаря искусственному стимулированию роста этих бригад, они составляли ничтожную часть от общего числа людей, занятых в производстве, и служили лишь показательным примером для всех остальных. Несмотря на широкую пропаганду данного почина, трудность с его восприятием возникала не только у Н.С. Хрущева, но и участников этого движения[87], что было зачастую связано с формализацией движения и его неразработанностью. Но говорить о полной неэффективности данного пропагандистского шага не совсем корректно, поскольку определенная часть жителей усваивала транслируемые идеи. Предлагали указать в Программе партии необходимость постепенного привития населению навыков к бесплатному труду на пользу общества[88]. С. Мамедов в своем письме в редакцию «Правды» писал, что в Программе партии необходимо дать определение понятия коммунистического труда и указать, что образец нового отношения к труду являют ударники и коллективы коммунистического труда[89]. Подобная точка зрения находится в рамках официального дискурса, и проблематично выявить, насколько глубоко проникла идея в сознание автора. Возможно, данное письмо является просто ритуальным заверением автора в верности партийному курсу. Гораздо интереснее для целей данного исследования предложения, которые отличаются от комплекса идей, порожденных официальным дискурсом.

Согласно III Программе КПСС, постепенное развитие науки и техники приведет к совершенствованию орудий труда, автоматизации производства, что позволит существенно сократить рабочий день примерно до 3-4 часов. Та часть населения, которая являлась носителем «потребительского» коммунизма, положительно отнеслась к этому тезису, но «энтузиасты» предложили альтернативный вариант. Они намеревались сократить сроки построения основ

[87] См.: Грушин Б.А. Указ. соч. С. 255.
[88] РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 302. Л. 10.
[89] Там же. Л. 200.

коммунизма в СССР путем более производительного и целеустремленного труда и решительной борьбы против всего, что мешает строительству коммунизма[90]. В письмах можно найти предложения не проводить дальнейшего сокращения рабочего дня. П.М. Буровцев прямо писал: «Не сокращать рабочий день в нашей стране до тех пор, пока не будет создана материально-техническая баз коммунизма»[91]. Труд в течение 7-го и даже 8-го часа работы предполагалось использовать для расширения производства материальных благ и укрепления обороноспособности страны или сэкономленные на этом средства направить на поднятие зарплаты низкооплачиваемым категориям работников и на пособия многодетным семьям. Возникала даже идея ввести «час коммунистического труда», дополнительный час рабочего времени, который не будет оплачиваться, а созданные за этот час средства должны были бы передаваться в распоряжение государства[92]. В целом, подобные идеи свидетельствуют о стремлении распространить практику бесплатного труда, примером которого могли выступать «коммунистические субботники», которые изначально и задумывались как своеобразная школа коммунистического труда и средство помощи в развитии народного хозяйства. Повседневным выражением коммунистических принципов труда, заключенных в практике «коммунистических субботников», как уже отмечалось, на рубеже 50-60-х гг. стали «бригады коммунистического труда».

Иногда идея дополнительного рабочего времени соединялась с «потребительским» вариантом коммунизма, порождая еще одну позицию, противостоящую официальным перспективам. С.М. Антропов в своем письме отмечал, что он никогда не слышал от рабочих жалоб на длительный рабочий день. Жалобы, в основном, были связаны с отсутствием и дороговизной продуктов питания и товаров народного потребления. Поэтому, по его мнению, было бы разумно за счет 7 или 8 часа работы обеспечить население

[90] РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 298. Л. 43.
[91] РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 72. Л. 5.
[92] РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 302. Л. 9-10.

необходимыми товарами[93]. О.Г. Торосян предпочел бы работать не по 8 часов за 69 р. в месяц, а по 12-14 часов и не видеть своих детей в нужде[94]. Разница между двумя позициями заключатся в том, для кого эти дополнительные блага будут создаваться. «Энтузиасты» готовы были работать ради всего общества, испытывая в своем настоящем трудности и лишения ради скорейшего завершения строительства основ коммунизма, где уже не будет глобальных проблем. «Потребители» хотели немедленной отдачи от своего труда, причем отдачи весьма конкретной, не в виде роста производства станков или стали на душу населения, а такой, которую можно ощутить своими руками и желудком.

«Коммунистическое нетерпение», бытовавшее среди части населения, выражалось не только в стремлении уже в настоящее ввести элементы коммунистической жизни, но и, как уже отмечалось, «героическим» трудом и беспощадной борьбой с негативными пережитками прошлого досрочно «ступить в светлое здание коммунизма». 20-летний срок многим казался слишком долгим. С энтузиазмом, желанием работать и верой в «светлое будущее», имея Программу партии, можно было сократить срок построения коммунизма на 5-10 лет. А.И. Миссавров предлагал записать в тексте III Программы КПСС, что ликвидация частной собственности и замена ее общенародной осуществится за 5 лет, но «советский народ идет вперед, не задерживаясь на достигнутом, и бессомненно построит коммунистическое общество за 10 лет (1961-1970 гг.)»[95]. «Товарищ Сирадзе» был более острожен в своих прогнозах, говоря о сроке в 15 лет, зато отмечал, как это можно сделать. Средства для этого можно было найти за счет сокращения непроизводственных расходов на производстве: он предлагал организовать более эффективный учет и отчетность, реорганизовав партийный и государственный аппарат, иначе, по его мнению, «коммунизм для нас превратится снова в мечту»[96].

Вопрос труда был связан с пенсионным обеспечением. Конец 50-х гг. ознаменовался пенсионной реформой, которая сократила возраст и срок

[93] Там же. Л. 139.
[94] Там же. Л. 139.
[95] Там же. Л. 86.
[96] Там же. Л. 86.

трудового стажа, необходимого для получения государственной пенсии. Но население вошло во вкус и ждало, что с принятием Программы партии этот процесс продолжится и в недалеком будущем произойдет еще одна пенсионная реформа, а письмо в газету, с выходом на коммунистическую тематику, должно только этому поспособствовать. Значимость для населения пенсионного вопроса демонстрирует тот факт, что с 21 августа по 26 октября 1961 г. группа, занимающаяся обработкой корреспонденции, получила 971 предложение, касающееся вопросов социального обеспечения. Из них 97 было связано со снижением возраста для назначения пенсии по старости, 72 — с необходимостью снизить пенсионный возраст для женщин, и в 55 предлагалось выплачивать пенсию не по достижении определенного возраста, а по трудовому стажу[97]. Н.И. Милов в наукократическом духе предлагал выплачивать пенсию по старости, исходя не из возраста, а по «физиологической изношенности организма, которая свойственна старикам»[98]. Пенсионный вопрос в очередной раз представляет пример, как «потребительское» мировосприятие населения пытается встроиться в элементы официального дискурса и в качестве поля для диалога использует апелляцию к коммунизму. Коммунистические перспективы в этом случае выступают своеобразной ширмой, которая призвана скрыть от обоих участников процесса мотивацию сторон. Население скрывало свой «постыдный» индивидуализм в отношениях с властью, а власть — желание мобилизовать население, стоявшее за красивыми обещаниями.

Вопрос о пенсионом обеспечении показывает, что из общей массы корреспонденции выделяется значительный блок писем по половому признаку, что позволяет говорить об особом женском варианте коммунистических перспектив. Как отмечает Б.А. Грушин, огромной популярностью пользовалась тогда, в частности, идея женского равноправия; она активно поддерживалась не только женской частью опрошенных, но и мужчинами, особенно молодыми, причем в среде молодых женщин нередко приобретала отчетливые черты тех

[97] Там же. Д. 299. Л. 269.
[98] Там же. Л. 222.

представлений, которые позже оформились в стране в виде тех или иных концепций феминизма[99].

Выделение «женского коммунизма» из общих вариантов не означает, что эти общие образы являются «мужским коммунизмом». Скорее, их можно обозначить как «андрогинный коммунизм», поскольку в них не выделяется гендерная принадлежность тех, кто его строит, такой коммунизм распространяется на всех, кто при нем будет жить. Существование «мужского коммунизма», возможно, можно обнаружить в восприятии «героических» профессий. Мужской вариант коммунизма на рубеже 50-60-х гг. оказывается более слабо выраженным, чем женский. В значительной мере это связано с наличием ряда чисто женских проблем, решение которых связывалось с коммунистическим строительством. Официальный дискурс связывал бытовые проблемы с интересами женщин, женское население с этим было согласно.

В первую очередь, женщин не устраивало их двойственное положение: с одной стороны, они должны быть работницами народного хозяйства, а с другой, – играть традиционные роли — готовить, стирать, рожать детей. Поэтому во множестве писем отмечалась необходимость введения особого рабочего режима для женщин, при этом авторы многих подобных писем были не женщины, а мужчины. В. Тарасов в своем письме в «Известия» утверждал, что в Программе должен быть специальный раздел о семье, о положении женщин в ней, об улучшении их быта[100]. Возможно, причиной такой заботы со стороны противоположного пола было не стремление к освобождению женщины и созданию семьи нового типа, а наоборот, попытка возвратиться к традиционной семье, где женщина занимается исключительно домашним трудом. Государство, несмотря на провозглашение курса заботы о женщине, не торопилось делать конкретные шаги, ведь женщины составляли около половины всех рабочих и служащих в народном хозяйстве. Перевод их на особый рабочий режим создал бы непреодолимые трудности в общей

[99] См.: Грушин Б.А. Указ. соч. С. 333.
[100] РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 298. Л. 3.

организации труда и производства[101]. Чего же, собственно, жаждали советские женщины от коммунизма? Р. Зубкова и Л. Крутьева предлагали дополнить моральный кодекс указанием на справедливое распределение в семье домашнего труда[102]. Конечно, не все женщины активно требовали перемен, вероятно, для многих никакого «женского коммунизма» и не было, но индивидуальные и коллективные письма позволяют говорить о неком комплексе ожиданий, который позволительно анализировать в рамках исследовательской конструкции «женского коммунизма».

Комплекс писем в различные издания, и в первую очередь в журнал «Работница», демонстрирует наиболее распространенные меры, которые, по мысли авторов писем, должны были быть осуществлены в период «развернутого строительства коммунизма», а следовательно, являлись неотъемлемой частью коммунизма. Предполагалось, что зарплата должна устанавливаться в зависимости от состава семьи или к зарплате необходимо делать прибавку в 10% за каждого ребенка. Ожидалось, что в первом десятилетии или даже с 1962 г. всех детей матерей-одиночек и детей из многодетных семей, а также женщин, не имеющи в связи с многодетностью возможности трудиться на предприятиях и в учреждениях, возьмут на полное государственное обеспечение. Выражалось надежда, что государство предоставит возможность в ближайшее современникам время бесплатного содержания детей в дошкольных учреждениях и в школах-интернатах и обеспечит детей в школах бесплатным питанием, одеждой и школьными принадлежностями[103], оплатит бюллетень по уходу за детьми за все время болезни ребенка, ликвидирует ночные смены для женщин, продлит декретный отпуск после родов[104]. Видно, что «женский коммунизм» населения, в отличие от официального, в первую очередь, ориентировался не на кухонно-коммунальную сферу, а на воспроизводство населения.

[101] Там же. Д. 299. Л. 116-117.
[102] Там же. Д. 298. Л. 6.
[103] Там же. Д. 302. Л. 146.
[104] РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 81. Л. 185.

Особой темой в «женском коммунизме» звучал мотив, исходивший из уст отдельной женской группы – одиноких матерей. Примечательно, что наиболее распространенным предложением от этой группы было устранение самого выражения «одинокая мать». Видимо, выделение их в отдельную «ущербную» группу, в то время как в сознание внедрялись идеи всеобщего равенства, создавало негативный фон как с позиций традиционной морали, так и с точки зрения укрепления социалистической семьи. В желании табуировать термин видно проявление мифологического сознания, когда отсутствие слова приравнивалось к отсутствию явления: если вычеркнуть из языка номинативную единицу «одинокая мать», то данное явление исчезнет и из действительности. Помимо таких ритуальных действий, одинокие матери пытались улучшить свое положение и более прагматическими мерами. Предлагали, во-первых, установить одинаковую материальную и моральную ответственность для обоих родителей за воспитание детей независимо от того, зарегистрированы или не зарегистрированы отец и мать; во-вторых, снять прочерк в графе об отце в свидетельстве о рождении детей от незарегистрированных браков[105]. Все эти предложения обосновывались не интересами одиноких матерей, а исключительно интересами детей.

«Женский коммунизм» зачастую ставил интересы детей выше остальных. Так, в ряде писем предлагалось исключить из текста Программы партии положение о бесплатном транспорте и бесплатных коммунальных услугах, о бесплатных обедах и санаториях, вместо чего «категорически записать о расширении сети детских яслей, садов, пионерских лагерей, бесплатном школьном образовании, с выдачей детям завтраков, одежды, учебников»[106]. Такая позиция демонстрирует не только наличие «женского» или «материнского коммунизма», но и фрагментацию в сознании части населения образа коммунизма, предлагаемого официальным дискурсом. «Официальный коммунизм», как детский конструктор, состоял из набора элементов, которые в

[105] Там же. Л. 185.
[106] РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 302. Л. 165.

случае необходимости можно было менять местами, выстраивая из них свой собственный образ коммунизма.

«Материнский коммунизм» являлся частью «женского коммунизма», но не поглощал его полностью. Развитие социальной сферы помимо прямых своих обязанностей должно было выполнять и функцию освобождения женщины, что и официальным дискурсом и частью населения воспринималось как важная черта коммунистического общества. Подобный подход наиболее ярко проявляется в развернутом письме работницы челябинского детсада № 10 Бердюгиной. На нескольких страницах она описывает свои представления о положении женщины в будущем. Для нее становится очевидным, что «облегчение жизненного пути женщины производится не предоставлением ей легкого труда, не вытеснением ее из сложнейших технических и научных учреждений, а предоставлением хороших бытовых условий»[107]. В ее представлении основной ячейкой будущего общежития будет дом, который превратится в почти автономное учреждение, где будут удовлетворяться основные потребности. Дома гостиничного типа должны были существенно сократить непроизводственные расходы. Через 20 лет, по ее мнению, трудящиеся будут работать самое небольшое количество времени, а все остальное время будут проводить в доме, отлучаясь максимум на 2-3 часа для занятий или культурных мероприятий. Поэтому дом должен стать основой жизни. В доме должна присутствовать столовая и должен находиться врач, это было необходимо для того, чтобы определить и контролировать правильное питание, которое является основой жизнедеятельности человека и позволяет продлить человеческую жизнь. Наличие детских комнат при доме обеспечивает возможность отлучаться из дома в любое время суток. К тому же воспитание детей под контролем всей общественности, под непосредственным наблюдением родителей должно было дать «нового человека» с лучшими качествами. Слишком энергичных детей, которых проблематично будет воспитывать совместно со спокойными детьми, по мнению автора, лучше

[107] Там же. Ф. 599. Оп. 1. Д. 180. Л. 25.

отправлять в специальные учебные заведения, подобные суворовским училищам, это позволит направить энергию детей в положительное русло и отвлечет ребенка, а затем и взрослого человека от пагубных проступков и преступлений. Наличие в домах детских учреждений должно было позволить сократить расходы, поскольку, например, вместо трех кухонь (в яслях, детсадах, в столовых) будет одна общая домовая. К тому же отказ от индивидуального обслуживания и переход на общественное удовлетворение бытовых потребностей позволит закрыть предприятия, выпускающие бытовые приборы, и использовать идущие на их интересы ресурсы более продуктивно. Автоматизация быта должна была способствовать исчезновению таких профессий, как уборщица, посудомойка и т.п., вследствие чего женщина займет равное положение с мужчиной, не станет тратить время на подобный непроизводительный труд. «Сколько умных женских голов, ловких умелых женских рук займется производительным трудом! Вот и получается, что для женщины нет прекраснее жизненного пути, чем путь борьбы за мир, за социализм, за коммунизм во всем мире!»[108].

В данном послании обнаруживаются ритуальные призывы и формулировки, следы образа коммунизма, транслируемого официальным дискурсом. Но это еще не означает, что все выше изложенное является притворством. Помимо идей из арсенала «официального коммунизма», Бердюгина высказывает свои собственные представления о народном «женском коммунизме», которые, по ее мнению, должны были направить развитие коммунизма в верное русло.

Более радикальные идеи высказывал П.И. Гребнюк, который призывал не только к коллективному пользованию продуктами труда и коллективному воспитанию детей, но и к ликвидации способа жительства отдельными квартирами и устранению разделения людей на семьи, поскольку семья в его понимании была источником частнособственнического воспитания[109].

[108] Там же. Л. 25.
[109] Там же. Ф. 586. Оп. 1. Д. 302. Л. 87.

Необходимо отметить, что подобным «прогрессивным» взглядам имелся противовес в народной среде, порожденный «традиционным» восприятием семьи. Вот что, например, пишет А. Сотеева, рассуждая о недостатках системы школы-интерната: «Если мы будем держать курс на неограниченное развитие сети детских учреждений, то это приведет к разложению семьи и к снижению морального уровня молодежи, из сознания которой выпадает чувство ответственности за воспитание своих детей. А примеров сейчас таких много. Надобность в школах-интернатах должна сократиться по мере роста благосостоянии и культурно-морального облика наших людей»[110]. В лице школ-интернатов предстает «новый быт», который, по мысли А. Сотеевой, негативно влияет на семейные отношения. Но для Бердюгиной, наоборот, «новый быт» выступает спасителем семьи. Причиной таких разногласий является то, что Бердюгина думала уже о семье коммунистического общества, а Сотеева пыталась сохранить традиционные семейные отношения.

Так, вероятно, исходя из высказываний В.И. Ленина о «пролетарской любви», которые были приведены в первой главе, некоторые граждане предполагали, что в обществе, где полностью отпадут материальные расчеты при вступлении в брак и его основой станет только взаимная любовь и уважение, брак станет добровольным и прочным союзом, не нуждающимся в юридических рамках. В условиях коммунистического общества должна была отпасть необходимость в государственной регистрации браков и судебных процедур при разводе[111].

Взаимосвязь семейных и жилищных вопросов видна в приведенных выше посланиях: авторы отмечали, что в зависимости от жилищных условий будущего семья коммунистического общества может измениться или остаться прежней по сравнению с семьей социалистической. К тому же жилищный вопрос официальной властью признавался как наиболее острый, поскольку он, затрагивая большинство жителей Советского Союза, не мог не входить в

[110] РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 74. Л. 82-83.
[111] РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 29. Л. 38.

комплекс вопросов коммунистического строительства. Первоочередность и острота жилищной проблемы очень явно проступает в письмах населения. Коммуно-уравнительное восприятие коммунистических идей, о котором писалось выше, побуждало население предлагать радикальные варианты решения жилищной проблемы, в духе первых лет советской власти. Так, В.К. Папинский вопрошал редакцию журнала «Коммунист», нельзя ли решить квартирный вопрос революционным путем, изъяв у «кого следует» излишнюю жилплощадь[112]. Другие авторы призывали муниципализировать весь жилищный фонд, закрепив за владельцами необходимую и достаточную для их семьи жилую площадь, а все дачные постройки планировалось передать предприятиям и учреждениям для организации домов отдыхов и пансионатов[113]. Поступало множество предложений увеличить объемы жилищного строительства за счет перенесения сроков строительства административных зданий, спортивных сооружений, различных дворцов и других сооружений не первоочередной необходимости. Для изыскания дополнительных ресурсов на жилищное строительство предлагалось повременить с переходом на сокращенный рабочий день, а также с переходом на бесплатное пользование жилищем и коммунальными услугами[114].

Провозглашение определенного срока воплощения коммунистических принципов, причем весьма близкого, порождало реакцию нетерпения. Люди в вопросе жилищного фонда, как и в некоторых других вопросах, желали приобщиться к коммунистическим принципам как можно скорее. При этом личные потребности в восприятии коммунизма зачастую стояли выше общественных. Для многих коммунизм больше ассоциировался с отдельной квартирой, чем с общественными зданиями.

Еще один вопрос, который вызвал большой отклик со стороны населения и демонстрировал прагматичность в рецепции населением идей коммунизма, связан с другой «мечтой» советского человека – автомобилем. Выше

[112] Там же. Ф. 599. Оп. 1. Д. 211. С. 94.
[113] Там же. Д. 174. Л. 15.
[114] Там же. Ф. 586. Оп. 1. Д. 302. Л. 167.

отмечалось, что личный автотранспорт вызывал глубокое раздражение у части граждан, поскольку коммуна, как общественная ячейка, некий символ и идеал, не предполагала расслоения, а личный автомобиль разделял людей на тех, кто его имеет, и тех, у кого его нет. Особенно сильное возмущение вызывало приобретение машины на нетрудовые доходы, так как человек, нарушая моральные принципы, а зачастую и уголовный кодекс, оказывался обладателем благ, которых законопослушный «строитель коммунизма» был лишен. В этом плане показательна кинолента Э. Рязанова «Берегись автомобиля» (1966 г.), где юмористически показаны приключения «народного мстителя» Юрия Деточкина, который подобно Робин Гуду отбирал у «богатых» и отдавал «бедным», экспроприацией восстанавливая справедливость. Призывы населения к проведению экспроприации излишнего имущества, в том числе и личного автотранспорта, в общей массе звучали довольно громко. М. Портной в своих предложениях по борьбе с пережитками предлагал прекратить продажу частным лицам легковых автомобилей, а имеющийся легковой автопарк частного владения передать прокатным базам для обеспечения, в первую очередь, членов автомотоклубов[115].

В целом, в письмах можно выделить два варианта решения транспортной проблемы. Первый вариант предполагал сохранение легкового транспорта с его дальнейшим обобществлением, что позволит каждому желающему бесплатно воспользоваться технической базой пунктов общественного проката. Но более распространенный вариант был связан с развитием сети общественного транспорта, который должен был полностью удовлетворить все потребности населения, связанные с передвижением. Людям виделось, что уже в 60-х гг. можно было обеспечить общество хорошим бесплатным транспортом, не увеличивая расходы общества. Предполагалось, что для этого нужно было ликвидировать право собственности на автомобили, сократить (оставив в ничтожном количестве) такси, ликвидировать на всех предприятиях и учреждениях легковой транспорт. Высвобожденные средства следовало

[115] Там же. Ф. 599. Оп. 1. Д. 174. Л. 15.

направить на строительство и эксплуатацию высокопроизводительного общественного транспорта[116].

В одном аспекте «женский коммунизм», коммунизм «энтузиастов» и «официальный коммунизм» имели общую точку соприкосновения. Имеются в виду идеи, связанные с задачей воспитания «нового человека», поисками эффективных способов формирования коммунистического мировоззрения у подрастающего и других будущих поколений, которые, как представлялось, были изначально свободны от негативного наследия прошлого.

Средние и высшие учебные заведения в период «развернутого строительства коммунизма» должны были не только давать обучающимся знания, умения, навыки, но и формировать всесторонне развитых людей коммунизма. Некоторые люди считали, что путь к такому воспитанию найден: основой новых форм и методов обучения в учебных заведениях должны были стать способы обучения космонавтов. Подготовка космонавтов могла послужить основой обучения молодежи коммунистического общества[117]. О восприятии космонавтов как «пришельцев из будущего» писалось выше, а значит, нет ничего удивительного в представлении людей о том, что если можно обучить нескольких людей «коммунистического завтра», то, расширив охват, можно поставить производство «новых людей» на поток.

С.Я. Гриднев и А.А. Платунов в качестве обосновании своего предложения о внесении в текст Программы партии отдельного раздела о создании «нового человека» предоставили объемное письмо, которое, по их мнению, должно было лечь в основу этого раздела. В их понимании создание «нового человека», в первую очередь, связано с физической составляющей. За моральный дух должен был отвечать «моральный кодекс», но его необходимо дополнить «кодексом физических способностей», поскольку здоровый дух должен иметь здоровое, совершенное тело. Собственно, речь шла о путях создания у человека способностей, позволяющих мобилизоваться для успешной

[116] Там же. Л. 4.
[117] Там же. Д. 172. Л. 100.

деятельности и не допускающих преждевременной утомляемости. Кроме того, необходимо было найти пути преодоления организмом как податливости заболеваниям, так и усиления успешности борьбы организма с ними[118].

«Моральный кодекс» воспринимался как основополагающий документ новой морали «нового человека», выраженный в виде некоего документа, имеющего силу закона. Например, «товарищ Фасхеев» предлагал написать моральный кодекс золотыми буквами и вывесить во всех общественных местах[119]. Хотя некоторые граждане считали, что моральный кодекс являлся одним из самых слабых мест Программы и не выдерживал сравнения с библейскими заповедями[120]. Но значительная часть авторов писем, направляя свои послания с предложениями, касающимися морального кодекса, должны были предполагать, что определенное значение этот документ имел. Те идеи, которые население предлагало официальному дискурсу, позволяют установить, во-первых, какие черты в моральном облике «официального строителя коммунизма» не устраивали население. Во-вторых, чем население желало дополнить мораль «нового человека», а значит, какие черты должны были присутствовать или отсутствовать у современного человека, чтобы он мог жить в построенном им коммунистическом обществе. Одним из самых распространенных предложений было добавить в кодекс, помимо непримиримости к несправедливости, тунеядству, карьеризму, еще и непримиримость к алкоголизму[121].

Вообще проблема алкоголизма в народном сознании стояла очень остро. Пьянство воспринималось как большое социальное зло, без искоренения которого нельзя построить коммунизм. Поэтому некоторые люди призывали к некоему варианту «сухого закона», дабы в течение первого десятилетия «эпохи развернутого строительства коммунизма» прекратить оборот спиртных напитков свыше 20 градусов[122]. Причем борьбу с алкоголизмом предполагалось

[118] Там же. Д. 170. Л. 179-181.
[119] Там же. Ф. 586. Оп. 1. Д. 303. Л. 15.
[120] РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 73. Л. 92.
[121] Там же. Л. 23.
[122] Там же. Л. 38.

начинать еще в школе, где на помощь учителю в воспитании «народной трезвости» должен был прийти врач[123]. Данные свидетельства подтверждают злободневность проблемы трезвости и алкоголизма на рубеже 50-60-х гг.

Были предложения внести в кодекс указания на справедливое распределение в семье домашнего труда[124], которое должно было дополнить и конкретизировать официальное определение о взаимном уважении в семье. Другие авторы предлагали дополнить моральный кодекс положениями об обязательной помощи коллеге по работе и моральной ответственности коллектива за организацию товарищеской взаимопомощи, о неустанном повышении идейно-политического, технического и общеобразовательного уровня, о готовности в любое время встать на защиту Родины и отдать этому делу все силы, а если понадобится и жизнь, быть активным атеистом[125]. Наличие подобных предложений демонстрирует, что комплекс медиаторов, которые работали в контексте Программы партии, взаимодействовал с населением, транслируя определенные постулаты. Наличие альтернативных предложений показывает, что эти постулаты подвергались переосмыслению, и у населения существовала собственная система ценностей, не совпадавшая с официальной.

[123] РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 302. Л. 22.
[124] РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 298. Л. 6.
[125] РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 302. Л. 181, 192, 201, 221.

§ 3. «Скептический» дискурс населения о коммунизме

Не совпадали с официальной коммунистической идеей и представления тех 18-20% людей, которые не верили в саму возможность построения коммунизма. Можно выделить два сценария «скептического коммунизма». Носителями первого варианта были люди, скептически настроенные не по отношению к коммунизму как теоретическому конструкту, а к возможности его реального воплощения. Таким образом, коммунизм в данном случае рассматривался как один из утопических проектов, или ставились под сомнение сроки построения коммунизма, заявленные в Программе партии. «Товарищ Добжинский» указывал, что до коммунизма было еще далеко, и в качестве некой альтернативы предлагал развивать дальше индивидуальное садоводство, строить личные дачи. Л.М. Безукладников предлагал не торопиться с переходом к коммунизму: «Сейчас говорить о строительстве коммунизма еще рано. В ближайшие 10 лет надо обеспечить полное осуществление основного принципа социализма, после чего можно будет приступить к строительству коммунистического общества»[126].

Этот сценарий Программная группа охарактеризовала так: «Встречаются письма демагогического, злопыхательского, клеветнического, антипартийного характера. Характер этих писем требует, чтобы о них были информированы местные партийные органы»[127]. В них под сомнение ставилась сама идея коммунистического общества, а это, в свою очередь, означало покушение не только на «генеральную линию партии», но и на остальные элементы марксистской доктрины. Естественно, что письма, отражающие сценарий скептического отношения к коммунизму, публично обсуждались крайне редко, поскольку не многие граждане Советского Союза решались высказать антипартийные мысли вслух, опасаясь ответной реакции со стороны власти. Следовательно, выражение скептического и негативного отношения к официальному дискурсу не стоит искать в письмах «во власть».

---

[126] Там же. Л. 88.
[127] Там же. Д. 298. Л. 24.

Гораздо больше сведений об этом варианте рецепции коммунизма можно найти в народном творчестве, и в первую очередь в анекдоте. Энциклопедия постмодернизма дает следующее определение: «Анекдот — наиболее витальный жанр городского устного народного творчества, представляющий собой мини-новеллу юмористического характера. При внешней непритязательности анекдот выполняет целый ряд важных функций: коммуникативную; психотерапевтическую (анекдот позволяет в юмористической форме говорить об Ужасном, т.е. безболезненно переводить из сферы "подсознательного" в сферу сознательного представления, которые способны наносить субъекту серьезные психические травмы); социально высвобождающую (в анекдотах традиционно вполне могут быть задействованы табуированные или, по крайней мере, небезопасные в других жанрах и сферах общения темы). Наконец, одной из важнейших функций анекдота является игровая: семантическая структура значительного корпуса анекдотов предполагает обыгрывание лексической, референционной, синтаксической или иллокутивной неоднозначности»[128]. И.А. Манкевич в своей работе отмечает, что «”всемирная отзывчивость” анекдота на события повседневной жизни делают его идеальным объектом для любых культурных интерпретаций»[129].

Во второй главе упоминалось, что 60-е гг. были периодом расцвета советского юмора, и на общей волне смеха развивался и жанр политического анекдота. В отличие от обычного анекдота, в котором обыгрывались семейно-бытовые ситуации или культурно-массовые штампы, политический анекдот вырастал из политической ситуации в стране. Поэтому возникновение политического анекдота, в отличие от анекдотов на темы, достаточно глубоко укоренившиеся в культуре, может быть довольно точно отнесено к конкретному времени. В контексте советской социалистической культуры анекдот выступает как альтернатива, оппозиция легитимным и властно-

[128] Задворная Е.Г. Анекдот // Постмодернизм. Энциклопедия. Минск, 2001. С. 29.
[129] Манкевич И.А. «Table-talk» по-русски, или русский анекдот как феномен повседневных коммуникаций // Феномен повседневности: гуманитарные исследования. Философия. Культурология. История. Филология. Искусствоведение: Материалы междунар. науч. конф. «Пушкинские чтения — 2005». Санкт-Петербург 6-7 июня 2005 года. СПб., 2005. С. 194.

поддерживаемым практикам[130]. Политический анекдот, являющийся народной реакцией на события действительности, возникает оперативно и так же быстро исчезает из активного употребления. Поскольку любая крупная официальная акция советского правительства имела своего «двойника-пересмешника», нейтрализуя пропагандистский пафос через высмеивание[131]. Например, появление анекдота о планах Н.С. Хрущева после его отставки маловероятно. Эта особенность анекдота, в свою очередь, вызывает исследовательскую проблему, поскольку анекдоты до недавнего времени сохранялись только в устной традиции, часть из них не дошла до наших дней или недоступна большинству исследователей. Анекдот «К 80-му году планировали построить коммунизм, но вместо этого решили провести Олимпиаду» обыгрывает не столько программную установку построения коммунизма за 20 лет и ее провал, сколько пафос проведения Олимпиады, которая должна была продемонстрировать всему миру достижения СССР. Ради этой цели Советское государство на время проведения Олимпиады постаралось превратить Москву в некое подобие коммунистического оазиса, центром которого являлся олимпийский стадион. Поэтому представляется вполне обоснованным отнести комплекс анекдотов о коммунизме и личности Н.С. Хрущева к рубежу 50-60-х гг. и рассматривать его как продукт коллективной рецепции образа коммунизма населением Советского Союза и выражение «скептического» варианта коммунизма.

В анекдотах можно обнаружить две группы объектов для шуток. К первой относится коммунизм как таковой, а также корпус связанных с ним идей. Вторая группа состоит из конкретных примеров строительства коммунизма, здесь обыгрываются отдельные положения Программы партии или высказывания Н.С. Хрущева. Такое разделение может быть сопоставлено со «скептическим» вариантом коммунизма, который прослеживается в

[130] Соколов Е.Г. (Русская) культура как феноменально-феноменологический анекдот // Анекдот как феномен культуры. Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. СПб., 2002. С. 121.
[131] См.: Манкевич И.А. Указ. соч. С. 197.

письмах: там тоже либо отрицается сама идея «светлого будущего», либо ставятся под сомнение его отдельные элементы.

Ярким примером, иллюстрирующим содержание скепсиса первой группы, могут служить два взаимодополняющих анекдота: «Самый короткий анекдот — коммунизм» и «Самый длинный анекдот — Программа строительства коммунизма, принятая на XXII съезде партии»[132]. Построенные по одному принципу, эти анекдоты апеллируют к тому, что для части населения само слово «коммунизм» уже вызывает смех, а Программа партии, основой которой являлась постановка задачи построения коммунизма, растягивала этот анекдот на значительное количество страниц, тем самым становясь самым длинным анекдотом и нарушая один из основных принципов анекдота — краткость.

Особо популярной темой для анекдотов было саркастическое высмеивание представления о коммунизме как о «светлом будущем». Вот несколько примеров: «Что такое вобла? Это кит, доплывший до коммунизма».

«Скажите, это уже коммунизм или будет еще хуже?».

«Один старый большевик другому: — Нет, дорогой, мы-то с вами до коммунизма не доживем, а дети... Детей жалко!»

«Можно ли построить коммунизм в Швеции? — Можно, но жалко»

«Можно ли построить коммунизм? — Построить-то можно, но вот выжить при нем — вряд ли».

«Можно ли построить коммунизм в Израиле? — Зачем такой маленькой стране такое большое счастье?»[133].

Очевидно, что вместо официально-народного представления о коммунизме как «рае на земле» анекдоты выражают скептическое отношение к этой идее, воплощая иные коммунистические перспективы. На основе исторического опыта, переживаемой реальности и планирования будущего создавался образ коммунизма как некоего негативного общества, которое не

[132] 1001 избранный советский политический анекдот // http://www.gramotey.com/books/311133715182.html
[133] Там же.

только уступает Западу по уровню жизни населения, но и проигрывает «построенному» в Советском Союзе социализму. Данную мысль можно проиллюстрировать следующим анекдотом: «Социалист, капиталист и коммунист договорились встретиться. Социалист опоздал.

- Извините за опоздание, стоял в очереди за колбасой.

- А что такое очередь? — спросил капиталист.

- А что такое колбаса? — спросил коммунист»[134].

Уровень жизни, по которому народ оценивал свое счастье, зачастую выражался в «потребительском коммунизме» и особой его разновидности — «продовольственной утопии». Отметим, что именно продуктовая проблема стала первой «осечкой» в выполнение намеченных Программой партии планов. 1 июня 1962 г. произошло резкое повышение цен от — 25 до 50% на мясо, масло, молоко при одновременном снижении расценок на сдельную оплату в промышленности, что сейчас воспринимается как одна из самых неразумных политических акций в истории СССР[135]. Меньше чем через год после провозглашения лозунга о том, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме, это поколение оказалось в ножницах растущих цен и падающих доходов. Кульминацией этого процесса стали события в Новочеркасске, совершенно не вписывающиеся в официальный дискурс, рисовавший радужные перспективы для граждан СССР.

Разрыв между официальными лозунгами о скором продуктовом изобилии и продовольственными трудностями основной массы населения СССР не мог не вызывать скепсиса по отношению к выдвигаемым властью положениям, что, в свою очередь, порождало антиутопию, выраженную в анекдотах примерно такого содержания: «Хрущев послал новый сорт колбасы на анализ за границу. Оттуда пришел ответ: "Господин Хрущев, в вашем кале глистов не обнаружено"»[136]. В «продуктовых анекдотах» зачастую саркастически обрабатывались наиболее распространенные положения о полном

[134] Там же.
[135] Поползунов Ю.А. Н.С. Хрущев как политический лидер. Дисс. … канд. полит. наук. М., 2003. С. 130.
[136] 1001 избранный советский политический анекдот…

удовлетворении человеческих потребностей в коммунистическом обществе. Приведем некоторые примеры:

«Расцвет коммунизма. Объявление на дверях продуктового магазина: сегодня в масле потребности нет».

«Один еврей другому:

- При коммунизме у меня будет свой самолет!

- Зачем тебе самолет?

- А вдруг, скажем, в Калуге муку дают. Полчаса лету — и я там!».

«Правда ли, что при коммунизме продукты можно будет заказывать по телефону? — Правда. Но выдавать их будут по телевизору».

«Наступил коммунизм. — Алло, Манька, включай скорей свой цветной телевизор — красную икру показывают»[137].

Народ, соединив дефицит с перестройкой питания на «новые продукты», о чем говорилось во второй главе, создал анекдот:

«- Как будет выглядеть человек коммунистического будущего?

- У него будут маленькие руки, т.к. он ничего не будет делать руками — за него будут работать машины. У него будут маленькие ноги, т.к. он не будет ходить, а только ездить, плавать или летать. У него будет маленький живот, т.к. он будет питаться высококалорийными пилюлями. У него будет очень большая голова, т.к. он будет очень много думать... Думать, как достать эти пилюли»[138].

Продовольственную тему вслед за анекдотами подхватывал и другой жанр фольклора – частушка, который, конечно, затрагивал и другие темы. В качестве примера приведем некоторые из них:

Мы Америку догнали
В производстве молока,
А по мясу не догнали –
Х.й сломался у быка.

[137] Там же.
[138] Там же.

Вышла б замуж за Хрущева,
Да боялась одного:
Говорят, что вместо х.я
Кукуруза у него.

Выходите, девки, замуж
За Ивана Кузина.
У Ивана Кузина
Большая кукурузина.

Кукуруза, ман...оха,
Вышла замуж за гороха.
Об….ла все поля
И не родит ни х.я.

Обижается народ:
Мало партия дает.
Наша партия не бл.дь,
Чтобы каждому давать.

К коммунизму мы идем,
птицефермы строятся,
а колхозник видит яйца,
когда в бане моется[139].

Очевидно, что частушки хрущевского периода более экспрессивны, чем анекдоты, по части фразеологии и делают акцент на соединении сексуальной тематики и сельского хозяйства. Наиболее распространенным объектом выступала кукуруза, которая, с одной стороны, является фаллическим символом, с другой — символом хрущевский сельскохозяйственных

[139] Русские озорные частушки // www.thelib.ru/books/avtor_neizvesten/russkie_ozornie_chastushki-read.html

начинаний. Этот факт может быть объяснен различием носителей данных видов фольклора. Если анекдот — это продукт, прежде всего, городской культуры, требующий определенного контекста, то частушка — произведение деревенского устного народного творчества[140]. Деревне были близки моменты высмеивания тех явлений действительности, которые касались их непосредственно, поэтому в частушках есть саркастический образ кукурузы и нет иронии по поводу недостатка продовольствия в магазинах. К тому же деревенская культура ближе городской к глубинным пластам и табуированным темам, поэтому в частушках так широко представлена ненормативная лексика.

Через гипертрофированное представление о том, насколько будет плоха продовольственная ситуация в будущем, носители анекдотов выражали свое отношение к продовольственным трудностям в настоящем. Коммунизм выступал как кривое зеркало, в котором отражались проблемы 60-х гг., поскольку официальный дискурс указывал, что коммунистическое общество вырастает из социалистического. В таком перевертыше находит свое подтверждение идея М. Барга о возможности одновременного существования в трех временах. В «скептическом коммунизме» три времени выступали объектами сарказма. И.А. Манкевич относит подобные анекдоты к коммуникационному режиму «управление-конфронтация». По ее мнению, в «обществе анекдот вполне может стать источником культурной дестабилизации, демонстрируя собой “ехидный акт сопротивления”»[141].

Близки к анекдотам о «продуктовом изобилии» при коммунизме анекдоты о распределении товаров по потребностям. Самым ярким примером может служить анекдот, который существует в нескольких редакциях, не меняющих его сути: «Американский миллионер купил ГУМ и объявил бесплатную раздачу товаров. Вскоре ГУМ и подступы к нему были завалены телами убитых и раненых. Миллионера спросили:

- Зачем вам это было нужно?

[140] См. Дмитриев А.В. Социология политического юмора. М., 1998. С. 46
[141] Манкевич И.А. Указ. соч. С. 200.

- Мне было интересно, что будет, когда вы перейдете к распределению "каждому по потребностям"»[142]. В этом анекдоте заложена мысль, которую можно обнаружить и в рассмотренных выше письмах, о психологии советских людей, делающей невозможным построение коммунизма.

Большая группа анекдотов построена на переосмыслении коммунистических лозунгов, в них высмеивался не столько сам коммунизм, сколько попытки трансляции его официальным дискурсом:

«Лектор говорит, что коммунизм уже на горизонте. Ему задают вопрос: «А что такое горизонт?» — «Это воображаемая линия, в которой небо сходится с землей и которая удаляется от нас, когда мы пытаемся к ней приблизиться».

«На гранитном берегу канала — трехметровые буквы: "Да здравствует советский народ — вечный строитель коммунизма!"».

«Одной ногой мы стоим в социализме, а другой уже шагнули в коммунизм», — говорит лектор. Старушка его спрашивает: «И долго, милок, нам эдак раскорякой стоять?».

«Плакат на Артиллерийской Академии: «Наша цель — коммунизм!».

«Армянское радио спрашивают: Будет ли в Армении коммунизм? Армянское радио отвечает: Нет, потому что коммунизм не за горами, а Армения — за горами».

«Что такое электрификация всей страны? — Это коммунизм минус советская власть»[143].

Определенная абсурдность, проявляющаяся в ряде лозунгов, вырванных из контекста, послужила основой для создания данных анекдотов. Анекдот здесь выступает антимедиатором, разрывая связь между населением и официальным дискурсом коммунизма, поскольку после высмеивания адекватно воспринимать пропагандистские лозунги можно было с трудом.

С анекдотами, основанными на переосмыслении коммунистических лозунгов, идейно сближаются анекдоты о приходе коммунизма:

---

[142] 1001 избранный советский политический анекдот…
[143] Там же.

«Рабинович работает в Кремле — он сидит на Спасской башне и смотрит вдаль, чтобы своевременно сигнализировать о приближении коммунизма. Его пытаются переманить американцы – пусть предупреждает о приближении экономических кризисов. «Нет, — говорит Рабинович, — мне нужна постоянная работа».

«Когда наступит коммунизм? — Об этом будет сообщено в закрытом письме ЦК».

«Как мы узнаем, что коммунизм уже наступил? — Будет объявлено по радио и в газетах. Если у людей останутся телевизоры, сообщат и по телевидению».

«На повестке дня колхозного партсобрания два вопроса: строительство сарая и строительство коммунизма. Ввиду отсутствия досок сразу перешли ко второму вопросу»[144].

Декларативность коммунистических перспектив, несоответствие провозглашаемых успехов и трудностей жизни рядового советского человека выражались в анекдотических предположениях, что и коммунизм не будет реально построен, а всего лишь провозглашен.

Кроме того, в анекдотах активно высмеивались претензии марксизма-ленинизма и теории коммунистического строительства на научность:

«Является ли коммунизм наукой? — Нет. Если бы он был наукой, его бы сначала попробовали на собаках».

«Какая разница между математикой и научным коммунизмом? — В математике что-то дано и что-то требуется доказать, а в научном коммунизме все доказано и ничего не дано»[145].

Обыгрыванию подвергались и отдельные наукообразные положения Программы партии, в качестве основной формы изложения здесь выбиралась вопросно-ответная форма:

[144] Там же.
[145] Там же.

«Можно ли будет при коммунизме планировать деторождение? — Нет, если орудия производства в этой отрасли останутся в частных руках».

«Будет ли КГБ при коммунизме? — Нет, к тому времени люди научатся самоарестовываться».

«Будут ли при коммунизме деньги? — Югославские ревизионисты утверждают, что будут. Китайские догматики утверждают, что нет. Мы же подходим к вопросу диалектически: будут, но не у всех»[146].

Такие диалоги свидетельствуют, во-первых, о скептическом отношении к коммунизму; во-вторых, о сложности и неясности отдельных элементов официального образа коммунизма, которые следовало разъяснять и комментировать.

Как правило, политические решения отождествляются с личностью руководителя государства, поэтому нет ничего удивительного в том, что личность Н.С. Хрущева в фольклоре соединилась с идеей коммунистического строительства. В анекдотах отражались не только неудачи «развернутого строительства коммунизма», но и личные качества Н.С. Хрущева:

«Чего не успел Хрущев в жилищном строительстве? — Не успел сделать уборную проходной, объединить унитаз с ванной и соединить пол с потолком».

«Как изменил Хрущев ленинскую формулу коммунизма? — Коммунизм — это советская власть плюс кукурузизация всей страны».

«Что будет, если треснуть молотком по лысине? — Будет все!».

«Правда ли, что за последнее время здоровье товарища Хрущева ухудшилось? — Да. Он страдает грыжей от поднятия целины, язвой желудка от кукурузы, одышкой от соревнования с Америкой и словесным поносом неизвестно от чего».

«Что нового внес Хрущев в научный коммунизм? — Мягкий знак после "з"»[147].

[146] Там же.
[147] Там же.

Последний из приведенных анекдотов представляется наиболее концептуальным, поскольку основой его являются особенности речи Н.С. Хрущева: в этом «мягком знаке» сконцентрирована вся ирония по отношению к коммунизму, который в устах его главного «строителя» превращается в «коммунизьм».

Все вышеприведенные анекдоты демонстрируют, что скептический вариант коммунизма по своей сути являлся оборотной стороной официального и того народного коммунизма, который был убежден в возможности построения основ в течение 20 лет. Это связано с самой природой существования скепсиса, поскольку без «положительного» варианта, служащего базисом, невозможно и функционирование «отрицательного». Если не принимать во внимание анекдоты о личности Н.С. Хрущева, можно утверждать, что народное творчество создавало «контрутопии». А.В. Дмитриев писал, что анекдот в советский период в первую очередь являлся механизмом снятия стресса от чрезмерного давления идеологии, а не орудием сопротивления и борьбы с режимом, как это представляют многие исследователи, поскольку большинство не готово было идти дальше насмешек над властью, а только избавлялось от перегрузок окружавшей их действительности[148]. Иными словами, как отмечает Т.В. Чередниченко, «здравый смысл массового сознания реализовал себя большей частью в анекдотах (анекдот не “борется” с мифом, а лишь продолжает его за пределы утопического менталитета, по типу диалектического “снятия”)»[149].

Таким образом, мы пришли к выводу, что III Программа КПСС наметила основные контуры грядущего коммунизма, не дав четких и конкретных картин будущего. Этот расплывчатый образ, преломленный в текстах, вызвал у населения ответную реакцию. Многие видели в коммунизме решение собственных проблем, часто бытового характера, другие же стремились поскорее воплотить в жизнь идеал коллективного «светлого будущего». Но

[148] См. Дмитриев А.В. Указ. соч. С. 57.
[149] Чередниченко Т.В. Наш миф // Arbor Mundi. Мировое дерево. Международный журнал по теории и истории мировой культуры. № 1. М., 1992 С. 132.

неопределенность и фрагментарность народных представлений позволяет говорить о том, что реконструировать образ коммунизма одного отдельного советского человека не представляется возможным. Из множества индивидуальных образов, как мозаику, можно собрать коллективное представление о коммунизме, но это будет искусственный конструкт, поскольку зачастую понимание одного и того же вопроса у разных людей расходится.

Многие же вообще скептически относились к коммунизму. Видя повседневную действительность, они расценивали заявления Программы партии как попытку скрыть слабость власти с помощью апелляции к населению. Открытое проявление скепсиса в Советском Союзе могло иметь негативные последствия, поэтому население выражало его через фольклор, в частности анекдоты, в которых высмеиванию подвергались основные постулаты государственной идеологии. Это был своеобразный защитный механизм против избыточного давления идеологии.

Заключение

Провозглашение эпохи «развернутого строительства коммунизма», ознаменованное принятием III Программы КПСС XXII съездом КПСС в октябре 1961 г., представляется событием, которое было обусловлено всем предшествующим развитием марксистско-ленинской идеологии и самого советского государства. Обвинения Н.С. Хрущева в волюнтаризме применительно к провозглашенному лозунгу о том, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме», в этой связи не совсем корректны. Идея о постепенном переходе к коммунистическому обществу оформилась еще в 30-е гг. XX в. в связи с идеей о завершении строительства социализма в СССР. Если бы не война, возможно, лозунг о строительстве коммунизма в двадцатилетний срок мог бы появиться не в 60-х гг., а в 40-х гг. Несмотря на отрицание практик сталинского периода, в официальном дискурсе о коммунизме обнаруживается множество идей, которые оформились именно в 30-50-х гг. Поэтому можно сказать, что III Программа КПСС и строительство коммунизма — идея не только хрущевского, но и сталинского времени.

Изучение материалов Программной группы в «Соснах» и текста Программы партии позволяет сделать вывод о том, что разработки предыдущего времени, наряду с трудами классиков марксизма-ленинизма, составили основу официального представления о коммунизме. Идеи рубежа 50-60-х гг. выступали фактическим наполнением теоретических построений и очерчивали круг реальных задач, решение которых, по мнению разработчиков, должно было привести страну к «светлому будущему».

Актуальной задачей являлся выигрыш соревнования между СССР и США. Это соперничество носило не только внешнеполитический и институциональный характер. Н.С. Хрущев после визита в США, начал экспериментировать с советской действительностью, что, в свою очередь, нашло свое отражение в тексте Программы партии, а значит, и в официальном образе коммунизма.

Первоочередной задачей в тексте Программы партии выступало создание «материально-технической базы коммунизма», в ней соединялись интересы партийные и государственные. Представлялось, что для победы коммунизма необходимо провести очередную модернизацию экономики, перестроив народное хозяйство в соответствии с передовыми тенденциями: полная электрификация, автоматизация, внедрение искусственных материалов, развитие химии и т.д. После создания экономической основы коммунизма можно было, как представлялось, решать задачи перестройки общественных отношений, итогом которых стали бы: отмирание государства, стирание различий между городом и деревней, физическим и умственным трудом, а также создание человека «коммунистического завтра». Решение этих трех больших задач, которые, в свою очередь, распадались на более частные, по мысли авторов Программы партии, позволило бы провозгласить завершение в СССР строительства коммунизма «в основном».

Это уточнение – «в основном» зачастую выпадает из поля зрения исследователей, но оно существенно корректирует восприятие коммунистических перспектив, особенно в рамках тех 20 лет, которые отводились Программой партии на строительство коммунизма. Вместо коммунизма классиков марксизма-ленинизма, своеобразного идеала общественного устройства, фактически завершающем историю развития человечества, за 20 лет планировалось создать такие условия, которые позволили бы удовлетворить основные потребности человека и социума, поэтому в тексте Программы партии и говорится о коммунизме «в основном».

Очевидная разница между «полным» коммунизмом и коммунизмом «в основном» позволяет по-иному взглянуть на один из важнейших аспектов в изучении коммунистических представлений рубежа 50-60-х гг. С точки зрения доминирующего научного и политического дискурса, III Программа КПСС и эпоха «развернутого строительства коммунизма» являлись воплощением амбиций и волюнтаризма Н.С. Хрущева. Из чего можно было сделать вывод, что партийное руководство изначально рассматривало строительство

коммунизма как нереализуемый проект. Однако изучение источников и, прежде всего, архивных материалов о работе над текстом проекта Программы партии позволяет пересмотреть эти оценки и сделать заключение о том, что у советского руководства была уверенность в реальности выполнения поставленных в Программе партии задач. Эта уверенность базировалась прежде всего на темпах экономического роста СССР в 50-х гг., сохранение которых в 60-70-х гг. позволило бы ставить задачи коммунистического строительства. Поэтому III Программа партии может быть рассмотрена не как «коммунистическая утопия», а как прагматический документ, отражающий официальное представление о коммунизме.

Помимо того, что Программа партии обозначала три главные задачи (создание материально-технической базы, развитие коммунистических общественных отношений, воспитание нового человека) построения коммунизма, она выполняла еще одну функцию, без которой решение поставленных задач в обозначенные сроки не представлялось возможным. Необходимо было мобилизовать основную массу населения Советского Союза на «строительство коммунизма». Программа партии была призвана этому способствовать, так как, она являлась документом, официально закрепляющим план строительства «светлого коммунизма». Мобилизация масс на рубеже 50-60-х гг. была одним из ключевых моментов в провозглашенной Программой партии эпохе «развернутого строительства коммунизма».

Вследствие того, что текст Программы партии не мог вместить в себя развернутые описания, а ограничивался только кратким обозначением ключевых моментов коммунистического строительства, необходим был корпус текстов, сопровождающих, дополняющих и разъясняющих идеи официального коммунистического дискурса. Для этих целей использовались традиционные методы «агитации и пропаганды», система которых была выстроена за годы советской власти.

Газеты, радио, телевидение стали отводить место для «всенародного обсуждения» проекта Программы партии, трансляции «коммунистической»

идеи населению, дабы пробудить его активность и направить энергию в одно, определенное Программой партии, направление — на коммунистическое строительство.

Необходимость мобилизации населения ставила перед властью и системой пропаганды задачу перевести теоретические построения на понятный и доступный язык, что невозможно было сделать без определенных компромиссов. Средства, обеспечивавшие передачу официального дискурса о коммунизме, превращались в медиаторы, призванные осуществить взаимодействие между властью и населениям. Медиаторы представляли собой большую группу разнообразных механизмов с разной степенью взаимодействия «верхов» и «низов». Зачастую официальный дискурс прибегал к иным представлениям населения, пытаясь на этой основе создать новую «мифологическую» систему коммунизма.

Первоочередность задачи повышения активности населения в деле «коммунистического строительства» способствовала росту активности как в «центре», так и на «местах». Однако работа по распространению и усвоению идей Программы партии давала сбои. В этом была вина не только местных работников, но и разработчиков плана «развернутого строительства коммунизма». Они зачастую давали весьма условные образы будущего, стараясь сохранить верность идеям «научного коммунизма» и не впасть в «утопизм».

Утопии и пришедшая им на смену фантастика, как литературные жанры, на рубеже 50-60-х гг. также выполняли функции медиаторов, обеспечивая ориентацию сознания населения на коммунистические перспективы. Непричастность к официальному дискурсу давало больше свободы в конкретных описаниях будущего, а именно конкретика была более понятна и доступна человеку, которого необходимо было призвать к строительству «светлого будущего».

Помимо литературы, в которой давалось конкретное описание будущего, существовало значительное количество текстов, в которых коммунизм

представлялся опосредованно. Постулировавшаяся идея о том, что лучшие черты социализма перейдут в коммунизм, обеспечивала возможность видеть в действительности 50-60-х гг. прообраз коммунистического устройства. Поэтому художественные фильмы и кулинарные книги с их продуктовым изобилием выступали своеобразным окном в «светлое будущее», показывая советскому человеку жизнь будущего, к которой надо стремиться и которая будет ему наградой за приложенные усилия. Не только пища, но и другие элементы действительности выступали подобными медиаторами, соединявшими коммунизм и действительность.

Население, наряду с официальным дискурсом и комплексом медиаторов, также порождало и тиражировало образы коммунизма. Официальные коммунистические перспективы выступали, скорее, как оболочка, и текст Программы партии воспринимался как своеобразное откровение. Население обращало внимание не на те моменты, которые считали важными ее авторы, а на второстепенные, связанные с обыденной стороной жизни. Наиболее популярной была идея коммунистического распределения, выраженная в лозунге «от каждого по способностям, каждому по потребностям».

Коммунистические представления населения можно разделить на две большие группы: 1) коммунизм «энтузиастов», идеалом которых была коммуна, в которой были бы полностью ликвидированы всяческие различия между ее членами; 2) «потребительский» вариант коммунизма, где общество должно было обеспечить каждого идеальной «кормушкой», освободив от трудов и забот. Первая группа людей готова была вкладывать усилия в дело «строительства коммунизма», отказавшись от благ в настоящем ради приближения «победы коммунизма» и «светлого будущего». Вторая группа, напротив, считала, что элементы коммунизма необходимо вводить в повседневность как можно быстрее, дабы советские люди на себе ощутили радость жизни в коммунистическом обществе.

В большинстве случаев каждый интерпретировал коммунизм по-своему, пытаясь апелляцией к нему решить волнующие его проблемы. В таком

понимании коммунизм можно рассматривать как преемника идеи «земного рая». Такое понимание зародилось в ранний период советский истории, когда население впервые столкнулось с этим теоретическим конструктом марксизма и соединило его с народно-христианскими представлениями. В дальнейшем христианская символика стирается, но суть представления остается неизменной и связывается, в первую очередь, с бытовой благоустроенностью отдельного человека. Такое бытовое понимание коммунизма было вполне естественно, поскольку оно более понятно и лучше усваивается, чем громоздкие наукообразные построения официального дискурса.

Наряду с, в целом, положительным обсуждением программы «развернутого строительства коммунизма» население проявляло к ней и скептическое отношение, что нашло отражение в народном творчестве. Анекдоты показывают, а социологические исследования подтверждают, что часть населения скептически относилось к самой идее коммунизма, а другая часть населения, соглашаясь, в целом, с идеей коммунизма, подвергало сомнению возможность его построения в СССР в установленный двадцатилетний срок. Однако обе позиции, так же как и положительное отношение к коммунизму, имеют одинаковые основания. Скепсис порождала советская действительность с ее неустроенностью: коммунизм должен был вырасти из социализма, то есть фактически из действительности 50-60-х гг., имевшей много негативных сторон.

Помимо выявленных в рамках данного исследования разнообразных образов, 50-60-е гг. предложили множество вариантов представлений о коммунизме, не рассмотренные или лишь упомянутые в данной диссертации. Большой исследовательский интерес представляют, в частности, те образы, которые создавались для детей, циркулировали в среде молодежи, женщин, национальных меньшинств и т.д. Таким образом, коммунистические представления требуют дальнейшего изучения.

Необходимо также отметить, что помешало осуществлению строительства коммунизма в двадцатилетний срок. Одним из главных

препятствий оказалась невозможность реализовать экономическую составляющую Программы партии. Вместо продолжения «советского экономического чуда» 50-х гг., страна в начале 60-х гг. оказалась на экономическом спаде, причиной чему послужило несоответствие идеологических заявлений реальной практике государственного управления. Программа партии говорила о борьбе за мир, а внешнеполитическая ситуация вызывала гонку вооружений, куда необходимо было направлять ресурсы, которые, в свою очередь, могли быть направлены на модернизацию и развитие народного хозяйства в соответствии с планами Программы.

Само по себе это не могло оказать пагубного влияния, поскольку и раньше СССР тратил на военные нужды значительные средства. Рост оборонных расходов в 60-х гг. совпал с другими негативными тенденциями. Многие из них носили внеэкономический характер. Несмотря на проведенную реформу А.Н. Косыгина и отставку Н.С. Хрущева, ситуация не изменилась, а продолжила скатываться по наклонной плоскости, вплоть до развала СССР.

Экономические неудачи отражались не только на народном хозяйстве, не позволяя продолжить прежний экономический рост и выполнить поставленные плановые задачи, но и затрагивали интересы обычных граждан. Провозглашенный Программой партии поворот к интересам человека и улучшению его жизни в действительности обернулся рядом проблем, поскольку создавал противоречие между тем, что человек «слышал», и тем, что он «видел». Такое противоречие не могло не сказаться на отношении к коммунистическим перспективам. Население начинало склоняться к скептическому отношению, а это не могло способствовать мобилизации, которая была принципиально необходима для выполнения поставленных задач в указанные сроки.

На рубеже 50-60-х гг. в Советском Союзе существовал не один, а несколько образов коммунизма. Эти образы были многообразны и разнородны, что вызывало трудности их гармонизации и делало нереальным соединение их в рамках одного официального образа «светлого будущего».

Список источников и литературы

I. Источники

1. Архивные материалы

1. РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Коллекция документов подготовки XXII съезда КПСС
2. РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Коллекция документов по разработке III Программы КПСС
3. РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Фонд редакции журнала «Коммунист»

2. Опубликованные документы

1. XVIII съезд ВКП (б). 10—21 марта 1939 года. Стенографический отчет. М: Партиздат. 1939.
2. XX съезд КПСС. 14-25 февраля 1956 года. Стенографический отчет. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1956.
3. Внеочередной XXI съезд КПСС. 27 января — 5 февраля 1959 года. Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 2.
4. XXII съезд КПСС. 17-31 октября 1961 года. Стенографический отчет. В. 3-х т. М.: Госполитиздат, 1962.
5. Материалы XXII съезда КПСС. М.: Госполитиздат, 1961.
6. Н.С. Хрущев о проекте третьей Программы КПСС // Вопросы истории КПСС. 1989 № 8. С. 3—8.
7. Программа Коммунистической партии Советского Союза // Коммунист. 1961. №. 16.
8. Программа Российской коммунистической партии (большевиков) // Хрестоматия по истории КПСС. М.: Госполитиздат, 1989. Т. 1. С. 316-337.
9. Программа Российской Социал-демократической рабочей партии принятая на II съезде партии // Хрестоматия по истории КПСС. М.: Госполитиздат, 1989. Т. 1. С. 85—90.
10. Резолюции XIX съезда КПСС. 5-14 октября 1952 г. М.: Госполитиздат, 1953.

11. «Утаенная Конституция» Никиты Хрущева // Исторический архив. 1997. №. 1. С. 40—55.

3. Классики марксизма-ленинизма

1. Ленин В.И Государство и революция: учения марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., Госполитиздат, 1974. Т. 33. С. 1—120.
2. Ленин В.И Три источника и три составные части марксизма // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., Госполитиздат, 1974. Т. 23. С. 40—48.
3. Ленин В.И. Письмо В. И. Ленина И. Ф. Арманд от 17 января 1915 г. // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., Госполитиздат, 1974. Т. 49. С. 51—52.
4. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 8. С. 115—217.
5. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 1. С. 414—429.
6. Маркс К. Письма из «Deutsch-Französische jahrbücher» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 1. С 371—381.
7. Сталин И.В Беседа с первой американской рабочей делегацией 9 сентября 1937 г. // Сочинения. М., Политиздат. 1949. Т. 10. С. 117—142.
8. Сталин И.В. Об основах ленинизма // Сочинения. М.:, Политиздат. 1947. Т. 6. С. 95—132.
9. Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР // Сочинения. Т. 16. М.:, 1997. С. 154—223.

10. Энгельс Ф. Эльберфельдские речи // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 2. С. 532—554.

4. Материалы периодической печати

1. Гак Г. Коммунизм и личная собственность // Коммунист. 1961. № 1. С. 66—75.
2. Дмитриевский В., Брандис Е. Современность и научная фантастика // Коммунист 1960. № 1. С. 67—74.
3. Козлов Г. О закономерностях развития производительных сил коммунистической формации // Коммунист. 1961. № 3. С. 28—39.
4. Крокодил. 1961. №. 23, 30, 34.
5. Ленч Л. Перья к бою // Крокодил. 1961. №. 25. С. 4.
6. Логинов А. Читая книгу о коммунизме… // Коммунист 1960 № 12. С. 111—121
7. Панферов Ф. Что такое коммунизм // Октябрь 1960 № 1. С. 90—98.
8. Подгорный Н. На путях к победе коммунистического труда // Коммунист. 1960. №. 6. С. 26—35.
9. Халатов Арт. Перестройте быт // Наши достижения. 1930. №. 1. С. 56—60.
10. Шатров С. Стоп! Дальше колымага не пойдет! // Крокодил. 1961. №. 24. С. 4.
11. Юдин П. Закономерный характер перехода от социализма к коммунизму // Коммунист. 1961. № 12. С. 44—56.

5. Публицистические материалы

1. Быстрянский В. Коммунизм, брак и семья. Пб.: Гос. издательство, 1921.
2. Волгин В.П. Очерки по истории социализма. М.-Л.: Гос. издательство, 1926.
3. Глезерман Г.Е. Будущее которое начинается сегодня. М.: Молодая гвардия, 1960.

4. Глезерман Г.Е. Коммунизм и труд. М.: Госполитиздат, 1961.
5. Епищев П.И., Глазов Л.М. О возрастающей роли КПСС в строительстве коммунизма. Л.: ОРПНЗ РСФСР, 1959.
6. Ефимов В.Т. Коммунизм и мораль. Киев: Госполитиздат УССР, 1961.
7. Журавков М.Г. О коммунистическом воспитании трудящихся. М.: Московский рабочий, 1959.
8. Коммунизм входит в нашу жизнь. М.: Госполитиздат, 1961.
9. Лифанов М. О быте при коммунизме // За коммунистический быт. Л.: ОРПНЗ РСФСР, 1963. С. 47—90.
10. Маслов Н.Н. Самое важное для победы коммунизма. Л.: Лениздат, 1959.
11. Рожин В.П. Развитие XXII съездом КПСС марксистско-ленинской теории. Л.: ОРПНЗ РСФСР, 1963.
12. Рожин В.П. Что значит трудиться по-коммунистически. Л.: Лениздат, 1961.
13. Рожин В.П. Что такое коммунизм? Л.: Лениздат, 1959.
14. Струков Э.В. Человек коммунистического общества. М.: Госполитиздат, 1961.
15. Струмилин С.Г. Рабочий день и коммунизм. М.: Профиздат, 1959.
16. Чесноков Д.И. От государства диктатуры пролетариата к общенародному государству. М.: Знание, 1962.

6. Художественная литература

1. 1001 избранный советский политический анекдот // http://www.gramotey.com/books/311133715182.html
2. Богданов А. Красная звезда. М.: Правда, 1990.
3. Ефремов И. Туманность Андромеды. М.: АСТ, 2004.
4. Русские озорные частушки // thelib.ru/books/avtor_neizvesten/russkie_ozornie_chastushki-read.html
5. Стругацкие А. и Б. Полдень 22 в. М.: АСТ, 2006.

II. Литература

1. Монографии

1. Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественная настроения в СССР в 1953-1964 гг. М.: РОССПЭН, 2004.
2. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.
3. Барт Р. Мифологии. М.: Изд. им. Сабашниковых, 2000.
4. Бурлацкий Ф. Глоток свободы. М.: РИК «Культура», 1997. кн. 1.
5. Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М.: НЛО, 1998.
6. Гриневский О. Тысяча и один день Никиты Сергеевича. М.: Вагриус, 1998.
7. Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов: Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. Кн. 1. Эпоха Хрущева. М.: Прогресс-традиция, 2001.
8. Гуревич П., Ружников В. Советское радиовещание. М.: Правда , 1976.
9. Дмитриев А.В. Социология политического юмора. М., РОССПЭН 1998.
10. Егоров Б.Ф. Российские утопии: Исторический путеводитель. СПб.: Искусство-СПб, 2007.
11. Кузнецов И.В. История отечественной журналистики. М.: Флинт-наук, 2002.
12. Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.
13. Лич Э. Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. М.: Восточная литература, 2001.

14. Малиновский Б. Магия, наука, религия. М.: Рефл-бук, 1998.
15. Медведев Р.А. Н.С. Хрущев: политическая биография. М., 1990.
16. Плаггенборг Шт. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией эпохой сталинизма. СПб.: Нева, 2000.
17. Похлебкин В.В. Кухня века. М.: Полифакт, 2000.
18. Пыжиков А.В. Оттепель: идеологические новации и проекты (1953—1964). М.: Академия гуманитарных наук, 1998.
19. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2001.
20. Фишман Л.Г.Фантастика и гражданское общество. Екатеринбург: УрО РАН, 2002.
21. Фрумкин К.Г. Философия и психология фантастики. М.: УРСС, 2004.
22. Хмельницкий Д. Зодчий Сталин. М.: НЛО, 2007.
23. Чегодаева М.А. Социалистический реализм — мифы и реальность. М.: Захаров, 2003.
24. Шацкий Е. Утопия и традиция. М.: Прогресс, 1990.
25. Элиаде М. Избранные сочинения. Миф о вечном возвращении. М.: Ладомир, 2000.
26. Breslauer G. Khrushchev and Brezhnev as Leaders: Building Authority in Soviet Politics London, 1982.
27. Brudny Y. Reinventing Russia. Russian Nationalism and the Soviet State, 1953-1991. Cambridge, MA, 1998.
28. Gellner E. State and Society in Soviet Thought Oxford, New York, 1988.
29. Nahaylo B., Swoboda V. Soviet Disunion : a history of the nationalities problem in the USSR. London, 1990.

30. Renkama J. Ideology and challenges of political liberalisation in the USSR, 1957-1961: Otto Kuusinen's «Reform Platform», the State Concept, and the Path to the 3rd CPSU Programme. Helsinki, 2006.
31. Shapiro L. (ed.). The USSR and the Future: an Analysis of the New Program of the CPSU. NY, London, 1963.
32. Shlapentokh V. Public and private life of the Soviet people : changing values in post-Stalin Russia. New York, Oxford, 1989.
33. Simon G. Nationalism and policy toward the nationalities in the Soviet Union: from totalitarian dictatorship to post-Stalinist society. Oxford, 1991.
34. Taubman W. Khrushchev. The Man. His Era London, 2005.
35. Walicki A. Marxism and the Leap to the Kingdom of Freedom. Stanford, 1995.

2. Статьи и материалы конференции

1. Абрамян Л. Ленин как трикстер // Современная российская мифология. М.: РГГУ, 2005. С. 68—89.
2. Арутюнов С.А. Основные пищевые модели и их локальные варианты у народов России // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М.: Наука, 2001. С. 5—21.
3. Барг М.А.Историческое сознание как проблема историографии // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 12—38.
4. Барсуков Н. Коммунистические иллюзии Хрущева // Диалог. 1991. №. 5. С. 75—83.
5. Герасимов С. Не найдено главного // Советский экран. 1967. №.8. С. 9.
6. Гества К. Комментарий на тексту Л. Коноваловой Городские детские "пространства"в Челябинске в период «оттепели», 1953-1964. http://isem.susu.ac.ru/curr/kinderwelte_rus/comments/

7. Гюнтер Х. Архетипы советской культуры // Соцреалистический канон. С-Пб.: Академический проект, 2000. С. 743—784.
8. Гюнтер Х. Соцреализм и утопическое мышление // Соцреалистический канон. СПб.: Академический проект , 2000. С. 41—48.
9. Дашкова Т., Степанов Б. Фантастическое в фильмах Андрея Тарского *Солярис* и *Сталкер* // Фантастическое кино. Эпизод первый. М.: НЛО, 2006. С. 311—345.
10. Каган М.С.Анекдот как феномен культуры. Вступительный доклад // Анекдот как феномен культуры. Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 5—16.
11. Ласки М. Утопия и революция // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. М.: Прогресс, 1991. С. 172—189.
12. Манкевич И.А. «Table-talk» по-русски, или русский анекдот как феномен повседневных коммуникаций // Феномен повседневности: гуманитарные исследования. Философия. Культурология. История. Филология. Искусствоведение: Материалы междунар. науч. конф. «Пушкинские чтения — 2005». Санкт-Петербург 6-7 июня 2005 года. СПб.: САГА, 2005. С. 188—216.
13. Мошкин В., Руденко Д. Детский политический анекдот // Социологические исследования, М.: Прогресс, 1996. С. 23—35.
14. Н.С. Хрущев (1894-1971): Материалы научной конференции посвященной 100-летию со дня рождения Н.С. Хрущева. 18 апреля 1994 года. М.: РГГУ, 1994.
15. Нарский И.В. Конструирование мифа о гражданской войне и особенности коллективного забывания на Урале в 1917-1922 гг. //

Век памяти, память века: Опыта обращения с прошлым в XX столетия. Челябинск: Каменный пояс, 2004. С. 394—412.

16. Носов Е. Кострома не Айова // Никита Сергеевич Хрущев: Материалы к биографии. М.: Правда, 1989. С. 94—128.
17. Оболенская С.В. Философия практики, революция и история // http://www.situation.ru/app/j_art_725.htm
18. Паперный В. Соцреализм в советской архитектуре // Соцреалистический канон. СПб.: Академический проект, 2000. С. 129—133.
19. Серио П. Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинализации // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 1999. С. 346—384.
20. Соколов Е.Г. (Русская) культура как феноменально-феноменологический анекдот // Анекдот как феномен культуры. Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 116—128.
21. Фокин А. К вопросу о системном подходе при изучении мифов // Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета ЧелГУ. Вып. 1. Челябинск: ЧелГУ, 2005. С. 27—32.
22. Ханин Г.И. Десятилетие триумфа советской экономики // Свободная мысль–XXI 2002, №. 5. С. 72—89.
23. Чаликов В. Предисловие // Утопия и утопическое мышление. М.: Прогресс, 1991. С. 5—24.
24. Чередниченко Т.В. Наш миф // Arbor Mundi. Мировое дерево. Международный журнал по теории и истории мировой культуры. № 1. М.: РГГУ, 1992. С. 110—132.
25. Шерстобитов Е. Фантастике нужен земной опыт // Советский экран. 1967. № 8. С. 9.

26. Шестаков В.А. Политика Н.С. Хрущева в аграрной сфере: преемственность и новации // Отечественная история. 2006. № 6. С. 106—119.
27. Low A.D. Soviet Nationality Policy and the New Program of the Communist Party of the Soviet Union // Russian Review. 1963 № 22/1. P. 22—46.
28. Brown A. Political Power and the Soviet State: Western and Soviet Perspectives // Neil Harding (ed.) The State in Socialist Society. London, 1984. P. 57—73.
29. Fitzpatrick S. Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia // Journal of Modern History. 1993. № 65. P. 106—120.
30. Hill R.J., The All-People's State and Developed Socialism // Neil Harding (ed.) The State in Socialist Society. London, 1984. P. 37—53.
31. Rigby T.H. The Government in the Soviet Political System // Eugene Huskey (ed.) Executive Power and Soviet Politics: The Rise and Decline of the Soviet State. Armonk, N. Y., 1992. P. 95—117.

3. **Неопубликованные исследования**

72. Дрындин В.Л. История пропагандированная постулатов государственной идеологии в условиях начала демократизации Советского общества (на материале Южного Урала середина 50-х – середина 60-х гг.) Дисс. … канд. исторических наук. Оренбург, 1997.
73. Ковтун Н.В. Русская литературная утопия второй половины XX в. Дисс. … докт. фил. наук. Томск, 2005.
74. Лиокумович Е.А. Диссидентская утопия в советском культурном пространстве. Дисс. … канд. филосов. наук. М., 2005.
75. Луцина Т.Ю. Миф «развернутого строительства коммунизма» в советском обществе в середине 50-х — начале 60-х годов. Дисс. … канд. ист. наук. Ижевск, 2002.

76. Поползунов Ю.А. Н.С. Хрущев как политический лидер. Дисс. … канд. полит. наук. М., 2003.
77. Трофимов А.В. Советское общество 1953-1964 годов в отечественной историографии: политика и экономика. Дисс. … докт. ист. наук. Екатеринбург, 1999.
78. Шаповалова Н.Е. Коммунистическая перспектива в представлениях крестьян Европейской части России (1921-1927 гг.). Дисс. канд. … ист. наук. Армавир, 2001.

4. **Справочные материалы**

1. Брусиловская Л.Б. Культура повседневности в эпоху «оттепели»: метаморфозы стиля. Учебное пособие. М., Изд-во УРАО, 2001.
2. Всемирная история экономической мысли. М.: Мысль, 1997. Т. 6. кн. 1.
3. История мировой журналистики. Под ред. Беспаловой А.Г. Москва – Ростов-на-Дону: МарТ, 2003.
4. История политических партий в России. Под ред. Зевелева А.И. М.: Высшая школа, 1994.
5. Книга о вкусной и здоровой пище. Изд. 3. М.: Пищепромиздат., 1951.
6. Книга о вкусной и здоровой пище. Изд. 4. М.: Пищепромиздат., 1961.
7. Книга о вкусной и здоровой пище. Изд. 5. М.: Пищепромиздат., 1964.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка М.: Русский язык, 1990.
9. Политические партии России конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 1996.
10. Ровный Б.И. Введение в культурную историю. Учебное пособие. Челябинск: Каменный пояс, 2005.
11. Энциклопедия фантастики. Под ред. Вл. Гакова. Минск: Галаксиа, 1995.